

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРОБЛЕМ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Нюңун нюңунтоно
Нюңурмок – ахаткан-куңакан
Шестипрядевые косы имеющая
шестикосая Нюңгурмок –
девочка-сиротка

Книга издана при финансовой поддержке
Государственного комитета
Республики Саха (Якутия)
по национальной политике

ЯКУТСК
2015

УДК 398.22(=512.212)
ББК 82.3(2Рос=Эвн)
Н97

*Утверждено к печати Ученым советом
Института гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН*

Н97 Нюнун нюнунтоно Нюнурмок – ахаткан-кунакан Шестипрядевые косы имеющая шестикосая Нюнгурмок – девочка сиротка / Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. народов Севера; [сост.: Г.И. Варламова, А.Н. Мыреева, А.Н. Варламов]. – Якутск: ЦИКЛ, 2015. – 184 с.: ил.

Агентство СІР НБР Саха

ISBN 978-5-9905449-2-5

В книге опубликовано два варианта эпоса о Шестикосой Нюнгурмок, записанных от братьев Трофимовых – талантливых нимнгакаланов (сказителей) эвенкийского рода Бута. Опубликованное сказание является ярким образцом, демонстрирующим богатство и разнообразие фольклорных традиций эвенков.

Издание рассчитано на специалистов различных научных дисциплин, а также широкий круг читателей, интересующихся культурой одного из древнейших народов Сибири.

УДК 398.22(=512.212)
ББК 82.3(2Рос=Эвн)

ISBN 978-5-9905449-2-5

© Г.И. Варламова, 2015
© А.Н. Мыреева, 2015
© А.Н. Варламов, 2015
© ООО «ЦИКЛ», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Братья Трофимовы – нимнгакаланы рода Бута.....	5
ТЕКСТЫ:	
Трофимов Егор Гермогенович. «Нюун нюунтоно Нюнурмок – аңадякан-ахаткан». Перевод. Шестипрядевые косы имеющая шестикосая Нюнгурмок – одинокая девочка.....	12
Нюнурмок – Аңадякан-атыркан.....	93
Перевод. Нюнгурмок – одинокая старушка.....	118
Н.Г. Трофимов. Сулаки Сули-Сули – нимңакан.....	138
Перевод. Плут-лис по имени Сули-Сули.....	145
СТАТЬИ:	
Варламова Г.И. Особенности эвенкийских героических сказаний и условия их бытования в советский период (30-60 гг. XX в.).....	154
Яковлева М.П. Сведения о роде Бута.....	168
Варламов А.Н. Сказание о Нюнгурмок – история эвенков в нимнгакане.....	175

*Столетию со дня рождения талантливогo эвенкийского
рапсода-нимнгакалана Николая Гермогеновича Трофимова
и 107-летию его брата Егора Гермогеновича, сохранивших
истинно-эвенкийские традиции эпического сказительства в
своем устно-поэтическом творчестве, памяти эвенкийского
филолога Анны Николаевны Мыревой
посвящается эта книга*

Братья Трофимовы – нимнгакаланы рода Бута

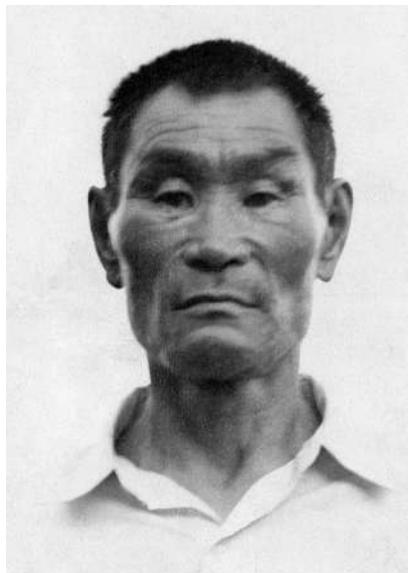
Егор Гермогенович Трофимов – родился в 1908 г. в селе Чулба (бывшего Учурского) ныне Алданского района ЯАССР, был членом КПСС, колхозником и передовым кадровым охотником. С 1936 г. проживал в с. Аим Аяно-Майского района Хабаровского края. Егор Гермогенович начал исполнять сказания в 18 лет, любимым сказанием было «Нюнурмэк атыркан – Старушка Нюнгурмок», записанное А.В. Романовой и опубликованное в книге «Фольклор эвенков Якутии» [Л., 1971]. Это сказание он впервые услышал в 15 лет в исполнении Романа Заболоцкого. В 1989 г. вариант сказания о Нюнгурмок был записан А.Н. Мыреевой и Г.И. Варламовой в научной экспедиции к эвенкам Хабаровского края на магнитофон. Сказание называлось «Нюнун нюнунтоно Нюнурмок ахаткан – аңадякан – Шесть шестипрядевых кос имеющая Нюнгурмок – одинокая девочка». В то время сказитель жил у сына, был тяжело болен, и, не поднимаясь с постели, все же напел свое любимое сказание. Так как сказитель был прикован к постели, он уже не мог петь в полную силу. Из-за этого, как пишет А.Н. Мыреева, страдал не только физически, но и духовно – «слезы

текли по его морщинистым щекам» [Типы героических сказаний эвенков. – Новосибирск: Наука, 2008].

К сожалению, сказитель не поведал других сюжетов, которые знал, т.к. уже тяжело болел.

Расшифрован с аудиносителя текст оригинала № 1 – «Нюнун нюнунтоно Нюнурмок ахаткан-аңадыкан – Шесть шестипрядевых кос имеющая Нюнгурмок одинокая девочка», переведен на русский язык Г.И. Варламовой. Для удобства чтения оригинала и перевода варианта 1989 г. текст разбит на блоки по 10 строк, которые подаются последовательно: 10 строк эвенкийского текста и за ними соответствующий перевод на русский язык.

Публикуемый в данном издании 2-й вариант записи того же сказания 1960 г., осуществленный первым кандидатом педагогических наук из числа эвенков Агнией Васильевной Романовой, ранее был опубликован в книге «Фольклор эвенков Якутии» [Л., 1971]. Текст оригинала дан без изменений, исключая лишь то, что отдельные монологи героев разбиты на стихотворные строки соответственно длине запевной строки (запевных слов персонажей). Способ научной транскрипции, примененный при публикации 1971 г., заменен на практическое письмо эвенков А.Н. Варламовым.

Николай Гермогенович Трофимов – родился в 1915 г. в верховьях Учюра (приток р. Алдан) Алданского района ЯАССР в семье эвенка – охотника из рода Бута Гермогена Трофимова. Николай Гермогенович был самым известным сказителем из рода Бута. В семье Николай был младшим, 12 ребенком. Мать и старшая сестра Татьяна были прекрасными исполнительницами песенного фольклора эвенков. Вторая сестра сказителя, Елена, исполняла героические сказания, усвоенные ею от чумиканских и аянских эвенков Хабаровского края [Мыреева А.Н. Братья Трофимовы – сказители рода Бута // Типы героических сказаний эвенков. – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 105]. Эти сказания она унаследовала от бабушки по материнской линии.

В детстве Николай Гермогенович ничем не выделялся среди своих сверстников, был тихим, немногословным, но трудолюбивым и проворным мальчиком. Он отличался высоким ростом и длинными ногами, поэтому имел прозвище «ухун атах» (букв. с якутского: длинная нога). Н.Г. Трофимов в молодости был самым ловким и быстрым в погоне за оленями – как эпический богатырь, он мог бегом догнать и поймать убегающего оленя. А.Н. Мыреева пишет

о нем: «Как все дети тайги, Николай рано научился всем премудростям нелегкой кочевой жизни – выслеживать зверя, метко стрелять, пасти оленей, кочевать, ставить чум» [Мыреева А.Н. Братья Трофимовы – сказители рода Бута // Типы героических сказаний эвенков / сост. Г.И. Варламова, А.Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 104]. Николай Гермогенович впервые услышал нимнгакан «Иркисмондя-сонич – Иркисмондя-богатырь», когда ему было 10 лет. Сказание исполнял амурский эвенк Семен Заболоцкий (из рода Бута) – первый учитель будущего сказителя. О его учителе Семене Заболоцком не имеется никаких сведений. Поначалу будущий сказитель исполнял усвоенное им сказание сверстникам, тайком от взрослых. Летом, когда дети ночевали в отдельной палатке от взрослых, Николай ночами вполголоса исполнял сказание, и его подслушал один пожилой родственник. Днем он подозвал к себе мальчика и уговорил исполнить сказание для взрослых. В первый раз юный сказитель пел сказание семь ночей подряд, когда ему было всего двенадцать лет. Взрослые слушали его с интересом, и это его вдохновляло. С тех пор его часто просили петь нимнгакама нимнгаканы, и он никогда не отказывался [Мыреева А.Н. Братья Трофимовы – сказители рода Бута // Типы героических сказаний эвенков. – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 104]. Таким образом, уже в 12 лет взрослые родственники признали его настоящим сказителем. Также от сказителя Семена Заболоцкого Н.Г. Трофимов перенял нимнгаканы «Дулин Буга Торгандунин – Торгандун Средней земли» и «Со бэ Содани-мата – Храбрый Содани богатырь». Вторым учителем сказителя был учурский эвенк Александр Колесов (тоже из рода Бута), от которого Н.Г. Трофимов перенял два других сказания: «Инардан дэвэрдэн тэтылкэн дэжилтэр соңку Дэвэлчэн – Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде», «Нюңурмок атыркан – Старушка Нюңурмок».

В 30-40 гг. XX столетия в Якутии кочевые эвенки стали объединяться в промысловые артели, и у юного сказителя появилась возможность чаще исполнять нимнгаканы, и тем самым совершенствовать свое сказительское искусство [Мыреева А.Н. Эвенкийские героические сказания // Эвенкийские героические сказания. – Новосибирск: Наука. – С. 80].

Н.Г. Трофимов еще до Великой Отечественной войны стал жить в окрестностях п. Кутана Алданского района РС (Я). В указанном поселке уже многие эвенки не знали хорошо эвенкийского языка, в торжественные дни различных праздников (день оленевода) по их просьбе ему приходилось исполнять свои сказания на якутском языке.

К моменту работы с А.Н. Мыреевой, сказитель не исполнял сказания на эвенкийском языке уже более 20 лет из-за отсутствия слушателей. Поэтому, при исполнении нимнганов для А.Н. Мыреевой, он употреблял многие якутские выражения и идиомы. Однако, как отмечает А.Н. Мыреева, большая часть любых заимствований осваивается эвенками творчески, поэтому не только произношение, но значения якутских слов и словосочетаний приобретают новые семантические значения и оттенки [Фольклор эвенков Якутии / сост. А.В. Романова, А.Н. Мыреева. – Л., 1917. – С. 97]. Николай Гермогенович был творческим человеком, исполнение эпоса было для него насущной потребностью, которую в период 50-60 гг. XX столетия он уже не мог полностью реализовать, из-за перехода большей части эвенков Алданского района на якутский язык общения в быту. Начиная с 40-х гг. XX в. в Якутии все эвенки обучались на якутском языке. К примеру, по воспоминаниям ныне живущей исполнительницы эвенкийских песен Г.С. Керегяевой, эвенкийским детям в интернатах воспитатели и учителя запрещали говорить на родном языке. Многие интернатские дети уходили в лес, чтобы там поговорить, поиграть и пообщаться на родном языке. Так как детям приходилось учиться и жить в интернатах, сфера употребления родного языка была крайне сужена. В таких условиях эвенкийский фольклор начинал угасать. По сведениям А.Н. Мыреевой, не имея аудитории слушателей, сказитель Н.Г. Трофимов иногда «поднимался на самую высокую гору и во весь голос пел песни и нимнгананы в одиночестве. И единственным его слушателем была родная природа, тайга и ее обитатели-животные. Ему казалось, что деревья машут ему своими ветвями, птицы приветствуют его своим пением. Петать так он мог весь день, пока его творческая натура не успокаивалась» [Мыреева А.Н. Братья Трофимовы – сказители рода Бута // Типы

героических сказаний эвенков. – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 105].

В феврале 1959 г. А.Н. Мыреева, будучи младшим научным сотрудником Якутского института языка, литературы и истории СО СССР, поехала в командировку в с. Кутана Учурского (ныне Алданского) района, и впервые встретила с Н.Г. Трофимовым. В то время она записала от сказителя под его диктовку сказание «Иркисмондя соняц – Иркисмондя богатырь». Работали они около месяца, с утра до позднего вечера ежедневно, с короткими перерывами для отдыха. Н.Г. Трофимову было непривычно диктовать то, что следовало по эвенкийским традициям сказывать речитативом и петь (монологи героев). Эвенкийский героический нимнган во многом состоит из песен-монологов действующих лиц, в нем поют все: богатыри, верховые олени, кони, птицы, даже рыбы и деревья. Сказитель сидел, закрыв глаза, и диктовал сказание. В конце первого дня работы он сказал: «Когда же закончишь писать сказание! Ведь сказание очень длинное, на это потребуется столько времени, которое составит время езды на оленях не на одну тысячу кочевков. Руки могут онеметь, пока пишешь» [Мыреева А.Н. Братья Трофимовы – сказители рода Бута // Типы героических сказаний эвенков. – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 106]. За время, отведенное на командировку, Анна Николаевна записала всего одну треть указанного сказания. Срок командировки подошел к концу, в последний день работы сказитель сказал ей: «Я немного умею писать, в молодости учился писать и читать в ликбезе. Попробую дописать сам то, что не успели» [Мыреева А.Н. Братья Трофимовы – сказители рода Бута // Типы героических сказаний эвенков. – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 106]. Как вспоминает А.Н. Мыреева, Николай Гермогенович был очень наблюдательным человеком, когда она записывала под его диктовку сказания на эвенкийском языке, он усвоил многие ее приемы скорописи. Николай Гермогенович позже самостоятельно дописал сказание «Иркисмондя соняц – Иркисмондя богатырь». Его самозапись вполне понятна и грамотно оформлена, хотя он прошел лишь основы ликбеза. В ликбезе сказитель освоил грамоту на латинском алфавите и позже самостоятельно усвоил правописание на кирил-

лице. Делая самозапись сказания, он смешивал русские и латинские буквы, но над долгими гласными ставил знак долготы, как делала А.Н. Мыреева. Таким же образом Николай Гермогенович сам записал еще три сказания из своего репертуара: «Дулин Буга Торгандунин – Торгандун средней земли», которое вышло в 2013 г., «Иһардан-дэвэрдэн тэтылкэн дэгилтэр соңку Дэвэлчэн – Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой-разукрашенной одежде» и «Со бэе Содани мата – Храбрый человек Содани мата» [Эвенкийские героические сказания. Новосибирск, 1990]. Охотясь зимой один в тайге, сказитель тяжело заболел, но смог самостоятельно приехать в п. Кутана. Был вызван санрейс, и его увезли в г. Алдан на операцию. Во время операции его сердце не выдержало наркоза, и он скончался. В больницу с собой он взял рюкзак, где находились две тетради с записями сказаний, адресованные А.Н. Мыреевой [Мыреева А.Н. Братья Трофимовы – сказители рода Буга // Типы героических сказаний эвенков. – Новосибирск: Наука, 2008. – С. 107]. После его кончины медицинский персонал выслал эти тетради, адресованные А.Н. Мыреевой, в г. Якутск.

Николай Гермогенович был преданным, талантливым человеком и истинным патриотом своего народа. Он сохранил и передал эвенкам их духовное наследие. В своих трудах А.Н. Мыреева писала о Н.Г. Трофимове, как об одном из последних сказителей рода Буга. Его сказания продолжают жить в современной форме сценического исполнения эвенкийских сказаний. В данное время эвенк Исаков Валентин Гаврильевич из рода Эдян исполняет героические сказания Н.Г. Трофимова на эвенкийских праздниках, а также на различных конкурсах исполнителей эпоса.

В данное издание составители поместили неопубликованное повествование Н.Г. Трофимова о плуте-лисе в образе молодого парня по имени Сули-Сули (из фольклорных материалов А.Н. Мыреевой, хранящихся в секторе эвенкийской филологии ИГи-ИПМНС СО РАН, г. Якутск).

*Сведения о братьях Трофимовых по материалам
А.Н. Мыреевой составила М.П. Яковлева
– младший научный сотрудник сектора эвенкийской
филологии ИГи и ИПМНС СО РАН*

Егор Гермогенович Трофимов

**НЮЦУН НЮЦУНТОНО НЮЦУРМОК –
АҢАДЯКАН-АХАТКАН (ШЕСТИПРЯДЕВЫЕ
КОСЫ ИМЕЮЩАЯ ШЕСТИКОСАЯ
НЮНГУРМОК – ДЕВОЧКА-СИРОТКА)**

«Нюцун нюцунтоно Нюцурмок – ахаткан-аңадьякан» – тара нимңакандяв. – Шестипрядевые косы имеющая шестикосая Нюнгурмок – девочка-сиротка» – этот героический нимңакан поведаю» (реплика сказителя перед началом исполнения сказания).

1. Билир-билир,
Дуннэ моиканин
Сенңачинин серилдивдьяра-
кин,
Мо бими элэкэс мокивдьяра-
кин,
Дулин Дуннэңит
Коңнорин тукалакан
Элэкэс коңноргодёрокин,
Урэ бихикин улуки
Иргигэчинин угдургодёро-
кин,

10. Янэ бими элэкэс киринас

11. Нандагачинин гилбарга-
дьяракин,
Дулин Буга оёдун,
Мора дулиндун
Оскендечэн-тывэндечэн
Нюнурмок –
Аңадьякан-ахаткан.

1. В давние давние времена,
Когда верхушка земли по-
добная чума верхушке
Величиной с ушко со шкур-
ки головы дикого оленя
прорезывалась,
Дерево, будучи деревом,
лишь деревенеть начинало;
Средняя земля Дулин Дуннэ
Своей черноземной землей
Лишь чернеть начинала;
Гора, словно стоячий хвост
белки

Ввысь устремляться
начала, увеличиваясь;

10. Янэ-река подобно
горностаю

11. Блестящей белой шерсти
поблескивать начинала;
На поверхности средней
земли Дулин Буга,
Посередине моря
Появилась-росла
Нюнгурмок –

Тар бугава Эртыки-тартыки	Такой большой земля-стра- на становилась.
	Если эту землю-страну От края до края
40. Кэрийнэ ичэрэкив –	40. Внимательно оглядел бы я –
41. Едукта ая мочи, Едукта ая Урэчи-ечи, Алахичи, Ечи одяча. Умун янэ-бира Даптудукин дэрэндулан Адулана нэнэдерэкив, Арай умун утэкэн бихин.	41. С наилучшими деревьями, Самыми прекрасными Горами и скалами, Аласами, И всем прочим становилась эта земля. Если одну реку большую, текущую там, От самого устья до самого конца ее Внимательно окинуть взгля- дом, Там, оказывается, одно жилище-утэнчик имеется.
50. Эр утэкэнмэ	50. Это жилище утэнчик
51. Эртыки-тартыки ичэрэ- кив, Умукомоко оскендечэ-ты- вэндечэ бичэ. Тара ичэрэнэкив, бихэмдэ, Яна-биранду екунда ичэркэ бола, Укичи бичэ вет. Укивэ мэнын-ну оча, Цигу оча – эчэлты сарэ. Эр укилэви хокторон Хокторондеринка нуңан –	51. Если внимательным взглядом окинуть, Одинокий кто-то, появив- шись на свет, живет в нем. Если это все осмотреть вни- мательно, То на большой реке тоже что-то виднеется, У этого одинокого жильца заездок-уки имеется. Этот заездок-уки сама ли сделала,

60. Дуюкин дуннэду

61. Дэнмэриндекэлэн,
Дуюкин дуннэдун
Хэннэли одалан,
Угун буга хокторондевки.
Иргит тэкэлкэнмэн,
Сэксэлкэнмэн-дэ
Цикэт эхин сарэ.
Умукомо куцакан-аңадякан
Оскендечэ-тывэндечэ бичэ.

70. Тар некэксэ, горово-до,

71. Дагава-да бинэвэн эчэв
сарэ.

Таргачин тэгэтчэрэкин,
Эмуккоккон бидерэкин,
Иргит-дэ ай-бэе гиркурин
Эвки саврэ бола.
Эмукин таду биссэ бидерэ-
кин,
Умнэкэн олдондулан ичэрэ-
кин –
Урин додун екунла
Хуругучондылькэн

Кто ли для неё сделал – нам
неведомо.

60. К заездку этому тропа
Проторенная имеется –
В мягкой земле

61. Увязая, шла,
Проваливаясь в мягкую зем-
лю
До самых колен своих,
По такой земле тропинку
торила.

Откуда корнем своего
рождения была,
Откуда по крови происхож-
дением

Никому неведомо.
Одинокий ребенок-сирота
Появившись, росла-жила.

70. Между тем, долго ли так,

71. Коротко ли жил этот ре-
бенок, не знаю.

Вот когда она так проживает,
Одинёшенько проживает –
Ниоткуда-то ай-человека
приход

И не предвидится вовсе.
Вот когда так и жила,
человеком будучи,

Однажды взглянула она на
себя сбоку –

В животе ее что-то
Подобно большому пальцу
величиной

80. Екунла оскендечэн.

81. Урин додун, хуругучон-дин она,

Екун-ка, ци-кэ оскедечэ.

Де тара гунми-гунми,

Адылладаканма бичэ.

Укилэви нэхилэ гиркуриви

Одалан – урин хэгдыңэльчэ.

Укилэви-дэ нэнэрин маңа оран.

Эр анадякан-куцакан:

– Екундук минэвэ

90. Иргит эмэнэ аикладин,

91. Буты эмэрэкин?

Иргит тэкэлкэн-сэксэлкэн,

Эмэксэ, айдиңан? – гуннэ.

Нимцакан биксэкэн,

Удадиңан бара до?!

Ахунма-да эчэ горо бидэ,

Тар биденэ биксэкэн,

Де умнэкэн нуңан бихэмдэ

Урин энуллэн.

100. Он некэдиңэн, буксэ

80. Кто-то зародился и рос.

81. Внутри живота ее, с большой человеческий палец величиной,

Что-то, кто-то ли зародившись, рос-увеличивался.

Вот об этом думая-думая,

Несколько дней прожила.

До заездка-уки своего

теперь уж

Кое-как уж могла – живот увеличился.

До заездка-уки невозможно ходить ей стало.

Эта сиротка-ребенок:

– Кто же и что же,

90. Хоть откуда-нибудь придя, поможет мне,

91. Когда смерть придет ко мне?

Кто и откуда корнем-кровью будучи,

Придя сюда, поможет мне? – говорит.

Сказание есть сказание –

Разве можно остановить события в нем?!

И недолго-то она так прожила,

Пожила так немного,

И вот однажды у нее

Живот заболел.

100. Что ей было делать, чуть не умирая,

Энекэнде-гу!
Иңинике, силгиндем.
Силгимо, силгимо!
Биргэнде билдэн,

130. Цонум дялив урумул-
дэн.

131. Эмнэ кэңтырэв тыел-
дэн!

Эней, эней,
Энекэнде-гу,
Биргэв оран.
Соди, соди карайкал.
Би синдук балдым,
Бэе оми, синэвэ
Эриксэвэс эрухуйдеңэв.
Карайкал, карайкал!

140. Тэтыксэ бими,

141. Тэтывдеми,
Минэвэ дякилкал,
Екун тэтылкэн бихин.
Хуркэн-хутэс,
Би балдым,
Эней, эней!
Уруннудуви содун
Энуривэ-дэ энэ сарэ,
Сэктэвунми дондун

Рожденная, матерью
называемая,
Матушка моя!
Холодно мне, дрожу весь.
Дрожу от холода, дрожу!
Беда приключилась,

130. Долгие мысли мои
укоротились.

131. Широкая спина моя
сузилась!
Мама, мама моя,
Бабушка ли моя ты,
Беда со мной приключилась.
Быстренько, быстренько
спаси.

Я от тебя родился,
Когда человеком-мужчиной
стану, я тебе
Жизнь-дыхание твои
поддержу.

Спасай, спасай меня!

140. Если одежда есть,

141. Одевай меня,
Заверни меня
В имеющуюся одежку.
Парнишка-ребенок твой,
Это я родился,
Мама, мама!
От радости большой
Даже боли она не
чувствовала,
В самую середину постели
своей

Тар некэксэ,
Умун хорокива

180. Вакса, эмувчэ.

181. Тара депнэл, анңачал.

Тыминын нян бэючэ.
Тар бэюксэ,
Илан мэңэтувэ вакса,
Илан имэңнэдуви уиксэ,
Дюлави эмувчэ.
Тар букатыр оча
Тар илан долбониду.
Тара девуксэл,

190. Энинын гунчэвки:

191. – Тэдемэ, –
Дулин Буга оёдун
Бэе тэкэнин одави
Оскечэ хутэв, боллага», –
Гундэ гунми дялдатган.
Сомат урунитгэн –
Дулин Буга итчин одави
Оскечэ эр куңакан, гуннэ.
Сомат урунитгэн,

200. Мактаниттан –

В тайгу ушел.
После этого,
Одного глухаря

180. Добыв, принес.

181. Съев и это,
переночевали.

На следующий день он
опять пошел охотиться.

На охоту пойдя,
Трех диких оленей убив,
К трем своим завязкам
кафтана привязав,
Домой принес.

Вот каким богатырем стал
Всего за трое суток.
Когда и это съели они,

190. Мать стала размыш-
лять:

191. – И в действительности –
Чтоб на средней земле
Дулин Буга
Корнем людей стать
Вот для чего родился мой
сын, –

Приговаривая, размышляла.
Обрадовалась она очень –
Чтобы духом-хозяином
Дулин Буга стать

Появился-родился этот
ребенок, сказала себе.

Обрадоваться этому
обрадовалась,

200. Но заволновалась очень

- ԴՈՇԵՐԻ ԴԵՎԱՆ-ՏԱՐԻՔԱ -

270. Били хутэви ванаван
271. Ирун бэйцэнилби
Уллэлбэтын ириксэкэн,
Эвэтгэрэн нунарбатын.
Тар ахаткар-куңакар
Бугалавар сомат утатта.
Тар-дат бугалавар
Де нэнэхинэ.
Тар нэнэхинденэл,
Экимэтын тыкэн гуннэ,
280. Турэлкэн оча:
281. – Дулин Буга итчин,
Нюнурмок-атыркан,
Де сомат аят бикэл,
Хутэви ая бэе овкакал!
Тадук тавар хунил
Де бугалавар нэнэхинэ,
Нюнурмок гунэри атыркан-
ма
Поростилахиксал.
Тавар атыркан хутэн,
290. Хуругучондин она
оскедери
291. Хуругучон гунэри
Дулин Буга букатырин
Тавар аххаткар-куңакарба
Ахари дялин ирэн.
270. Все, что добыл ее
сынок,
271. Диких оленей
Мясо сварив,
Угостила их.
А девицы те
Очень на свою родину
спешат.
Тут же на родину
Отправляются они.
Собираясь в дорогу,
Старшая из сестер, так
говоря,
280. Речь свою повела:
281. – Дух средней Дулин
Буга,
Нюнгурмок-бабушка,
Живи хорошо,
Ребенка своего челове-
ком-мужиной воспитай!
Затем эти девицы
На родину к себе
отправились,
С Нюнгурмок именуемой
бабушкой
Простившись.
А сын старушки,
290. Зародившийся когда-то
в утробе матери величиной с
большой человеческий палец
291. Хуругучоном именуе-
мый
Средней Дулин Буга бога-
тырь

320. Бугалавар ихиксакар,

321. Няан икэлдэ,
Солкокчон икэлдэн:
– Кимэ-кимэ, кимэнин!
Геван-этыркэн аминдяв,
Дондолима доровоё
Дявадякал!
Бу гунэнэвэр бугавар
Бутуннувон гиркурав-эмэ-
рэв.
Дулин буга итчин,

330. Ньюнурмок гунмури,

331. Эвэкэвэр ичэрэв,
Хуркэн-хутэвэн ичэрэв.
Со ая кунакан,
Эмэнмурэн таду,
Бугадуви.
Тар качиканин
Бу хэргидэдувун
Нёриликэн эмэдечэн.
Тар илэ иснаван,

340. Эчэлбун сарэ.

341. Содди тургэнди
Девгэе бэлэннэдэкэл,

А между тем
Те девицы-птицы

320. Достигли своей
родины,

321. Опять запели,
Солкокчон запела:
– Кимэ-кимэ, кимэнин!
Уважаемый отец, называе-
мый Геван-дедушка,
Звонкое приветствие
Принимай!
Мы все желаемые нам земли
От края до края землю
облетев, вернулись.
Духа-хозяйку средней земли
Дулин Буга,

330. Ньюнурмок
именуемую,

331. Бабушку нашу
повидали,
Ее ребенка-парнишку
повидали.
Такой прекрасный ребенок,
Остался там,
На своей родине.
Но всю дорогу неведомый
Щенок пестренький,
пестрея шкуркой,
За нами по земле бежал.
Куда он потом делся,

340. Не знаем мы.

341. Давайте быстренько
Еду приветную нам готовьте,

Нян нуцан де эмэчэ.
Гэннэри гэрбин,

370. Сунтари суракин –

371. Илан кирилкан
Сэлэргун Сэвэенде
Гунэри гэрбилкэн.
Тар ахиладави эмэчэ.
Тар эмэксэкэн, де
Тыкэн гундэ улгурдечэ,
Сэели сэхэргэлчэ:
– Кэңгэрдэнин, кэңгэрдэ-
нин!
Геван-этыркэн,

380. Дондолима доровоё

381. Дявадякал!
Би Хэргу буга авахилин
Атамантын бихим.
Де эмэм си хунилди
Гэннэри гэрбидулэтын,
Сунтари суракулатын эмэм.
Кэңгэрдэнин, кэңгэрдэнин!
Ая зетку бучинди,
Уха зет-ку бучинди!

Имена которых были
известны и прославлены,
Это он к ним прибыл.
Имя пришедшего тоже было
известно всем,
Прославлено повсюду было
имя его,

370. Звучное имя он имел –

371. Трехгранный
Сэлэргун Сэвэендя – Желез-
ная Ржавчина.
Жениться прибыл он.
Вот прибыв,
Заговорил громко,
Заговорил-загремел,
Такую речь держал:
– Кэңгэрдэнин, кэңгэрдэ-
нин!
Геван-старик,

380. Мое звучное
приветствие

381. Принимай быстро!
Я с нижней земли
Среди всех авахов атаман
есть.
Я прибыл к твоим дочерям
На их известные прослав-
ленные имена,
На их известную судьбу
прибыл.
Кэңгэрдэнин, кэңгэрдэнин!
По добру ли отдашь,
Если и не согласен будешь –
отдашь!

410. Авахива утари,
411. Дуюди дуннэдуви
Эрчэклэви бадарадяне,
Манади дундэдуви
Хэннэклэви бадарадяна
Авахива утари гиркураан.
Тар некэксээн,
Таргачин-эргэчин
Гундэ икэлчэ:
– Ге-гуге, гукэнин!
420. Дулин Буга боюнин,
421. Хуругучондин она,
оскечэ,
Хуругучон гунмури
Букатырба он энэ
Сарэ гиркудянды.
Би бихим
Хуругучон букатыр.
Би синэвэ сачим,
Хэргу Буга авахилин
Атамантын бихинды.
430. Сома солко тэтылкэн
431. Солкокчонмо би синдү
Ая аят эхим бурэ.
Тара эми кэрэйрэ
Эмэкэл, кухигэт!
410. К авахи-врагу, спеша,
411. В мягкой земле
По колено увязая,
В твердой земле
По щиколотки
проваливаясь,
Спеша направился к авахи.
После этого,
Стал речь держать,
Заговорил-запел так он:
– Гуге-гуге, гукэнин!
420. Богатырь средней зем-
ли Дулин Буга,
421. Хуругучон-Большой
палец именуемый,
Каждый день прибавлявший
в росте на величину большого
мужского пальца в утробе ма-
тери,
О таком богатыре не знал
ты,
Поэтому и пришел сюда.
Я есть –
Хуругучон-Большой палец.
Я о тебе все знаю,
Нижней земли Хэргу Буга
авахов-врагов
Атаманом ты являешься.
430. Облаченную в шелко-
вые одежды
431. Солкокчон я тебе
Ни за что добром не отдам.
Если это не нравится тебе,
Подходи, давай сразимся!

- ХУРУГУЧОН-ЩЕНОК ГОНИТСЯ ЗА ДОЧЕРЬМИ
ГЕВАН-СТАРИКА -

Умундук ге,
Кейчэ,
Солко тэтылкэн Солкокчон-
мо

Гадиңан.

Аи-ахаткан куңаканма

440. Гакса, иргитчиңэс до?

441. Хутэвэ-гу, сохувэ-гу

Иргитнэви санды-гу,

Эчэс-ку?

Окин-да таргачин

Эчэ бихи!

Тарит би синэвэ

Эр бугадук,

Дулин Бугадук

Няңняла услидиңэв.

450. Гирамнавас

451. Мора урускалин

Итэгэстун гиркэдеңэв.

Тар дюлэдун ноноё

Бугалави нэнэкэл!

Эр Дулин Бугаду

Экэл ичэврэ-кэт.

Тарит би

Тар эвгидэлин

Солкокчонмо эхим бурэ.

Один из нас,
Победивший,
В шелковые одежды обла-
ченную Солкокчон

В жены себе возьмет.

Человека-аи, девушку

440. В жены взяв, разве смо-
жешь ты ее человеком сделать?

441. Ребенку-ли, другому ли
живому существу

Разве ты можешь достой-
ную жизнь обеспечить,

Да или нет?

Никогда такого

Не было и не будет!

Поэтому я тебя

С этой земли,

Со средней земли Дулин
Буга

В верхнее небо закину.

450. Кости твои

451. Разбросаю там,

Куда не достигают реки,
впадающие в море.

Поэтому ты лучше-ка

На свою родину

отправляйся назад!

Чтоб я тебя больше не видел

На нашей средней земле

Дулин Буга.

Ни за что я тебе

Добром

Солкокчон не отдам.

460. Тара эми долдыра,
461. Эмэкэл – кухигэт!
Ни кейча –
Солкокчонмо гадиңан.
Авахикан икэлдэн:
– Кэңэрдэнин, кэңэрдэнин!
Дулин Буга боюнин,
Хуругучондин она, оскенэ,
Хуругучон гунэри букатыр,
Си улдэс сахин
470. Эчин дипкинэ,
471. Гирамдас эчин мандыл-
да,
Аи-букатырин,
Си этэнди
Минду тулуйра.
Би синдук биденэ,
Букатырба ачинча бихим.
Си мэнды мэннилэи
Бугалави нэнэкэл!
Постой Дулин Буга
480. Бэен эхинденэн,
481. Дулин Буга итчин
Ачин одяңан.
460. Если это ты не хочешь
слышать,
461. Подходи – сразимся!
Кто из нас победит –
Тот и возьмет в жены
Солкокчон.
Авахи запел:
– Кэңгэрдэнин, кэңгэрдэ-
нин!
Средней земли богатырь,
Ежедневно в утробе матери
увеличивавшийся на величину
большого пальца,
Хуругучон-Большой палец
именуемый,
Твое тело еще не окрепло,
470. Мал ты возрастом,
471. Кости твои еще не от-
вердели как следует,
Богатырь-аи,
Тебе со мной
Не сравнятся по силе.
Я побеждал еще более
сильных
Чем ты, богатырей.
Давай-ка ты сам
На свою родину отправляй-
ся!
Ни за что ни про что земля
Дулин Буга
480. Человека своего ли-
шится.
481. И хозяйина-итчи средняя
Дулин Буга

Тара эми долдыра,
Эмэкэл – кухигэт.
Умун кейчэ
Солко тэтылкэн
Солкокчонмо гадицан.
Би-дэ кухириви
Эхим салдэ.

490. Баран командав

491. Би сивайбадукив
Тухундинан,
Аи-бэен улдэдин
Сивайбаи оракив –
Дюрсу ая бидицэн.
Хэргу Буга авахилтын
Дюрсу урундицотын.
Тыкэн гундэдун
Мит букатырит –

500. Дулин Буга букатырин

501. Сомат-да тыкулдэн.
Содун сэксэн
Урлэн эмэрэн,
Эхирик сэксэн
Ехалдулан истыран,
Дян чараткидукин
Увагас буюксу
Сэксэн чикнирэн.
Авахиндява тара

Лишится совсем.
Если это не хочешь слы-
шать,
Подходи – сразимся.
Победивший
Облаченную в шелковые
одежды
Солкокчон в жены возьмет.
Против битвы
Ничего не имею против.

490. Моё большое войско

491. На свадьбе моей
Будет очень довольны и радо,
Если мясом людей-аи
Накормлю всех на свадьбе
своей –
Ничего лучше и придумать
нельзя.

Мои авахи-богатыри из
нижнего мира Хэргу Буга
Будут очень рады этому.
На эту наглую речь
Наш богатырь –

500. Средней земли Дулин
Буга богатырь

501. Рассердился очень.
От негодования сильная
кровь его
К животу прихлынула,
От возмущения и прихлы-
нувшей крови
Глаза его покраснели,
Из кончиков десяти пальцев
его

510. Утари гиркуран,

511. Маңади дундэңци
Хэнңэндүлэви бадаран-
дяран,

Дуюоди дундэңци
Эрчэклэви бадарандяна,
Ихикса, авахиндява
Сенин тэкэмэдун
Коңнорикан колтови ты-
киврэн.

Авахи иларакан
Токорихиндяви эчэ

520. Сарэ мэнин-дэ.

521. Тадук эркэн-дэ,
Тарканда олдыминун олды-
ра.

Илан-да бегава
Кухинэр эчэл сарэ,
Илан-да анңаныва
Кухинэвэл эчэл сарэ.
Тар некэксэкэл,
Умнэкэн хэе-хэетпэр
Уюнчумотнол,

530. Мирэ мирэдуккэр

531. Дявалдыксал,
Эриксэвэр саматнал,
Илитта.

Кровь от негодования
Десяти струйками брызнула.
К этому врагу-авахи

510. Быстро он направился,

511. В твердой земле
По щиколотки увязая,
В мягкой земле
По колено увязая,
Добежав, огромного авахи

этого
В самое основание уха уда-
рил

Своим сильным черным
кулаком.

Этот авахи трижды
Перевернулся через голову,

520. Потеряв сознание.

521. И так и сяк они
Бились, не прекращая битвы.
Три ли месяца прошло,
Как они биться начали,
Три ли года прошло
Как бились они, никто не
мог знать.

А между тем, много
времени прошло,
Как они, упершись лбами
друг в друга,

Остановились вдруг,

530. Плечо к плечу

531. Схватившись,
Проверяя силу дыхания,
Стояли друг против друга.

560. Ахаткан-кунаканман

561. Ахиладави эмэксэжэн,
Кэрэс турэнми
Энэ гунэ бусми,
Комойдёнос.
Содди тургэнди
Кэрэспи гукэл,
Дыгин налалкан
Котоконди би
Кавкавас эделив хогра!

570. Кэрэспи гукэл,

571. Дыгин налалкан котоконди
Кавкавас эделив хогра!
Де эр авахи эргэчин,
Таргачин гулдэн:
– Кэңэрдэнин, кэңэрдэнин!
Би эр бугаду эргэчин аи
Букатырин биденэн,
Эчэв гунчэрэ.
Си бихинди ивит!

580. Адыс-та ахакан

Атаман авахов,
Средней земли Дулин Буга

560. Девицу-красавицу

561. Хотел в жены взять,
Предсмертные слова свои
Прежде чем умереть,
Вырази немедленно.
Быстрой речью
Свои предсмертные слова
скажи,

Пока я своим в четыре
ладони шириной
Ножом-саблей своей
Горло твоё перерезать не
успел!

570. Предсмертно-прощальную
речь говори,

571. Пока я своим в четыре
ладони шириной ножом-саблей
своей

Горло твоё ещё не перерезал!
Вот этот авахи вынужден
был

Начать говорить предсмертную
речь:

– Кэңэрдэнин, кэңэрдэнин!
Я не думал, что на этой земле

Такой сильный богатырь
Встретится мне.
Силен же ты!

580. Ещё совсем недавно

581. Анңаниду ачин бичэс.
Домно эргэчин сурдэк
Оча бихинды-ивит?
Со-да биттэн-ивит,
Бунэдуви-дэ эхим комойро.
Будак ирак
Бурасай бигин!
Би будэм,
Си-дэ би оннудув

590. Бэе окал!

591. Авахи тыкэн гумурэ-
кин,
Дулин Буга букатырин,
Хуругучон гунэри букатыр
Дыгин налакан котокондиви
Кавкандяван чагдыличэ.
Тар некэксэкэн,
Дулин Буга букатырин
Хуругучон гунмури гэрбил-
кэн-дэ,
Авахинци вакса,

600. Геван-этыркэн турко-
тонди

601. Тулгидэлэн, ираңнари
Табирлан мэрэн.
Сома солко тэтылкэн

581. Тебя и вовсе не суще-
ствовало на свете.
С какой это поры ты
Таким сильным стал?
Могуч все же ты,
Я даже не огорчаюсь от того,
что погибаю.
На долгие годы
Прощаюсь я с тобой!
Я погиб,
А ты вместо меня

590. Человеком-богатырем
стань!

591. Прослушав прощаль-
ные слова авахи,
Средней земли Дулин Буга
богатырь,
Хуругучон-Большой палец,
именуемый,
Своим, шириной в четыре
человеческие ладони,
Обоюдоострым ножом
Горло тому перерезал.
После этого, Средней земли
Дулин Буга богатырь,
Хуругучон-Большой палец,
именуемый,
Расправившись с врагом,
пошел в просторный двор

600. Небесного Геван-стари-
ка,

601. На его подворье,
В его роскошный табор при-
шел.

Солкокочон гунэри
 Ахаткан-кунакандула,
 Нуңанман ахияви гадави,
 Алгана исча.
 Няңняр инэңи нэмтэлэдерэ-
 кин,
 Эргит-таргит эдын эмэлчэн,

610. Екун-да сурдэк бурга
 эмэрэн.

611. Тар илтэнмурэкин,
 Едук-та ая, ирас сэксэлкэн
 Аи-букатырин эмэчэн.
 Эмэксэ, нуңанман
 Утари гиркуран,
 Тыкэн гундэ турэчилчэ:
 – Эрил-дэрил, эрил-дэрил!
 Эр ир бугадук эмэчэ
 Мататкан биңнэнды?

620. Идук сэксэлкэнми,

621. Тэкэлкэнми соди тур-
 гэнди

Улбули улгучэкэл,
 Гурэли гунтыдекэл!
 Аи-бэевэн экэл алачивчара.
 Минэвэ гэлнэри гэрбивэв
 Долдыдави улгумири бихи-
 кис,
 Би – Дулин Буга Нюнурмо-
 кин
 Хуркэн-хутэн биңнэм,

К девице, именуемой
 Облаченная в прекрасные
 шелковые одежды
 Солкокочон-девице пришел,
 Чтоб в жены себе взять ее.
 И внезапно среди ясного дня,
 Со всех сторон ветер
 сильный подул.

610. Сильная пурга налетела
 вдруг.

611. После этого же внезап-
 но и прекратилась,
 И белолицый, красивый на
 внешность
 Чистокровный аи-богатырь
 прибыл.

Прибыв, к нашему богатырю
 Спеша подошел и
 Таковую речь стал держать:
 Эрил-дэрил, эрил-дэрил!
 С какой это земли
 Ты, богатырь, прибыл сюда?

620. Откуда по крови родом,

621. Откуда корнем будешь
 быстренько,

Рассказывай толково,
 По порядку все поведай!
 Не заставляй долго ждать
 мужчину-аи.

Если хочешь услышать мое
 Звучное и известное всем
 имя,
 То я – средней земли Дулин
 Буга

650. Экиндрэгүвэтын –

651. Сома солко тэтылкэн
Солкокчонмо би гачим.

Тар нэкунмэн,
Дарпек гунмури ахаткан
Куңаканма си гакал.
Тарит бугалавар нэнэгэт.
Мэр бинивэр огат,
Дулин Буга итчилин
Мит одямат,

660. Бэе тэкэнмэн мит
одяңат!

661. Абдува мит иргидиңэт!
Де нэкунин элэксирэн, бада-
га,

Тыкэн гундэ турэчилдэн:
– Акай, Акай,
Дулин Буга букатырин,
Хуругучон-акай!
Де тэдемэ-дэ
Букатыр бихинды-ивит!
Хэргу Дундэ авахил

670. Атаманматын вача.

650. Старшую из них –

651. В прекрасные шелко-
вые одежды облаченную
Солкокчон, по имени, я в
жены себе беру.

Ее же младшую сестру,
Дарпек, по имени
Девицу ты возьми в жены.
После этого домой отпра-
вимся.

Свою жизнь обустроим.
Средней земли Дулин Буга
хозяевами-итчи
Станем мы с тобой,

660. Предками-корнями лю-
дей станем мы с тобой!

661. Домашний скот содер-
жать-разводить будем!

Младший брат согласился с
такой речью,
Так говоря, в ответ загово-
рил:

– Старший брат мой, стар-
ший брат-аки,
Средней земли Дулин Буга
богатырь,
Старший мой брат Хуругу-
чон!

И впрямь ты
Сильным богатырем явля-
ешься!

Нижней земли Хэргу Буга
авахов

670. Атамана победил.

Авахил атамантын
Сунэвэ хулэптэрбэхун
Дюльби хувувкэчимчэ,
Би ачин бихикив.

700. Тарит бихикин,

701. Мэрбэхун ахиявар
Гавар гадиңэвун.
Тара элэкситтэс-ку,
Эчэлдун-ңу?
Содди химаканди
Гурэликэн гундекэллу,
Улгуликэн улгуркэлду!
Аян бэевэ экэлду
Алачивчара,

710. Сири бэевэн экэлду

711. Сиричивчара ивит.
Соди тургэнди гукэлду!
Геван-этыркэн хунадин,
Сома солко тэтылкэн
Солкокчон-куңакан
Дылби тир-тар охиксакан,
Тыкэн гундэ,
Улгули улгучэндэрэн,
Гурэли гунтыдерэн:

720. – Кимэ-кимэ, кимэнин!

721. Де эр гудем,
Дулин Буга букатырин,

Атаман авахов
Пепел очага вашего
Потушил бы, задул бы, не
будь меня.

700. Все это так и есть,

701. Поэтому вас мы сами
Себе в жены возьмем.
С этим согласны вы,
Или нет?!

Незамедлительно
И вразумительно отвечайте,
Разумную речь в ответ ска-
жите!

Путешествующего человека
не

Заставляйте ждать,

710. Воина не отвлекайте

711. От его военных дел.
Быстро отвечайте!
Дочь небесного старика
Гевана,

Облаченная в прекрасные
шелковые одежды

Солкокчон-девица
Раздумывая, почесала заты-
лок,

Затем, так говоря,
Спокойную речь свою
Умно и рассудительно
повела:

720. – Кимэ-кимэ, кимэнин!

721. В ответ говорю я –
Средней земли Дулин Буга

- ԲՏՏՐԲԵՉԱ ԽՄՐՈՒՄՈՒՄ և ԽՄՐԱԴՄՈՒՄ -

Мэрты олоккор одинат.
 Екун бидер тар,
 Багар колбоскот.
 Хуругучон гундерэн:
 – Гые-гые, гукэнин!

750. Де Геван-этыркэн хуна-
 дин,

751. Сома солко тэтылкэн
 Солкокчон гунмури
 Ахаткан-кунакан,
 Тавар гуннэдус
 Сома элэксичим,
 Элэкинди гунденды.
 Домдун-да бихикин,
 Сивайбая огат!
 Иңаранду колонди хукуруил

760. Абдува аяргуван

761. Девгэкэллу,
 Дёлукду колонди дёлдук
 Сохувэр вакалду, мукекту
 Колонди мурын
 Сохувэр астакалду!
 Тар очалан, де ахилара.
 Сагдагу сагдагува гавки,

Давайте на нашей средней
 земле Дулин Буга
 Сами свою жизнь устроим.
 Посмотрим, что из этого по-
 лучится,

Но лучше нам соединить
 судьбы свои.

Хуругучон говорит:
 – Гые-гые, гукэнин!

750. Глубоко уважаемого не-
 бесного Геван-старика дочь,

751. В прекрасные шелко-
 вые одежды облаченная
 Солкокчон именуемая,
 Девица, девушка на выда-
 нье,

С твоими словами разумны-
 ми
 Согласен я,
 Очень умно-разумно сказа-
 ла.

Судьба судьбой пусть будет,
 Давайте свадьбу справлять!
 Подобно речной гальке мно-
 гочисленных коров,

760. Лучшую домашнюю
 скотину забейте,

761. Рассыпанных, как реч-
 ная галька, по зеленому лугу,
 Забейте на счастье скотину
 – коней,
 Круглых и жирных, словно
 каменные валуны,
 Отдыхающих-лежащих,

830. Алаванюм ала!

831. Эмэрэс-ку эхилэ,
Урувсе-урувсе,
Хуркэкэр-хутэлби!
Тар некэксэкэр,
Дюявар оксал,
Куреевэр оксал,
Бэедыт бидерэ.
Тар биденэл,
Горово-до бинэвэр,

840. Мэргын эчэл сарэ.

841. Тавар, Хуругучон гун-
мури,
Хуркэн-хутэлкэн оча.
Хутэн бими,
Илалдава аннакса –
Илачи куңакади оча,
Тунңалдава биксэ –
Тунңачи куңакадин оча.
Тарит нуңан
Сомат тургэнди

850. Хэгдыңэ оран.

851. Аминдукки-да букатыр,
Бэе одяран.
Тар некэксэкэн,
Нуңан гуннэри гурбиеви
Сунтари суракви,
Утари тэгэксэ,
Аминдукки-эниндукки

830. Приятная и долгождан-
ная встреча!

831. Наконец-то вы
вернулись,
Радуюсь я от всей души,
Сыновья-дети мои!
После всего этого,
Жилища свои поставив,
Изгороди для скота сделал,
По-человечески зажили.
Живя-поживая,
Долго ли так они жили,

840. Сами того не ведали.

841. У брата, Хуругучоном
именуемого,
Ребенок-сын родился.
И сын его,
Трое суток прожив –
Возрастом с трехлетнего ре-
бенка стал,
Пять суток прожив –
Возрастом с пятилетнего
ребенка стал.
Этот новорожденный ребе-
нок

Очень быстро

850. Большим стал.

851. Силой и ростом уже
Отца своего догонять стал.
Между тем,
Нареченного имени своего,
Жизнь-судьбу определяю-
щего,
Быстренько сев перед роди-

880. Ака гэрбиен будем син-
ду –

881. Дулин Буга боюнин
Ге Хуркокчон одякал!
Угу бугала исми –
Сониң Чивкачаткан
Гунмури окал!
Тадук тара элэксийми,
«Элэкин» гукэл,
Уха гунми – «Уха» гукэл.
Умнэт тыматкан

890. Эрдэкэн иликсакан,

891. Хутэн аминми-энинми
Дэптыкэки тэгэксэ,
Тыкэн гундэ
Улгурикэн улгурдечэ:
– Дэгри-дэгри, дэгримой!
Де би эдук-тэ
Иев-дэ этэн юрэ,
Урун урунми-дэ
Этэн балдыра ивит.

Солкокчон именуемая,
Мать его начала говорить:
– Кимэ-кимэ, кимэнин!

880. Дяди родного имя дам
тебе –

881. Вторым Хуркокчоном
именуемым, стань на средней
земле!

Если сможешь достичь в
своих путешествиях Угу Буга –
Будешь именоваться
Богатырем Чивкачатканом –
Богатырем, рожденным от пти-
цы!

Если имя это нравится тебе,
«Согласен» – скажи,
Если это имя не подходит
тебе,
«Не согласен!», – скажи.
Однажды утром

890. Раненько проснувшись-
пробудившись,

891. Ребенок-юноша их,
Напротив отца-матери усев-
шись,
Так говоря,
Умную речь завел:
– Дэгри-дэгри, дэгримой!
Я уже достиг возраста,
Когда, ни новых рогов не
может вырасти,
Ни новых копыт появиться
у меня
Не может уж.

900. Умучидукки уелэннэк
гиркиеви,

901. Дючидукки дювчамңу
гиркиеви

Гэлэктэдэви некэдем.
Ема бугаду
Минду элэкин
Ахаткан бидиңэн?
Тара нюнникалду!
Тадук амилкан бими,
Энинын бими,
Мэн мэрвэр ичэмэчиттэ.

910. «Си нюнникэл!» –

911. «Си нюнникэл!» –

Найламачитта.
Тадук тавар
Эниннын нюннилчэ:
– Дэки-дэки, дэкимой!
Де хуркэн-хутэв,
Тар нюннинэвэв,
Элэксийми, «Элэкин», –
Гундэ гундэви,

920. Эмми – «Эхин», – гун-
дэви.

921. Геван юптугидэткин
Дундэ мудандун,
Кири буган кинэхин,
Горо буга городин

900. Нареченную судьбой
мне в жены с одного года,

901. Хозяйкой-подругой с
двух лет от рождения

Нареченную судьбой подру-
гу искать пойти хочю.
В какой земле-стране
Подходящая для меня
Невеста имеется?
Вот это мне скажите-укажи-
те!

Затем, отцом являясь,
Матерью ему являясь,
родители
Друг с другом перегляну-
лись.

910. «Ты укажи!» –

911. «Нет, ты укажи!» –

Поняли друг друга.
Затем, после речи сына,
Мать его заговорила:
– Дэки-дэки, дэкимой!
Сынок мой,
Я подскажу тебе,
Если согласен будешь –
«Согласен», –
Ответь мне,

920. Если не понравится
тебе – «Нет», – скажешь.

921. У самого восхода солн-
ца, на самом краю земли,
Есть князь этой крайне
восточной земли,

- Кулуван Геван-этыркэн
Гунмури биххин.
Таду бихин хунат.
Унякачива эчин тэрэвкэнэ
Сониг Уняптун-ахақан
930. Гунэри гэрбилкэн
931. Ахаткан-кунакан бихин.
Хэргу-дэ Бугадук матал,
Угу-дэ Бугадук аи-матал
Кеян энэтыл гада.
Тала нэденэс, он-гу?
Дыгин халгалкан бэйцэ
Дыгрэкэн халгалкан балдына,
Истын сома горо буга.
Де эхилэ он тара си,
940. Екун албахилдиви
941. Истыви мэнды садиңас.
Тар-да бичэлин,
Тавар Ньюнурмок гунэри
эвэкэс
Он некэривэс синду
- Глава этой страны небесный
господин
Геван-старик именуемый.
У него есть дочь.
Никто не мог еще ее
победить,
Эту девицу-богатыршу,
имеющую имя –
Всесильный указательный
палец имеющая
Девица-богатырша
930. Уняптук-Наперсток.
931. Такая девушка есть.
И нижней земли Хэргу Буга
богатыри,
И верхней земли Угу Буга
богатыри
Не могут взять ее в жены,
Потому что не могут победить
в единоборстве с ней.
Может быть, туда
отправишься?
Четырехногий зверь, четырёх-
режды дав потомство,
С трудом может достичь
этой земли.
Как достичь той земли,
940. Какими хитрыми
способами сделать это
941. Сам решай.
А, между прочим,
Бабушка твоя, именуемая
Шестикосой Ньюнурмок
Как достичь тебе этой земли

970. Доялави долдыкал,

971. Иргэлэви иктэвдекэл!
Сомат аят гиркукал!
Тавар си нэнэдерис бугала
Дёке дулин буга мата
Эдекин кеян гиркура.
Тадук тавар –
Аминдус би онав,
Ирэктэ калтакан
Алаңандя бихин,

980. Ирэктэ калтакан

981. Нюриндя бихин.
Тара эксэкэл,
Еми-кат нада бидиңэн.
Тадук хунтуву
Екун-ма дэ анирив ачин.
Сот аят алгакса,
Тадук гарпаракис,
Коңнорин-да туксудук
Тариңис этэн тагавра.

990. Сот аят гиркукса,

– Мой мальчик-ребенок,
Слова мои вещице

970. Глубоко душой
восприми,

971. Разумом своим усвой!
Удачного пути тебе!
Землю, куда ты направился,
Слабый богатырь
Еще не мог достичь.
Послушай важное –
Изготовленный мною ког-
да-то для отца твоего
Лук-алаңа имеется,
Из половины целой листвен-
ницы сделанный.

980. Из целой половины
лиственницы

981. Сделанная к этому луку
большая стрела имеется.
Возьми это с собой,
Обязательно они пригодятся
тебе.

Это главное, что хотела ска-
зать тебе,
Больше нечем тебе помочь.
Заклинание произнеся,
Только после этого стреляй
из него,

Тогда стрела лука этого
пронзив, далекие черные гро-
зовые тучи,
Высоко полетит.

990. Хорошо попутеше-
ствуй,

Хиргэлдэн-икэлдэн:

1020. – Де би аят гиркуми,

1021. Илан анцан анцаны
Догидадун эмэдеңэв.
Тара илтэнми,
Уха оракин –
Эмнэнде кэңтырэ
Кэңтырэв тьелдэкин,
Ноңум дялив
Урумудэкин,
Итчилэк турэн

1030. Турэндеви

1031. Эдынди ундинэв,
Сома химади эдынди
Турэнми ундиңэв!
Тыкэн гуниксэ,
Нуңан дэгдехинэн.
Эркэн-дэ таркан-да
Цэнэми-нюн цэнэрэн.
Горово-до дагава-да
Цэнэнэви эчэ сарэ.

1040. Илан анцаныва-да,

1041. Илан-гу бегава
Цэнэриви эчэ сарэ.
Тадук Геван-этыркэн буга-
лан

Высоко в небо взлетев,
Сын заклинать-петь начал:

1020. Если я благополучно
путь пройду,

1021. То через три года
Вернусь я.
Но путь неизвестен и труден,
В трудное для меня время –
Когда моя широкая спина
В своей ширине сузится,
Длинные мысли мои
Укоротятся если,
Свои вещи слова

1030. Отправлю я вам

1031. С ветром попутно,
Сильным и быстрым ветром
Слова о помощи отправлю
вам!

Проговорив-пропев так,
Полетел он.

И так-то он летел, и сяк-то
летел,

Все летел да летел, не
останавливаясь.

Долго ли, мало ли

В пути он пробыл и сам не
знал.

1040. Три ли года путеше-
ствовал он,

1041. Три ли месяца был в
пути

Этого сам не мог определить.
И вот к земле Гевана-старика

Ихилдан ивит-дэ.
Геван-этыркэн
Дюкчал дюкчалиндян
Бидеекин ичэвүлдэн.
Иңарар гунэлин –
Абдул-хукуруил одяра,

1050. Чэкчэкэл гунчэлин –

1051. Мурир-абдул одяра,
Октагил гунчэлин –
Орор-абдул одяра.
Тадук эрты
Тар Геван-этыркэн
Момандя дюлан,
Эмэксэ-тыксэ,
Уркэндедун доксакан,
Тыкэн гундэ икэлдэн:

1060. – Дэгри-дэгри, дэгри-
мой!

1061. Де Геван-этыркэн
эхэкэндев,
Горо буга городин
Горотин кулуван
Кири буга бэгинын,
Синдулэ-нюн эмэми-нюн
Эмэми эмэдечэв,
Дэгми-нюн дэгдечэв.
Тарит би синдулэ
Дяличи бинэ, эмэм.

Приближаться стал уж.
Завиднелось вдали
Стойбище-город
Небесного Геван-старика.
Взглянув вниз, подумал, что
множество камней виднеется –
Оказалось, что это
коровы-скот,

1050. Множество кочек име-
ется внизу подумал –

1051. А это кони пасутся,
Ветки множества кустарни-
ка подумал –
А это олени внизу.
После этого наш богатырь
К жилищу Гевана-старика,
Сделанному из деревь-
ев-бревен,
Приблизившись-подлетев,
У двери приземлившись,
Так говоря, запел:

1060. – Дэгри-дэгри, дэгри-
мой!

1061. Небесный Геван-де-
душка мой,
С далекой далекой земли
Преодолевая трудности
всякие
К твоей, находящейся на са-
мом краю света,
Главой которой являешься
ты,
Со специальным намерени-
ем к тебе,

1070. Екун сома дяличи

1071. Екун надалан си
Эмэнэви улгучэндинэв.
Уркэндеви ныдекэл,
Доровондоё дявадякал,
Амаргуптын улгур
Улгуринде бидицэн.
Си мэнды санды бидицэн,
Эргэчин хуркэн-кунакан
Екун дялитпи гиркувки.

1080. Би гэлнэри гэрби

1081. Сунтари суракив
Сониң Хуркокчон
Дулин Буга боюнин
Хуругучон хутэн бихим,
Сома солко тэтылкэн
Солкокчон гунмури
Энинми хутэн бихим.
Аян бэевэ экэл
Алачивчара,

Прибыл я,
Пролетев много стран.
Что за нужда у меня к тебе,

1070. Что привело меня
сюда,
Все расскажу по порядку.

1071. Все расскажу по
порядку.
Дверь своего большого
жилища открывай,
Приветствие принимай,
А уж после всего этого
Обстоятельный разговор
Поведем меж собой.
Да ты и сам можешь знать,
Из-за какой думки-мысли
может
Путешествовать такой мо-
лодец как я.

1080. Мое нареченное от
рождения имя,

1081. Предназначенное
судьбой –
Богатырь-сонинг Хуркокчон,
Средней земли Дулин Буга
богатыря
По имени Хуругучон-Боль-
шой палец сыном являюсь,
Облаченная в шелковые
одежды
Солкокчон именуемая
Матерью моей является.
Уставшего в пути
Путника не заставляй ждать,

Сэлэргун Сумуёндё,
Эмэксэ, эду бидерэн.
Угу Бугадук эмэксэ,
Аи-мата бидерэн.

1120. Илан анңаниду кухи-
дерэ,
1121. Август-да эхи кеилдыра.
Екун бихин дивэдивэр
Кухирэ-дэ энэл кеивра.
Дэрумкилнэтын
Тар кухидеридуккэр
Илан бега оран.
Эрты иликсал нян
Кухилдинэтын-вет.
Де этыркэн бими,

1130. Боюн бэе девгээн
1131. Ириксэ, девувкэнил-
дэн.
Тар боюн-бэе девдеривэн
Аямат ичэттэкин –
Тэдемэ-дэ мата-бэе биңэт.
Девдерин-дэ со бэе,
Бидиңэн бими.
Кунулдэвэ
Мукудикэн амңахикса,
Коколдодын одяракин

Железные Жилы,
Прибыв, тут находится.
С верхнего мира Угу Буга
придя,
И богатырь-аи находится.

1120. Вот уж три года они
бьются,
1121. Но никто победить не
может.
К каким только хитростям
не прибегая, бьются,
Никто из них другого
одолеть не может.
Они временно прекратили
битву
Чтоб передохнуть,
Вот уж три месяца переми-
рие у них.
Скоро уж поднимутся опять
И вновь сражаться будут.
Вот небесный старик

1130. Богатырскую еду для
богатыря нашего
1131. Сварил, угощать стал.
Если посмотреть хорошень-
ко на то,
Как ел наш богатырь –
По богатырски-то и ел он.
Необычайным едоком
Был он.
Закидывал он себе в рот мясо
Величиной с кабаргу,
Разжевывал-то до величины
мужской рукавицы,

Тыкэн гундэ
 Турэчи оран:
 – Дэгри-дэгри, дэгримой!
 Де Угу Буга боюнин,
 Мэнумэ тэтылкэн
 Муңуличэн гунмури,
 Доровоё дявакал,

1170. Амар амаргуптын

1171. Улгуринде одиңан!
 Би Дулин Буга
 Мата-боюнин биңнэм,
 Дулин буга боюнин
 Хуругучон гунмури
 Амилканчи,
 Сома солко тэтылкэн
 Солкокчон гунмури
 Энилкэчи

1180. Хуркокчон гунэри

1181. Боюн-мата бихим.
 Си гунэкис минэ
 «Екун идэгэду
 Гиркудяри мататкан
 Биденды?», – гунэкис,
 Би Геван-этыркэн
 Хунат хунадиван,
 Сониң Уняптук
 Ңэңнэри гэрбилкэн,

Так говоря,
 Речь свою завел:
 – Дэгри-дэгри, дэгримой!
 Богатырь верхней земли Угу
 Буга,
 В позолоченную одежду
 одетый
 По имени Мунгуличэн,
 Приветствие мое прими,

1170. После этого

1171. Большой разговор у
 нас будет!
 Я средней земли Дулин Буга
 Богатырем-мата являюсь,
 Средней земли богытря,
 Именуемого Хуругучон-
 Большой палец
 Отцом своим имею,
 Облаченную в шелковые
 одежды

Солкокчон именуемую
 Матерью своей имею,

1180. Зовут же меня
 Хуркокчоном

1181. Богатырем-мата.
 Если ты спросишь у меня,
 «За какой надобностью сюда
 Прибыл ты,
 Путешественник-
 богатырь?»,
 То я отвечу тебе –
 Я к небесному Геван-старик
 За его дочерью, девицей на
 выданье,

Дороводёро.
Тар некэксэ,
Тыкулнадуви соду
Дырамдуливи аран-мал
Эчэ пэхиргэрэ,
Нэмкундуливи аран-мал

1220. Эчэ этыргэрэ.

1221. Сахэ саксэн
Дэрэлэн тыкрэн,
Ухук сэксэн
Урлэн эмэрэн,
Хуюри саксэн
Ехалдулан истыран.
Тар некэксээн,
Авахи авахиндулави,
Дую дундэнци

1230. Эрчэклэви левэксэ-
денэ,

1231. Маңади дундэду
Хэннэклэви лэвэдэнэ,
Дэлкэндулэ дагамача.
Авахиңци дэлкэнмэн,
Дундэлэ хукэлчэксэн,
Халгандиви хэкихинэн!
Таду тар авахиндя
Дундэлэ тыкрэн, илихинча-
на.
Коңнорикар колтолдивар

На приветствие нашего
Богатыря даже отвечать не
стал.

После того он,
Рассердился так,
Что в широком месте тела
своего

Чуть ли наполовину не
лопнул,
А в самом тонком месте

1220. Чуть надвое не разо-
рвался.

1221. Кровь его горячая
К лицу прихлынула,
Рассерженная кровь
Живот наполнила,
Кипящая от гнева кровь
В глаза ударила.
После этого богатырь этот
По направлению к врагу-
авахи шагнул,

В мягкой земле

1230. По бедра провалива-
ясь,

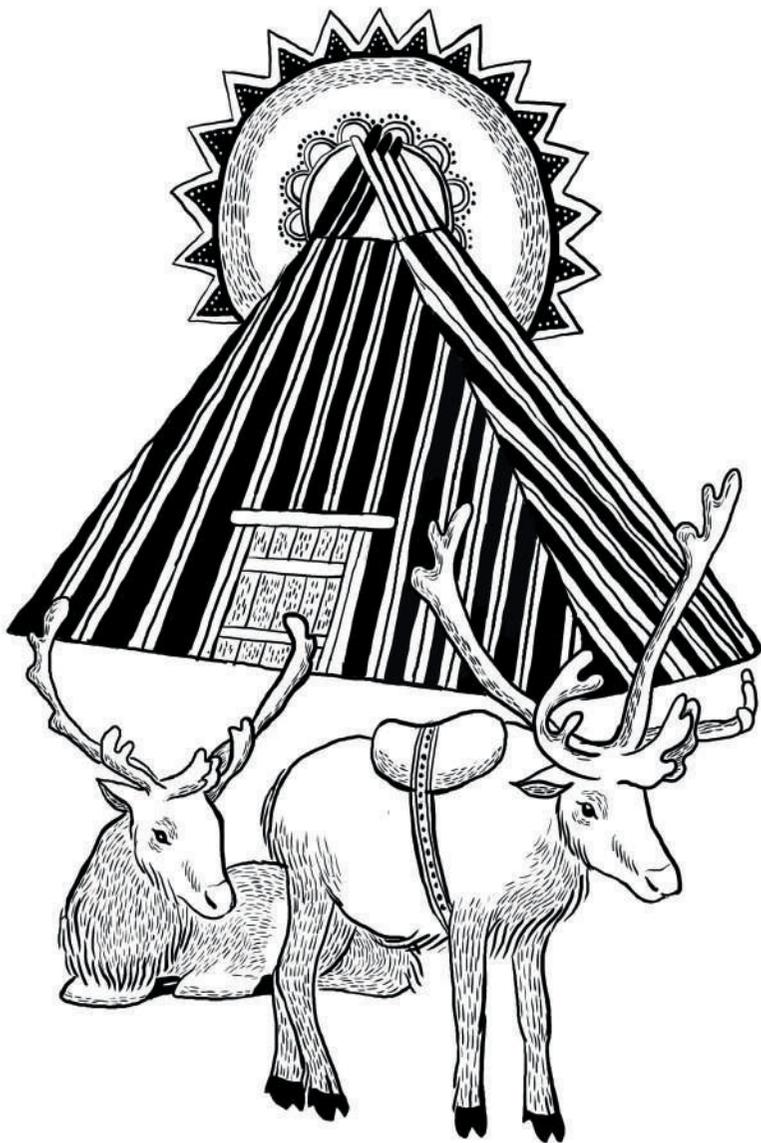
1231. В твердой земле
По колени увязая,
К лабазу, где спал авахи, по-
дошел.

Лабаз, на котором спал-от-
дыхал авахи,
Так сильно пнул ногой,
Что лабаз рухнул.
И авахи тот на землю сва-
лился,

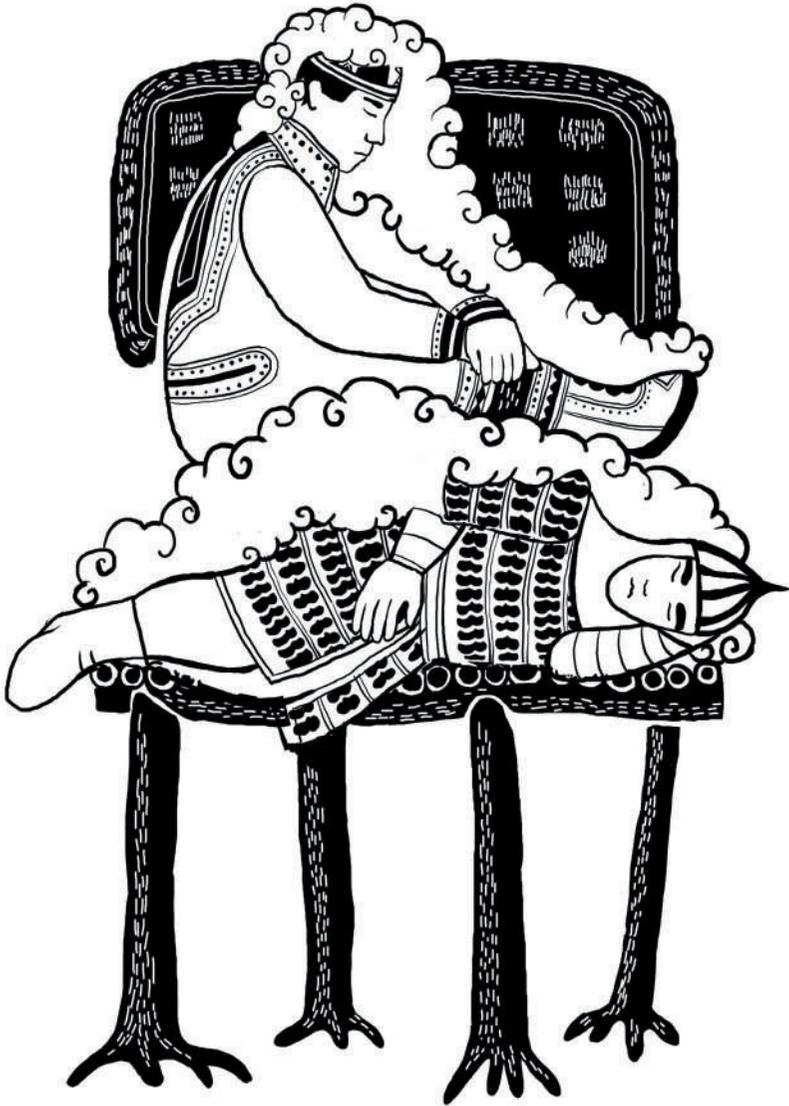
1240. Тармал иктэлдыре. 1241. Хуркокчон, ичэтчэнэ, Эду-гаду гиркуктатан. Сомат-да хивинан, Халдяран-ну, Еран-ну бидинэн, Энэдутын кихана. Додуви мэндуй Сомат-да хивинан. Де тыкэн горово-дэ 1250. Кухинэтын эчэ савра, 1251. Дагава-да кухинэвэ- тын Бэе эчэ сарэ. Тар кухиксэл, Кухимэ-кухиксэл, Мудантын оран. Хэе хэедувэр Уюнчумотнол, Мирэ мирэдуккэр Дявалдыксал, 1260. Дэрумкихинэ, 1261. Хэннэлтын тарбан бинэ	Но при этом вскочив на ноги. Черными своими кулаками 1240. Тут же они схватились. 1241. Хуркокчон же, погля- дывал на них, Похаживая туда-сюда. При этом он очень смущен был, Пристыженным чувствовал себя, Неловко очень почувство- вал себя От того, что те богатыри даже не обратили на него вни- мание. В душе своей Очень даже смущен был. Долго ли мало ли 1250. Те богатыри бились, 1251. Людям неизвестно точно. Вот сражаясь так, Сражаясь без остановки, Обессилели совсем. Лоб в лоб друг другу Упершись накрепко, Плечом в плечо Сцепившись, Передохнуть решили, 1260. Не выпуская друг друга, 1261. Колени их от слабости Сильной дрожью дрожали.

Дэлбимэ силгилчэл.
 Дявалдылдуктын
 Мундукандир
 Тэпуксэл тыкилчэл,
 Оңоктолдуктын
 Хелакидикар
 Иликсал тыктывчал.
 Тар некэксэл,
 1270. Нян-дат-дэ кухилчэл.
 1271. Авахицин кеилча.
 Кеивуликса, тариңит
 Эр Угу Буга маганит
 Тыкэн гундэ гунми
 Турэчилчэ:
 – Эмнэ кэңтырэв тыелдэн,
 Ңонумундя дялив
 Урумкулдэ,
 Авахи атамантын,
 1280. Деңкир депнаде,
 1281. Минэвэ адяс ачиңна-
 дян!
 Дептын инэцин де
 Миндулэ эмэрэн.
 Би эриксэндевэв
 Долдыдьяри-бэлэдери
 Иду бихин эду мата
 Дулин Буга боюнин
 Хуркокчон гунэри,
 Илэ-кэ некэвдэн?
 1290. Аи-бэевэн эриксэн-
 девэн

Так крепко они схватились,
 Что изо рта каждого начала
 падать пена
 Великоною с зайца,
 Из носов их потекли сопли,
 Великоною с куропаток.
 Между тем,
 Битву не останавливали они,
 1270. Продолжая драться.
 1271. Авахи-богатырь начал
 побеждать.
 Когда враг стал одолевать,
 Богатырь верхнего мира,
 Из последних сил силясь,
 Так говоря,
 Свою речь начал:
 – Широкая спина моя
 сузилась,
 Длинные мысли укороти-
 лись.
 Этот атаман-авахи,
 1280. Людоед из людоедов,
 1281. Меня погубит совсем!
 День, когда он сожрет меня,
 Видимо настал.
 Мой зов о помощи
 Слышащий богатырь
 Средней земли Дулин Буга
 Богатырь по имени
 Хуркокчон,
 Куда же ты подевался?
 Человека-аи зов о помощи
 1290. Слышишь ли ты,

- СТОЯНИЩЕ ГОРОДА ГЕВАННА-СТАРИНА -

- СПЯЩИЕ ПОСЛЕ БИТВЫ БОГАТЫРИ -

1321. Авахинюн кухилдэн.
Ихиксакан,
Сенин тэкэмэдун
Семадулэн иктэрэн,
Иларакан токорихинчакнан.
Тар кухиксэл,
Кухиксэл-дэ кухиксэл,
Нян-дат тэрэчивкил.
Тыкэн некэксэкэр,

1330. Авахи гунивки:

1331. – Кэңэрдэнин, кэңэрдэнин!

Эр Дулин Буга боюнин,
Коцнорикар колтодивар
Эңэтыл кеилдыра бихип,
Алаңадятпар гарпулдигат.
Умун навканча вагин,
Тадук умун кейча
Тар хунагпа гадиңан, – гу-
ниттэн.

Хуркокчон нян элэксирэн:

1340. – Кэ, тыкэндэ бигин, –
гунэн.

1341. Дэлкэртын дюр му-
дандун
Оңкучакил дуннэл бихи.
Тар оңкучакил хулидутын

1321. С авахи биться начал.
Вмиг добежал до того,
И в середину уха,
В самое основание уха уда-
рил так,
Что тот трижды в воздухе
перевернулся.
Так они сражались,
Сражались да бились на
кулаках,

Наконец, приостановились.
Приостановив битву,

1330. Авахи стал говорить:

1331. – Кэңэрдэнин, кэңэрдэнин!

Средней земли Дулин Буга
богатырь,
В битве на кулаках
Никто из нас другого одо-
леть не может,
Давай из луков стреляться.
Кто метче, тот и сразит
другого,

Победитель же
Ту девушку в жены возьмет,
– сказал.

Хуркокчон тоже соглашает-
ся:

1340. – Пусть будет по тво-
им словам, – ответил.

1341. Вблизи от лабазов
Два бугра было.
В самый центр
Каждого встав,

Илнал иликсакар,
Авахинюн бэе гарпумачил-
чал.

Де тар авахиндян
Нян-дат гунылчэ:
– Би нонон балдыча бэе,
Нонон гарпакта!

1350. Ңэнэксэ, си таду

1351. Илми илкал!
Таду Дулин Буга матан
Тыкэн гундэ турэчи,
Сэхэчи оран:
– Геван-этыркэн,
Эхэкэ эхэкэндев,
Тадук сонин
Уняптук гунмури,
Ахаткан-куңакан,

1360. Де би алаңа

1361. Амңалан ңэнэдем.
Би эмңэнде кэңтырэв
Тыелдэкин,
Ңонум дялив
Урумкулдэкин,
Турэндеви эдыеду
Уңэлдигэв сундулэ.
Би бэркэнду навракив,
Дылача сивулдинэн.

1370. Тарит садавахун

Приготовились сразиться на
луках.

Вот этот авахинище
Опять заговорил:
– Я раньше тебя на свет ро-
дился,
Я и буду стрелять первым!

1350. Иди-ка вон туда,

1351. Да встань хорошенько.
На это наш богатырь сред-
ней земли

В ответ на те слова
Тоже сказал:
– Геван-старик,
Небесный дедушка мой,
И ты, богатырша-девица,
Уняптук-Наперсток имену-
емая,
Девица на выданье,

1360. Вот я прямо перед
пастью

1361. Вражеского лука стою.
Если моя широкая спина
Сузится,
Если мои долгие мысли
Укоротятся,
Слова свои с ветром
Быстрым пошлю вам.
Если стрела поразит меня
насмерть,
Солнце при этом потухать
начнет.

1370. По этой примете

1371. Би кеивнавав.
 Тькэн гуныксэ,
 Оңкучак хулидун илдан.
 Де тар авахиндя
 Алаңандяви хиргэлдэн:
 – Сэлэмэнде алаңандяв,
 Дулин Буга матава
 Коңнорикан хакинин
 Дулиндун тыпкэнмукэл! –
 гуныксэ,

1380. Хуругунин игин

1381. Дундэлэ ниргихинча-
 ран,
 Нюриндян игин
 Няңняла кугунаран.
 Тарнукан Дулин Буга
 Матан Дулин Бугаткиви
 Хэтэкэнэ она, адагаран.
 Тара нюриндя эмэксэ,
 Хунмэвэн тавдурагар
 Нэрэн ивит.

1390. Гаду «Вавум-ну?»-

1391. Гундэ нэлэлнэдун,
 Дылача коңноргохина
 Мунэкэн-мунэкэн,
 Коңноргоксо – илтэнэн.

1371. Узнаете о моем пора-
 жении.

И так сказав,
 На вершине бугра встал.
 А авахинище тот
 Свой лук заклинать начина-
 ет:

– Мой могучий железный
 лук аланга,
 Богатырю средней земли
 В самую середину его чер-
 ной печени
 Точно вонзись! – сказал,

1380. При этом звук его
 большого пальца при выстреле

1381. Глубоко внутри земли
 прогремел,
 Звук же стрелы его
 Высоко в небе просвистел.
 После этого сразу же
 Наш богатырь средней
 земли Дулин Буга
 Подпрыгнув, увернулся от
 стрелы.

А эта стрела, вернувшись,
 Пробила кафтан, ничуть
 Не повредив нашему бога-
 тырю.

1390. «Неужели убит?» –
 подумав,

1391. Напугался наш
 богатырь,
 Солнце же при этом
 потемнело

Тадук ай-боюнин
Хуркокчон гунэн:
– Кэ, си илкал!
Де авахимин
Оңкучакинци

1400. Хулидун цэнэксэ,

1401. Иллан, алаңави хир-
гэксэ,

Гарпалдиңан ге.
– Де Дулин Бугаду
Эмуккэкен оскечэ,
Нюңун Нюңурмок
Гунэри энекэндев
Онан ирэктэ калтакан
Алаңандяв,
Ирэктэ калтакан

1410. Нюриндяв-вет,

1411. Би итчилкэн турэнмэв
Игихиньксэ аямат
Эвэңилдекэл! –
Гуниксэкэн –
Хуругунин игин
Дундэлэ ниргихинчаран,
Алаңан игин
Няңняла кугунарэн.

На некоторое время,
Затмившись, тут же засвети-
ло вновь.

Затем наш богатырь
Хуркокчоном именуемый
сказал авахи:

– Ну, теперь твоя очередь,
становись!

Вот авахинище
На самую середину

1400. Бугра становится,

1401. Теперь наш богатырь
Заклинать свой лук начина-
ет:

– На средней земле Дулин
Буга

Одинокой жившей,
Шестикосой бабушкой моей
Нюңурмок именуемой
Сделанный из целой поло-
вины лиственницы

Лук мой могучий,
Из целой половины ли-
ственницы

1410. Изготовленная, стрела
моя,

1411. Неся в себе мое вол-
шебное заклинательное слово,
Пронзи его со всей силы! –
Сказал когда –
Удар его большого пальца
Всю землю сотряс,
Звук от выстрела его
Высоко в небе просвистел.

Таду авахиндя	Авахи при этом
1420. Хэргу Бугаткиви	1420. Хотел в сторону своей нижней земли уклониться,
1421. Адагадави некэнэн, Эчэ кеян адагара. Коцнорин хакинын Дулин дулкакундулин Нюриндя тыпкэнмуврэн. Тар кейран авахива. Кейикса, нэнэхинэн Геван-этыркэндулэи. Тадук тар эмэксэ,	1421. Хотел увернуться от стрелы, Но не смог. В самую середину Черной печени его Стрела вонзилась. Так победил авахи наш богатырь. Победив, направился прямо К дедушке Геван-старик. Вот подойдя,
1430. Тыкэн гуннэ гундерэн:	1430. Такою речь держит:
1431. –Дэгри-дэгри, дэгри- мой! Геван-этыркэн эхэкэндев! Си хунадис сонинц Уняпук Гэрбилкэн ахаткан-куцакан Гэлнэри гэрбилэн, Сунтари сураклан эмэксэ, Сомардук соргуван, Эрэймэдук эниндивэн ичэм. Хэргу Буга авахил	1431. – Дэгри-дэгри, дэгри- мой! Дедушка мой Геван-старик! Ради твоей дочери придя, Именуемой богатыршей Уняпук-Наперсток, Из-за ее звучного имени, Из-за ее судьбы известной всем на роду Перенес много страданий, Мучений перенес. Авахи из нижнего мира Хэргу Буга
1440. Атаманнюнтын гун- муриwэ	1440. Атамана этих авахов, именуемого
1441. Сэлэргун Сумуенден, Тадук Угу Буга Аи-бэе матанюн	1441. Сэлэргун Сумуенде – Железная Жила, Да еще с богатырем верхне-

Мэңүмэ тэтылкэн
 Мэңүличэннюн
 Би кухим.
 Нуңартын эмэчэл
 Си хунаттулас.
 Сониң Уняптук

1450. Гэлнэри гэрбилэн

1451. Сунтари сураклан
 Нуңан дюгудун
 Илан анңаны
 Илан бегава кухирэ.
 Авахил
 Атамантын
 Угу Буга аи-матава
 Кейча кейдяракин,
 Би бэлэчим нуңандун.

1460. Би муланикса нуңан-
 ман,

1471. Би ачин бихикив,
 Тар Хэргу Буга авахил
 Атамантын хулэптэнмэс
 Дэльби-дэ хувумчэ,
 Кулумтанвас уркучимча.
 Тарит тыкэн бихикин,
 Геван-этыркэн, эхэкэнде,
 Хунатпи минду
 Ахияв букэл!

го мира
 Угу Буга богатырем-аи
 По имени Облаченный в зо-
 лотые одежды
 Мэңүличэнном сражался.
 Они прибыли
 За твоей дочерью.
 На ее звучное имя
 Богатырша Уняптук-Напер-
 сток,

1450. За ее прославленную
 судьбу,

1451. За нее бились они.
 Из-за нее
 Три года и
 Три месяца подряд бились.
 Атаман
 Авахов
 Богатыря-аи из верхнего
 мира Угу Буга
 Совсем уж одолел почти,
 Но я помог ему.

1460. Пожалел этого
 богатыря,

1471. Если бы меня не было,
 Богатырь нижнего мира
 Хэргу Буга
 Атаман-авахи пепел очага
 твоего
 Раздул по ветру,
 Смешал бы твой очаг с
 грязью.
 Я думаю, что по такому
 случаю,

1480. Тара элэксиинды-гу?

1481. Эчэс-ку?
Сот химаканди
Гурэликэн гукэл,
Улгурикэн улгучакэл!
Аи-бэевэн экэл
Алачивчара-да,
Сири бэевэн-дэ
Экэл сиривчара.
Геван-этыркэн

1490. Тара долдыкса,

1491. Тыкэн гуннэ
Гунэ турэчилдэн:
– Орил-дорил, орил-дорил!
Де Дулин Буга матанин,
Сониц Хуркокчон гунмури,
Де би улгули улгурдиңэв,
Гурэли гундинэвэв
Доялави долдыкал,
Иргэлэви иктэвкэл!

1500. Де тэдемэ, си эмэксэ,

1501. Авахил атамандуктын
Мунэвэ айча бихинны.
Аи-бэе аи бэевэн

Дедушка мой небесный
Геван-старик,
Дочь свою
Ты должен мне в жены
отдать!

1480. Согласен ли ты с этим?

1481. Или не согласен?
Быстро ответь мне,
Ясно и толково,
Хорошо ответь!
Спасителя-человека
Не заставляй ждать,
Человека-путника
Не задерживай.
Геван-старик

1490. Услышав это,

1491. Так говоря,
Речь держит:
– Орил-дорил, орил-дорил!
Средней земли Дулин Буга
богатырь,
Хуркокчоном именуемый,
Я тебе спокойно все пове-
даю,
Все что я скажу тебе,
Душой глубоко пойми,
Разумом своим запомни
крепко!

1500. И в действительности,
только ты, придя к нам,

1501. От богатыря авахи-
атамана
Спас нас всех.

Тар улгучэмэчиксэл,
Геван-этыркэн
Хунатпан гунмутивэ
Сониң Уняптук-ахақан

1530. Бээңит гадан.

1531. Тадук тар тыкэн бичэ.
Ахиви бугалави эксэрэн.
Дулин дуннэ бугалави –
Энтылдулави,
Амтылдулави истан.
Ихиксакан, таду билдэн.
Де тадуккар тадук
Эвэнки тэкэнын одяча.
Нуңартын орово,

1540. Абдулва иргилчэл,

1541. Курэевэр курэнэл,
Того-кулумтанвар
Бэедыт иргинэл,
Хутэлвэр балдывнал,

1545. Де бидехинчэл ивит!

Человека корнем станьте!
Наговорившись обо всем,
Небесного старика Гевана
Дочь, именуемую
Богатырша Уняптук-Напер-
сток

1530. В жены взял наш че-
ловек.

1531. Вот так все это было.
Повез он свою жену на ро-
дину.
На среднюю землю Дулин
Буга –
К родителям своим,
Привез ее.
Приехав к родителям, жить
начали.

Вот с тех самых пор
Корень эвенков начался-за-
родился.

Они оленей содержали,

1540. Рогатый скот содержа-
ли,

1541. Строя для них изгоро-
ди,

Огонь-очаг по-людски
По-человечески содержали,
Детей рожая,

1545. Стали жить да пожи-
вать!

Содди тургэнди,

Эней, эней!

Минэвэ дякилди экун тэтилкэн бихинди?

Минэвэ дякилкал, карайкал!

Хуркэн-хутэс би балдым,

Эней, эней!

Уруннудуви содун энуривэ-дэ энэ сара, сэктэвунми дондун чакилдан хутэви, карайран. Тар нэкэксэ ахунма-да бинэвэр эчэл сара. Хуркэн-куңакан, умнэ анңами, умучи куңакандин оран, дюлдэвэ анңакса – дюр анңанипгачин оран. Илалдава биксэ, лукиевининми овкавтча. Энинин, тара окса, бучэ. Тадук эр куңакан ахучи-да онаван энинин эчэ сара. Эр хутэн бими бэйңэвэ дуруккан валча.

Эр омологи, тиматна эрдэкэн иликса, туксача, тадук кирэктэвэ вакса, эниндулэви туксавна эмувчэ. Нуңартин тара депнэл анңатчал. Омологи, нян эрдэкэн иликса, агитки нэнэчэ. Тар нэнэксэ, умун хорокива вакса эмувчэ. Тара депнэл анңатчал. Тиминин нян бэючэ. Тар бэюксэ, илан мэнэтувэ вакса, илан имэннэдуви уиксэ, эмувчэ.

Таргачин букатир оча тар илан долбониду.

Тара девуксэл, энинын гунчэттэн:

– Тэдемэ, Дулин Буга оёдун бэе тэкэнин одави

Оскечэ хутэв, болдага, –

Гундэ, дялдаттан.

Сомат уруниттэн.

- Дулин Буга итчин одави,

Оскечэ куңакан, – гундэ.

Сомат уруниттэн, хивиниттан.

– Он некэксэ, хутэви

Бэе овкандеңэв болдак? –

Гунчэнэ, дялдаттан.

Тар бидерэктын, эргит таргит эдын-дэлдун эмедерэн ивит арай. Ахунма-да эчэ удара. Арай иргит, таргит турэн, турэн-сэхэн, сэхэн сеялитын силдывдяран, доялатын долдывдяран.

– Кимэ, кимэ, кимэнин!

Де, нэкнил, аямат

Содди тургэнди авататкал,
 Экэй, Дулин Буга итчин,
 Сомат утачанал гиркудярав.
 Бу бугавун сома содом.
 Эргит-таргит авахил атамартын,
 Угу Буга сониңилтын
 Сомат гиркуруил беремелтын билдэн.
 Тарит сома утачанал, гиркудярав.

Нюнурмок гунэри атыркан утэнми уркэвэн никсэкэн, эхилэ ив-
 тырэн нуңарбатын. Били хутэви ванаван ирун бэйңэңилби улдэбэ-
 тын ириксэкэн, эвэттэрэн нуңарбатын.

Тар ахаткар-куңакар бугалавар сомат утатта. Тардат бугалавар
 де нэнэхинэ.

Тар нэнэхинденэл, экимэтын тыкэн гуннэ турэлкэн оча:
 – Дулин Буга итчин Нюнурмок-атыркан,
 Де сомат аят бидекэл,
 Хутэви ая бэе овкакал!

Тавар хунил, де бугалавар нэнэхинэ, Нюнурмок гунэри атыр-
 канма поростилахиксал².

Тавар атыркан хутэн, хуругучондин она, оскедери, Хуругучон
 гунэри, Дулин Буга букатырин тавар ахаткар-куңакарба ахари
 дялин ирэн. Он-кат бугадуви эчэ биксэрэ. Эр ахаткар-куңакарба
 ахари дялин ирэн. Нуңан-да иңиларан, гунирэн. Тар некэксэкэн,
 нуңан иларақан унурус, таралис некэрэн. Тар некэдексэкэн мэ-
 римэ качикан оран, ахаткар-куңакарба ахалдан, мэримэ качикан
 окса. Дэгри дэги́лбэ, качикан оксакан, ахалдан.

Де эркэн-дэ, таркан-да ахами-нун ахаран. Илан-да бегава
 нэнэнэви эчэ сара, илан-да анңанива нэнэнэви эчэ сара. Эркэн-дэ,
 таркан-да ахами-нун ахаран.

Тар некэксэкэр, ахаткар-куңакар бугалавар ихиксакар, нян ик-
 элдэ. Солкокчон икэлдэн:

– Кимэ, кимэ, кимэнин!
 Геван-этыркэн аминдяв,
 Дондолима доровоё дявядякал!
 Бу гунчэнэвэр бугавар

2 От русского «проститься» в эвенкийской огласовке

Бутуннүвэн гиркурав, эмэрэв.
Дулин Буга итчин,
Нюңурмок гүнэри
Эвэкэвэр ичэрэв,
Хуркэн-хутэвэн ичэрэв.
Со ая куңакан,
Эмэнмурэн таду, бугадуви.
Тар качиканин бу хэргидэдувун
Нёриликан эмэдечэн.
Тар илэ иснаван эчэлбун сара.
Содди тургэнди девгэе бэлэннэкэл,
Сомат демуликсал, эмэрэв.
Тэтты тэтые бэлэннэдекэл.

Де дюлавар иридутын, энэ савра, били Хуругучон гунмуври,
Дулин Буга букатырин, инмэ оксакан, арай илдычэ тар хунилнюн.
Солко тэтычи Солкокчон авсалан иксэ, инмэ окса, таду дыкэн-
чэчэ. Тар некэксэкэн, илалдаванюн бичэ. Тар устадун эчир сара
тар хунил.

Тар некэдерэктын, эргит-таргит эдын, бурга оча. Тадук Хэргү
Бугадук авахил атамантын эмэчэ. Эр хунил гэлнэрил гэрбидула-
тын, сунтарил суракилдулатын нян нуҢан де эмэчэ. Гэннэри гэр-
бин, сунтари суракин Илан кирилкан Сэлэргун Сэвээнде гүнэри
гэрбилкэн. Тар ахиладави эмэчэ.

Тар эмэксэкэн, де тыкэн гүндэ улгурдечэ, сээли сэхэргэлчэ:

– Кэңэрдэнин, кэңэрдэнин!
Геван-этыркэн, доңдолима
Доровоё дявакал!
Би Хэргү Буга авахилин
Атамантын бихим.
Де эмэм, си хунилди
Гэлнэри гэрбидулатын,
Сунтари сурактулатын эмэм.
Ая зетку бучинди,
Уха зетку бучинди!
Си хунадис Сом солко
Тэтылкэн Солкокчон гүнэри

Гэрбилкэн хунаглас эмэм.

Гадымаду гадыду эмэм.

Содди тургэнди дялби

Гурэликэл, гундекэл!

Инмэкэн оксакан дыкэнчэдери, Дулин Буга букатырин Хуругучон гунмуври букатыр ухук саксэн урдулэн эмэрэн, бардак сэксэн бэлгэлэн эмэрэн, эхирик саксэн ехалдулан истыран, ордак саксэн олукутулан истыран, дян унякачандун увагас буюксу саксэн чиңниран. Тадук иларакан угнурус, таралис оксакан, илэ мэнин одан.

Де, тар некэксэкэн, авахива утари, дуюди дундэдуви эрчэклэви левэденэ, маңади дундэндужи хэнцэклэви левэденэ, авахива утари гиркураан. Тар некэксэкэн, таргачин-эргэчин гундэ икэлчэ:

– Гые, гые, гоекэнин!

Дулин Буга боюнин,

Хуругучондин она, оскечэ,

Хуругучон гунмури

Букатырба энэ сара

Гиркудянди.

Би бихим Хуругучон-букатыр.

Би синэвэ сачим,

Хэргу Буга авахилин

Атамантын бихинды.

Сома солко тэтылкэн

Солкокчонмо би синду

Ая эет эхим бурэ.

Тара эми нэлэрэ

Эмэкэл – кухигэт!

Умундук умун кейча

Солко тэтылкэн

Солкокчонмо гадицан.

Аидук ахаткан куңаканман

Гакса, аят иргитчиңас то?

Хутэвэ-гу, абдува-гу,

Иргитнэви санды, эчэс-гу?

Окин-да эчэн таргачин бихи!

Тарит би синэвэ

Дюрсу ая бидиңэн-вет!

Хэргу Буга авахилтын

Дюрсу до урундиңотын.

Тыкэн гундэдун мит букатырит – Дулин Буга букатырин ты-
кулдан, содун саксэн урлэн эмэрэн, эхирик саксэн ехалдулан
истыран, дян унякандун буюксэгэчин саксэн иривдэви некэрэн.
Авахива утари гиркуран, маңади дуннэңни хэннэндүлэви левэ-
денэ, дуюди дуннэңви эрчэклэвэ чэпэденэ. Ихикса, авахива сеның
тэкэмэдун коңнорикан колтови тыкиврэн. Авахи иларакан токо-
рихиндяви эчэ сарэ мэнин-дэ.

Тадук эркэн-дэ, таркан-да олдыми-нун олдыра. Илан-да бегава
кухинэвэр энэ сара, илан-да анңаныва кухинэвэр эчэл сара. Тар
некэксэкэр, умнэкэн хэе хэетпэр уюнчумотнол, мирэ мирэдуккэр
дявалдыксал, эриксэвэр саматнал илитта.

Тар некэксэл, авахитуран дявадидукин болор бороң мундукан
наннадириң тэпуксэл тыкилчэл, ехадукин илан истакандин мул
тыкилчэл. Кэңурэнден додун едукта хэгдинэт ниргиилчэ. Оңокто-
дукин хэннэндүлэн илирагар иликсал тыкилчэл. Дяларин бутунну
дэлби силгилчэл.

Тадук эр ай букатырин авахива дундэлэ илан сахамакту тыки-
милдэлэн гарадача.

Тар гарадакса, эр ай букатырин тыкэн гундерэн:

– Гүе, гүе, гүекэн!

Де, эр Хэргу Буга

Авахилин атамантын,

Дулин Буга ахатқанман

Куңаканман ахиладави

Эмэксэкэн бичэс,

Кэрес турэнми энэ гунэ

Буми будиңос си.

Содди тургэнди

Кэрэспи гукэл,

Дыгин қалалакан

Котокондиви би

Кавкавас эделив хогра!

Де эр авахи эргэчин-таргачин гулдэн:

– Кэңэрдэнин, кэңэрдэнин!
 Би эр бугаду эргэчин аи
 Букатырин бидеэн, эчэв гунчэрэ.
 Тар си бихинды ивит!
 Адяс-та ахакан анңаниду
 Ачин бичэс вет.
 Окин эргэчин сурдак
 Букатыр оча бихинды ивит?
 Со-да биттэн ивит,
 Бунэдуви-дэ эхим комойё.
 Будан ирак буросай бигин!
 Би будэм, будэтпи будэм,
 Си би оннудув бэе окал!

Авахи тыкэн гунмурэкин, эр Хуругучон гунмури матаңит ды-
 гин ңалалкан котокондиви кавкандяван чагдылыча.

Тар некэксэкэн, Дулин Буга матаңит Хуругучон гунмури гэр-
 билкэн, де авахиңци вакса, Геван-этыркэн турконды тулгидалан,
 тараңнари табирлан эмэрэн. Сом солко тэтылкэн Солкокочон
 гунэри ахаткан-куңакандула, нуңанман ахияви гадави, алгана
 исча.

Няңняр инэци нэмтэлэдерэкин, эргит-таргит эдын эмэлчэн,
 екундук-та эңэхи бурга эмэчэн. Тар илтэнмурэкин, едукта ая,
 соңаха сэксэлкэн аки сониңин эмэчэн. Эмэксэ, нуңанман утари
 гиркуна тыкэн гундэ турэчилчэ:

– Эрил-дэрил, эрил-дэрил!
 Эр ир бугадук эмэчэ
 Мататкан си биңнэнды?
 Идук сэксэлкэнми-тэкэлкэнми
 Соди аямат улбули улгучакэл,
 Гурэ гурэли гунтыдекэл!
 Аи бэевэн экэл алачивчара.
 Буга бэевэн экэл хивинывкана.
 Минэвэ гэннэри гэрбивэв
 Долдилави улгумири бихикис,
 Би – Дулин Буга Нюнурмокин
 Хуркэн хутэн биңнэм,

Дулин Буга боюнин Хуркокчон
Гунмури хуркэн хутэн бихим.
Екун надала эр бугала
Эмэчэн, гундэ улгумири бихикис,
Би акинми, Хуругучон гунэри
Матава-акинми гэлэктэдем.
Геван-этыркэн хунилин
Эниндукив, дёромонол, эксэчэл.
Тара би удяна эмэдем.
Тара санды-гу, эчэс-ку?
Содди химаканди гурэли
Гунденэ гундекэл-тэдэвкэл,
Аямат улгули улгурдекэл!
Эр акинын бими гундерэн:
– Гые, гые, гоекэнин!
Хуругучон гунэкис
Тар би бицнэм.
Авахи атамантын
Эр дуннэлэ эмэчэвэ
Хулэптэрбэн хувкэчим.
Тарит Геван-этыркэн
Хунилбан авахилдук тытэм.
Экиндыгувэтын – Сома
Солко тэтылкэн Солкокочонмо
Би ахиядуви гачим.
Тар нэкунмэн Дарпек
Гунмури ахаткан-куңаканма
Си, акинми бинэ, гакал.
Тарит бугалавар нэнэгэт.
Дюявар тандиңат,
Тоговор иладиңат,
Дулин Буга итчилин
Мит одиңат эдук.
Бэе тэкэнмэн мит одягат!
Абдулва иргидиңэт,
Куңакара балдыдиңат.

Де нэкунин элэксирэн бадага, тыкэн гүндэ турэчилдэн:

– Акай, акай!

Дулин Буга матацин

Хуругучон акай!

Де тэдемэ-дэ си

Букатыр бихинны ивит!

Хэргу Дуннэ авахил

Атаманматын вача бихинны,

Суракис сутадыран.

Кейча гэрбис гэрбивдерэн.

Тыкин эхилэ мит Дулин

Буга итчилин одап, эхин!

Тар бихикин, Геван-этыркэн

Хунилбан ахиявар гаксал,

Дюткакивар мучугат!

Дюкрэ хунилдула ирэ, эмэксэкэр. Тар иксэкэн, Хуругучон нян эргэчин-таргачин гүндэ Геван-этыркэн хунилдулан гурэликэн гундерэн, улгучэндэрэн:

– Гуге, гуге, гугекэнин!

Де эр Геван-этыркэн

Хунилдялин, минэвэ

Сормордук соргуван,

Муңмадук муңутурбан,

Эрэймэдук энинмэгүвэн

Ичвэвкэнэс, тарит элэ

Екунди тамадянахун?

Арай сунэвэ эриксэлделбэхун

Эрухуйчав. Авахил

Атамантын сунэвэ

Хулэптэрбэхун хувувкэчимчэ,

Би элэ эмчэв эмэрэ,

Би ачиндув бихикин веет.

Тарит тыкэ бихикин,

Мэрбэхун ахиявар гадиңавун.

Тара элэкситтэс-ку,

Эчэлдун элэкситтэс-ку?

Содди химаканди гукэллу,
 Гурэликэн гундекэллу,
 Улгуликэн улгурдекэлду!
 Аян бэевэн экэлду алачивчара,
 Буга бэевэн экэлду хивинывкана.
 Содди химат гукэллу!

Геван-этыркэн хунадин Сома солко тэтылкэн Солкокочон-а-хаткан дылби тыр-тар охиксакан, тыкэн гундэ, улгули улгучэн-дерэн, гурэли гунтыдерэн:

– Кимэ, кимэ, кимэнин!
 Де эр гунэм, Дулин Буга
 Матанин, хуругучондин она,
 Оскедечэ Хуругучон гунмури
 Мата, би улгули улгурдевэв
 Гурэли гундивэв доялави
 Долдыкал, иргэлэви
 Иктэвдекэл-лапкидякал!
 Де тэдемэ-дэ си эмэксэ,
 Авахи атамандуктын
 Аи бэевэн карайча бихинны.
 Аи бэедукин аи ахаткан
 Авахила нэнэдинэн до?
 Тарит гар минэвэ бихиксун,
 Эхив аркастара бихим.
 Эр бугаду бихикпун мут
 Этэрэ веет аят бивкэнэ.
 Хэргу-дэ, Угу-дэ бугадук
 Арахинай матал-сониңил
 Аннадиңатын, эмэлдиңэтын,
 Аят мунэвэ этэрэ бивкэнэ.
 Тарит Дулин Бугадувар
 Мэрты отувар илагат,
 Бинивэр мэрти одинат.
 Аят гунми – умунду огат.
 Хуругучон гундерэн:
 – Гуге, гуге, гугекэнин!

Де, Геван-этыркэн хунадин,
 Сома солко тэтылкэн
 Солкокчон бими гунэри
 Аи ахаткан-куңакан,
 Тавар гуннэдус сомат
 Сомат элэксиичим-дэ,
 Элэкинди гунденды-дэ.
 Тыкэн-дэ бихикин веет,
 Де сивайбая огат!
 Иңаранди ичэвулдеривэ
 Хукуруил абдул аяргуватын,
 Мукекту ичэвдерилдеривэ
 Мурин абдува туюкуллу!

Тар очалан де ахилара маталты. Сагдагу сагдагува гавки, нэкундыгу нэкундыгувэ гавки. Тадук бугалавар, дюлавар, эниндулэвэр нэнэвил. Аяннаксал-ңэнэксэл, дюлавар иста. Тарты ихиксакар, Хуругучон гунэри мататкан тыкэн гундэ, улгули улгучэндэрэн:

– Гуге, гуге, гукэнин!
 Дулин Буга эмуккэчэн
 Оскери Нюнурмэк гунэри,
 Энин гунды энинми,
 Ичэкэл, де би эмэм.
 Дондолима доровоё дявакал,
 Тадук амаргупты бими
 Улбуликэн улгуринде одинан.
 Доялави долдыкал,
 Иргэлэви иктэдевкэл.
 Де Геван-этыркэн хунадин
 Сома солко тэтылкэн
 Солкокчонмо би гам.
 Илачидукки уелэндук
 Гиркиевэ гам би.
 Тадук гунми тар нэкунмэн,
 Дарпек гунмури гэрбилкэн
 Ахаткан-куңаканма
 Нэкунми гадан.

Тарит бу дюкрэкэн
 Кэргэлкэхэл оксал, эмэрэв.
 Эдук дюлэски Дулин Буга
 Бэен тэкэнын одинавун,
 Абдува иргидэ оксал, эмэрэв.
 Эхилэ эдук дюлэски
 Синэвэ мэнмэс карайдинавун.
 Си мунэвэ балдывчас бихинны,
 Бэе овканчас мунэвэ, тарит
 Дулин Буга эхилэ митци оран.
 Энинтын, де тыкэн гундэ гурэли гундерэн:

– Кимэ, кимэ, кимэнин!
 Де, хуркэн-хутэв – Хуругучондин
 Она оскечэ Хуругучон гунмури
 Хутэв, сомат-та аят гиркуксал
 Бугалавар эмэрэс ивит.
 Би, су нэнэчэдуксун,
 Ахинды-да, дэрумкири-дэ
 Энэ горо оран биденэм.
 Дюр ехан мун арбадалан,
 Соноксо-соноксо бидем,
 Эмэриэвэхун-дэ энэ сара.
 Де-гу, де-гу эмэрэс,
 Урувсе-да урувсе оран!
 Алаванюм ала оран.
 Эмэрэс-ку бидинэн эхилэ,
 Урувсе урувсе-дэ, хутэлби!

Тар некэксэкэр, дюявар оксал, куреялвэр оксал, бэедыт бидерэ.
 Тар биденэл, горowo-до бинэвэр мэргын эчэл сара.

Тавар Хуругучон гунмури хуркэн-хутэлкэн оча. Хутэн бими,
 илаллава анцакса – илачи кунакадин оча, тунналдава биксэ –
 тунначи кунакадин оча. Тарит сома химади хэгдыңэ оран. Амин-
 дукки-дэ мата-бэе одяран.

Тар некэксэкэн, нунагуннэри гэрбиеви, сунтари суракви ута-
 ри тэгэксэ, аминдукки-эниндукки гэлэдерэн:

– Дэгри, дэгри, дэгримой!

Эр-кэ гундем би элэ.
 Эдук дюлэски оми,
 Иев-дэ этэн балдыра,
 Урунми-дэ этэн юрэ,
 Хуркэн-куңакан биксэкэн,
 Он гэрбие ачин бидинэв?
 Минду гэрбиев букэлду,
 Амин гунды аминми,
 Энин гунды энинми!
 Эмэри сурури екун-да,
 Дэгри дэктэндэлкэндук
 Илэ гэрбие ачин минэвэ
 Гундэл иневунтэттэ.
 Тарит химади гэрбиев букэлду!
 Солко тэтылкэн Солкокчон гунэри энинын турэчилдэн:
 – Кимэ, кимэ, кимэнин!
 Дулин буга боюнин бини,
 Эдук геды Хуркокчон одякал!
 Угу Бугала исми бими –
 Сониң Чивкачаткан
 Гунэри гунмури окал!
 Тадук тара элэксийми –
 «Элэкин!» – гукэл,
 «Уха!» гунми, «Уха!» гукэл.

Тар хуркэткэн умнэт тыматкакан эрдэкэн иликсакан, хутэтын амин аминми, энин энинми дэптыкэкин тэгэксэкэн, гундэ улгур-дечэ:

– Дэгри, дэгри, дэгримой!
 Де, минду эдук дюлэски
 Иев-дэ этэн юрэ,
 Урунми-дэ этэн балдыра.
 Умучидукки уелэндук
 Гирки гиркиеви,
 Дючидукки дювчамңу,
 Гиркиеви гэлэктэдэви некэм.
 Ема бугаду минду

Элэкин ахаткан бидинэн?

Тала нюңникуллу!

Ахун-да матаңил бими

Бихиктын экэлду нэлэрэ.

Иду тар хунат бихин-дэ,

Тала би исчиңав.

Содди химади улгучэкэлду.

Тадук амилканын, энилкэнын мэн мэнвэр ичэтмэчиттэ, «Си нюңникэл!», «Си нюңникал!» гундэл гунмэчилдэр.

Тадук тавар энинин нюңнилчэ:

– Дэки, дэки, дэкимой!

Де хуркэн-хутэв,

Тар нюңнинавав

Элэксийми –

«Элэкин!» гундэви,

Эми – «Эхим!» гундэви.

Де, Геван юктыгидэткин,

Дундэ мудардулан

Кири буга бими кинэхин,

Горо буга городин биниван

Геван-этыркэн гунмури бихин.

Таду бихин хунат –

Унякачива эчин тэрэвкэнэ,

Сониң Уняптук гунэри гэрби

Гэрбилкэн ахаткан-куңакан бихин.

Хэргу-дэ Бугадук матаңилин,

Угу-дэ бугаду ай сониңилин

Кеян эми кейя эңэтын гада.

Тала нэнэдиңэс-гу?

Дыгин халгалкан бэйңэ,

Дыгрэкэн балдыкса веет,

Таргачин истын горо буга.

Де, тара гуннэвэв он-ке

Екун бими токкундиви

Истыви мэнды сами садиңас.

Тара бичэлин, тавар Нюңурмок

Гунмуври эвэкэс он некэриэс
 Багар нюоннидиңан дагамакту.
 Тадук, омонгин бими, тыкэн гундэ турэлкэн одан:
 – Дэгри, дэгри, дэгримой!

Дулин Буга боюнин,
 Хуругучон гунэри аминдяв,
 Солкокчон гунэри энинми,
 Нюнурмок гунэри эвэкэндев,
 Дэгри дэги дэктэннэлкэн
 Оксакан, гундем, дэгилим.
 Бугави иларакан токорихиникса,
 Тадук дюлэски нэнэхиндиңэв.
 Тардалан екунма гуниттэс,
 Соди химакан гукэлду!

Гуниксэ, тар поросайдача. Тадук тэргэндулави юксэкэн, илара-
 кан хунилдэхинэн – гагиндя оксакан, дэгилдэн.

Нюнурмок-атыркан, юмэлчэксэ, сот химадит гурэликэн гунил-
 дэн, улгуликэн улгучэлдэн:

– Де хуркэн-хутэв,
 Би турэндевэв бими
 Доялави долдыкал,
 Иргэлэви иктэвдекэл!
 Сомат аят гиркукал!
 Тавар си нэнэдерис
 Бугала дёке Дулин Дуннэ
 Матаңин эдекин гиркура.
 Тадук тавар, ичэкэл –
 Аминдус би онав ирэктэ
 Калтакан алаңандя бихин,
 Ирэктэ калтакан нюориндя бихин.
 Тара гана эксэкэл, еми-кат
 Сома нада синду бидиңэн.
 Тадук хуңтувэ екунма-да анирив ачин.
 Сот аят алгакса, гарпаракис –
 Коңнорин-да туксудук этэн тагавра.
 Сот аят гиркукса, эмэкэл!

Гүндэ тар хиргэттэн. Де, хиргэксэ, этэрэн. Тадук энинын поро-стилахин, хиргэлдэн:

– Хуркокчон гүнэри хутэв,
Сот аят гиркукал!
Эвтылэлкэндук экэл тыктэ,
Дюлэчиду экэл дюлэви бурэ!
Олдолкандук экэл олдондиви тыктэ!
Кувулгахилканду экэл давдывра,
Токкухилкарбэ ачими ачиңкал!

Тар омомлгин, угили токордёно, нахаянчана эмэксэкэн, алаңан-дяви дэгимнин чаварихинан. Де тар Геван юктугидэткин нуңан бими дэгдехинэн: хэргу туксу оёёлитын, угу туксу угидээлин дэгдехинэн.

Тар дэгденэе хиргэлдэн, икэлдэн:

– Де би аят гиркуми,
Илан анңаны догидадун
Эмэми эмэдинэв.
Тар бими илтэнми,
Эмңэнде кэңтырэв
Эмңэдин тыелдэкин,
Ңонум дялив урумүлдэкин –
Итчилкэн турэндеви
Эдыеду уңэлдинэв,
Сома химанди эдындяду
Уңми уңдинэв!

Тар гуниксэ, нуңан дэгдехинэн. Эркэн-дэ, таркан-да нэнэ-ми-нюн нэнэрэн. Горово-до, дагава-да нэнэнэви эчэ сара. Илалда-ва-да, идан-да бегава нэнэнэви эчэ сара.

Тадук Геван-этыркэн бугалан ихилдан, бадага. Геван-этыркэн турготонди тулгидэн, тараңнари табарин де ичэвүлдэн.

Иңарар гунчэнэлин, хукуруил-абдул одяра, чэкчэкэл гунчэлин – мурир-абдул одяра, октагил гунчэнэлин – оорор-абдул одяра. Тадук де, тар Геван-этыркэн момандя дюлан эмэксэ, уркэндедун доксакан, тыкэн гүндэ де икэлдэн:

– Дэгри, дэгри, дэгримой!
Де Геван-этыркэн эхэкэндев,

Угу Бугадук ай соницин,
 Нянь эмэксэ, нянь бидерэн.
 Илан анңаниду кухидерэ,
 Авгу-да эхил кеилдыра.
 Екун-да токкухилкалдивэр
 Кухирэ-дэ эчэл кеилдыра.
 Дэрүмкилнэтын илан бега оран.
 Эргы, иликсал, кухилдянатын.

Де этыркэн бими, боюн бими девгээн туюлорон, девүкэ-
 нилдэн. Тар бэе девдеривэн ичэттэкин – тэдемэ-дэ букатыр бэе
 биңэт, ивит. Девдеривэн-дэ со бэе, бадага: куң улдэвэ мукудикэн
 амнахиникса, коколдодын одяракин. Нимңэттэн, имүксэвэ бими,
 мундукандынма амнахиникса, киринастын одяракин нимңэттэн.
 Силэвэн бими силүксэ, симтундеви манавнаван хэлэви коңкохи-
 никса, саттан.

Тар девүксэ, этэрэн-дэ, матаңилдула нэнэрэн. Нэнэксэ ичэнэн
 – боюндаскит полэндедүвэр дюр дэлкэнду матал адыра. Оёдүтын
 илан токорикта иманда тыкчэ. Эр бэе бими тала ихикса, арай эр
 дэлкэнмэ хэкинтүрэн, тар дэлкэнмэ хэкинтүрэн. Тар некэксэ, ты-
 кэн гүндэ түрэчи одан:

– Дэгри, дэгри, дэгримой!
 Де Угу Буга соницин,
 Мэңүмэ тэтылкэн Мэңүличэн
 Гүнэри соницин-матаңин,
 Доровоё сот дявадякал,
 Амаргуптын улгуринде одинаң!
 Би Дулин Буга боюнин биңнэм,
 Дулин Буга боюнин Хуругучон
 Гүнэри амилкан, Солкокчон
 Гүнэри энилкэн бихим,
 Хуркокчон гүнэри мата бихим.
 Си «Екун кихалгаду эду гиркудари
 мататкан биңнэнди?» гүнэкис,
 Би Геван-этыркэн хунадин
 Сониң Уняптук гэннэри
 Гэрбилкэн гэрбичилкэн

Сунтари уелэн эмэм.

Улгули улгучакэл, гурэли гукэл!

Ге бими, Угу Буга соницин, де тэгэрэн, илдан. Тар иликса, тыкэн гүндэ турэлкэн оча:

– Угэлэ, угэлэ!

Де, эр Дулин Буга

Соницин-да бими,

Элэ екун нададун

Эмэксэ, мэндукэнди

Мэндукэтчэкэн онны?

Бихиван аят баргаңнанди.

Тукуне, тукуне-дэ

Биргэндеу-дэ оран.

Си экэл эду минэвэ

Дерэлис дерэдэрэ!

Гүндэ, нуңан эчэ-дэ мэндурэ.

Тар некэксэ, тыкулнадуви сомат дырамдуливи аран эчэ хитаргара, нэмкундуливи пэхиргэрэ. Ирчак сэксэн олуклан тыктэн, хунту саксэн урлэн эмэрэн, ирихик сэксэн ехалдулан истыран.

Тар некэксэсэн, авахимдулави, дуюди дүндэңи эрчэкэлови левэденэ, маңади дүндэңи хэнцэкэлови чэпэксэнденэ, эмэксэсэн, авахинңи дэлкэнмэн дүндэлэ хукэлчэкнэн хэкихинэн, таду авахиндя дүндэлэ, илихинчана, тыкрэн.

Коңнорикар колтолдивар матал иктэлдырэ. Хуркокчон эду-таду гиркуктаттан. Сомат хивинан, халдыран-ну, еран-ну, энэдутын кихана. Додуви сомат хивинан.

Де, тар гороводо кухинэтын эчэ савра, дагава-да кухинэтын эчэ савра. Тадук кухиксэл, кухиксэл, мудантын оран. Хэе хэедувэр уюнчумотнол, мирэ мирэдуккэр дявалдыксал, дэрүмкихинэ, хэнцэртын дэлбили силгилчэл. Дявадылдуктын мундукандыр тэпуксэл тыкилчал, оңоктолдуктын хелакидир иликсал тыктылчэл. Тар некэксэл, нян-дат кухилчэл. Авахиңин кеилча. Кеиливукса, эр Угу Буга мататын тыкэн гүндэ турэчилчэ:

– Эмңэнде кэңтырэв тыелдэн,

Ңонумундя дялив урумүлдэн,

Авахи атамантын,

Деңкир депнаде,
 Минэвэ адяс ачиңнадян!
 Дептын инэңин де
 Миндулэ эмэрэн.
 Би эриксэндевэв
 Долдыдяри-бэлэдери
 Иду бихин эду мата
 Дулин Буга боюнин
 Хуркокчон гунэри,
 Аи-бэевэн эриксэндевэн
 Бэлэри-гу айри-гу,
 Бэе бичэс, эчэс-ку?
 Би бури-мунди
 Инэңив эмэрэн.
 Соңомо сориндяв,
 Тукуне биргэндев
 Билдэн-ну? –
 Гундэ турэчиттэн.

Тара долдыкса-дэ, эр Дулин буга боюнин, Хуркокчон гунмури, эчэ горowo алатта. Аи-буга аи-бэевэн муланиттан. Меван мевандян, акиндян муланиттан. Тар некэксэ, нуңардулатын эмэрэн. Ичэрэкин – авахиндя аи-бэевэн кеилча вет. Дедуктэн улдэдукин кэңихиниксэ иктэтпи, девун девухинде кухидерэн. Тара ичэксэ, эр Хуркокчон гунэри Дулин Буга матаңин тыкулнави содун авахинюн кухилдэн.

Ихиксакан, сенин тэкэмэдун, семадулэн иктэрэн, иларакан токорихинчакнан.

Тар кухиксэл, кухиксэл-дэ кухиксэл, нян-дат тэрэчивкил. Тыкэн некэксэкэр, авахи гунивки:

– Кэңэрдэнин, кэңэрдэнин!
 Эр Дулин Буга боюнин,
 Коңнорикар колтодивар
 Эңэтыл кеилдыра бихип,
 Алаңадятпар гарпулдигат.
 Умун навканча вагин,
 Тадук умун кейча

Тар хунатпа гадиңан, – гунитгэн.

Хуркокчон нян элэксирэн:

– Кэ, тыкэн-дэ бигин, – гунэн.

Полэндетын дюр мудандун онкучакил бихи. Тар онкучакил хулидутын иликсакар, авахинюн бэе гарпумачилчал. Де тар авахиндянян-дат гунылчэ:

– Би нонон балдыча бэе, нонон гарпакта! Цэнэксэ, таду илкал!

Таду Дулин Буга матаңин тыкэн гундэ турэчи, сэхэчи оран:

– Геван-этыркэн, эхэкэндев,

Тадук сониң Уняптук гунмури,

Ахаткан-куңакан, де би алаңа

Амңалан нэнэдем. Би эмңэнде

Кэңтырэв тыелдэкин, нонум дялив

Урумкулдэкин, турэндеви эдыеду

Уңэлдигэв сундулэ. Би бэркэнду

Навракив – дылача коңноргодён.

Тарит садавахун би кеивнавав.

Тыкэн гуныксэ, онкучак хулидун илдан.

Де авахиндя алаңандяви хиргэлдэн:

– Сэлэмэнде алаңандяв,

Дулин Буга матава

Коңнорикан хакининдулин

Дулиндун тыпкэнмукэл! – гунчэ.

Хуругунин игин дундэлэ ниргихинчаран, нюриндян игин няңняла кугунаран. Тарнукан Дулин Буга матаңин Дулин Бугаткиви хэтэкэнэ она, адагаран. Тара нюриндя эмэксэ, эмэксэ, хунмэвэн тавдурагар нэнэрэн.

Таду «Вавум-ну?» гундэ нэлэлнэдун, дылача коңноргохинан дагава, коңноргоксэ – илтэнэн. Тадук ай-боюнин Хуркокчон гунэн:

– Кэ, си илкал!

Де, авахиңин онкучакиңи хулидун цэнэксэ, иллан. Алаңави хиргэксэ, гарпалдиңан мит бээңит.

– Де Дулин Бугаду эмуккэкен оскечэ,

Нюңурмок гунэри энекэндев

Онан ирэктэ калтакан алаңандяв,

Ирэктэ калтакан нюриндяв,
 Би итчилкэн турэнмэв иныхиныксэ,
 Эвэңилдекэл! – гуниксэкэн,
 Хуругунин игин дундээлэ ниргихинчаран,
 Алаңан игин няңняла кунухинан.

Тарит авахиндя Хэргу Бугаткиви адагадави некэнэн, эчэ кеян адагара. Хакинын дулкакундун нюриндя тыпкэнмуврэн. Тар кей-ян авахива. Кейикса, цэнэрэн Геван-этыркэндулэ. Тар эмэксэ, тыкэн гундерэн:

– Дэгри-дэгри, дэгримой!
 Геван-этыркэн эхэкэндев!
 Си хунадис сонин Уняптук
 Гэрбилкэн ахаткан-куңакан
 Гэлнэри гэрбилэн,
 Сунтари сураклан эмэксэ,
 Сомардук соргуван,
 Эрэймэдук эниндивэн ичэм.
 Хэргу Буга авахил атаманнюнтын
 Сэлэргун Сумуенденюн,
 Тадук Угу Буга ай-бэе матанюн
 Мэңумэ тэтылкэн Мэңуличэннюн
 Би кухим, нуңартын эмэчэл
 Си хунаттулас – Сонин Уняптук
 Гэлнэри гэрбилэн, сунтари сураклан.
 Нуңан дюгудун илан анңани,
 Илан бегава кухирэ.
 Авахил атамантын Угу Буга ай-матава
 Кейдяракин, би нуңанман,
 Муланикса, би аим авахилдук.
 Дулин Буга эмуккэкэн оскечэ
 Нюңунмок гунэри энекэндев
 Онан ирэктэ калтакан алаңандятпи,
 Ирэктэ калтакан нюриндятпи
 Би-дэ кеим Хэргу Буга
 Авахил атамантын букатырва.
 Би ачин бихикив, тар Хэргу Буга

Авахил атамантын хулэптэнмэс
 Хувумчэ, колумтанвас уркучимча.
 Тарит тыкэн бихикин, Геван-этыркэн,
 Эхэкэнде, хунатпи минду ахияв букэл!
 Тара элэксиинды-гу? Эчэс-ку?
 Сот химаканди, гурэликэн гукэл,
 Улгурикэн улгучакэл!
 Аи-бэевэн экэл алачивчара,
 Сири бэевэн экэл сиривчара!
 Геван-этыркэн тара долдыкса, тыкэн гундэ турэтчэрэн:
 – Орил-дорил, орил-дорил!
 Де Дулин Буга матаңин,
 Сониң Хуркокчон гунмури,
 Де би улгули улгурдинэв,
 Гурэли гундинэвэв
 Доялави долдыкал,
 Иргэлэви ивкэл!
 Де тэдемэ, си эмэксэ,
 Авахил атамандуктын биханды.
 Аи-бэе аи бэевэн
 Авахиду бумчэ, до?
 Тарит элэ би хунатпав,
 Сониң Уняптукка
 Гари бихикис,
 Эхим аркастара³.
 Эр бугаду бихикин,
 Элэкинди этэрэ бивкэнэ.
 Хэргу-дэ, Угу-дэ бугадук
 Арахиной матаңил анңанитыкин
 Аят этэрэ бивкэнэ.
 Тарит Дулин Бугадувар
 Мэрдун бинивэр окалду –
 Екун биден!

Тар улгучэмэчиксэл, хунатпан гадан, сивайбава оран. Тадук тар тыкэн бичэ.

³ От русского «отказать» в эвенкийской огласовке

Ахиви бугалави эксэрэн. Бугалави – энтылдулави, амтылдулави истан, ихикса, таду биделдэн. Де тадук эвэнки тэкэнин одяча. Нуцартын ороор-абдулва иргилчэл.

СИРОТКА НЮНГУРМОК

В те времена, когда земля становилась подобной лосиному уху, когда дерево впервые становилось деревом, когда гора росла ввысь, как торчащий вверх хвост белки, когда голец блистал, как белая шкурка горностая, на средней земле жила одна-одинешенька девушка-сиротка по имени Нюнгурмок. Жила и не знала она, откуда же ее корни, откуда она родом. Жила в большом горе и мучении. Как долго жила она – не знала.

В это время у нее в животе что-то росло с большой палец величиной. Разве долго происходят события в нимнгакане? Оказывается, в животе рос ребенок. Прошло немного времени. Вдруг он затруднил дыхание матери, укоротил ее долгие мысли. Настало время родить, участилось дыхание ее, и укоротились ее длинные мысли. Потеряла сознание.

Вдруг она пришла в себя, и позади нее послышались слова:

– Мама, мама!

Холодно, холодно!

Дрожу, дрожу!

Наступила беда.

Укоротились мои длинные мысли

И сузилась моя широкая спина.

Мама, мама!

Холодно, холодно!

Пришла моя беда!

Поскорее же спасай меня!

Я же от тебя родился!

Когда вырасту,

Тебя и твою жизнь буду опекать.

Скорее, скорее сохрани меня,

Мама, мама!

Что у тебя есть, чтобы завернуть меня?

Укутай, позаботься обо мне!
 Я мальчик – сын твой, родная
 Мама, мама!

От огромной радости даже не почувствовала она никакой боли. Быстренько завернула его в шкуру, на которой лежала. После этого сколько они прожили – не знали. Этот мальчик, ночь переночевав, годовалым ребенком стал, двое суток прожив – будто двухлетним стал. Прожив трое суток, попросил мать сделать лук. Мать смастерила ему лук, стрелу и дала. Мать не знала, сколько лет сыну. Сын начал бить зверя.

Парнишка, ранехонько встав, побежал в тайгу, убив дятла, бегом прибежал с дятлом к матери. Съели они его и легли спать. Опять он встал рано утром и пошел в лес. Дорогой убил глухаря, принес его. Они съели его и легли спать. На следующее утро он опять ушел охотиться. Охотясь, он убил трех диких оленей, привязал их к трем вязкам кафтана и притащил домой.

Вот таким богатырем стал он за эти три ночи.

Съев мясо, мать подумала: «Действительно, сын мой родился, чтобы стать родоначальником-предком человека на средней земле». Она очень обрадовалась. «Растет, чтобы стать духом — хозяином средней земли», – подумала. Обрадовалась и благодарила судьбу. «Какими путями я смогу воспитать сына своего?» – думала она.

В это время вдруг отсюда и оттуда подул ветер, налетел, не задерживаясь. Вдруг с какой-то стороны донеслась до их ушей, ясно слышалась чья-то речь:

– Кимо, кимо, кимонин!

Сестрицы мои, летите, вглядываясь хорошенько.

На средней земле Дулин Буга

Выросла девушка-сиротка по имени Нюнгурмок.

У нее есть сын, пойдемте, посмотрим на него.

Посмотрите на него хорошенько!

Пролетим над ними, хорошо разглядим его.

После того, как сказала так, девицы-птицы, подлетев к дверям чума, опустились. Опустившись, одна из них заговорила так:

– Рожденная на средней земле,

Сиротка-девушка по имени Нюнгурмок,
Прими наш привет!
Открой дверь своего чума!
Мы пришли к тебе, чтобы познакомиться с вами.
Мы дочери Геван-старика.⁴
Твой сын родился богатырем средней земли,
Ежедневно прибавляя в росте на большой палец,
Имя его – Хуругучон.
Мы же дочери Геван-старика,
Пришли посмотреть на него.
Я самая старшая из сестер,
По имени Имеющая шелковое платье Солкокчон.
Средняя сестра по имени Дарпек.
Младшую сестру зовут Секак-девицей.
Мы, отправившись в путь, прибыли из далекой земли.
Мы очень спешим домой,
Тетушка, дух-хозяин средней земли, поторапливайся.
На нашей родине настоящий содом.
Наступает время прихода со всех сторон
Атаманов-авахи и наших богатырей верхнего мира.
Вот почему мы странствуем, очень торопясь.
Старушка по имени Нюнгурмок, открыв дверку своего чума,
впустила их. Быстро сварив мясо весенних оленей, которых не-
давно добыл ее сын, угостила их.
Девушки эти очень спешат домой. Сразу же собираются отпра-
виться домой.
Перед отправлением старшая из них начала так говорить:
– Дух-хозяйка средней земли,
Нюнгурмок-старушка,
Живи хорошо,
Вырасти сына хорошим человеком.
Итак, попрощавшись со старухой по имени Нюнгурмок, эти
девушки отправились на свою родину.
Сын этой старухи, ежедневно выраставший на большой па-
лец, по имени Хуругучон – богатырь средней земли, задумал до-

⁴ Геван — солнце в момент восхода

гнать этих девушек. Не сидится ему уже у себя дома. Мысль о преследовании девушек не выходит у него из головы. Он даже завыл и завизжал от нетерпения. Потом трижды перевернулся, покатался. Таким образом, стал пестрым щенком. Став пестрым щенком, он погнался за девицами. Щенок начал догонять летящих.

Вот он почти догоняет их. Три месяца пробежал или три года — не знает, так бежит и бежит вдогонку за девушками.

Между тем девушки, добравшись до дому, запели. Солкокчон начала петь:

– Кимо, кимо, кимонин!
 Отец наш, Геван-старик,
 Добрый привет прими!
 Мы прошли все места,
 О которых мечтали, и вернулись.
 Мы видели бабушку по имени Нюнгурмок,
 Хозяйку средней земли,
 Видели парнишку – сына ее.
 Очень хороший парень, остался там у себя на родине.
 Когда мы летели, под нами, мелькая пестрой шерстью,
 Бежал его щенок.
 Куда он затем девался, мы не знаем.
 Отец, быстро приготовь еду, а то мы очень проголодались.
 Готовь-ка нам и одежды новые.

В то время как девушки входили в дом, богатырь средней земли по имени Хуругучон, став иголкой, незаметно проник вместе с девушками. Воткнувшись в сумку Солкокчон в шелковой одежде, спрятался там. В этой сумке он пролежал трое суток. В течение этого времени не заметили его эти девушки.

Между тем вдруг задул ветер, и поднялась пурга. Потом из нижнего мира пришел атаман авахов. Он пришел к девушкам, имена которых были широко известны и прославлены. Имя пришедшего тоже было известно всем — Трехгранный Сэлэргун Сэвээндэ⁵. Он пришел жениться.

Придя, такую речь держал:

5 В переводе на русский его имя – Трехгранная Железная Ржавчина

– Конгордонин, конгордонин!

Геван-старик, прими добрый привет!

Я атаман авахов из нижнего мира.

Я пришел к твоим всюду известным и прославленным дочерям,

Пришел, чтобы жениться на одной из них.

По-хорошему или по-плохому,

Но ты отдашь мне одну из них.

Я пришел к дочери твоей,

По имени Солкокчон в шелковом платье.

Пришел взять ее в жены.

Скорее шевели мозгами и говори!

Богатырь средней земли по имени Хуругучон, который, превратясь в иголку, спрятался в сумке, услышав слова авахи, до того рассердился, что густая кровь у него хлынула в живот, вспльщивая кровь дошла до колен, бурлящая кипящая кровь поднялась до глаз, злая кровь подошла к горлу, жидкая кровь из десяти пальцев брызнула. Потом он, трижды перевернувшись и покатавшись, сам собой — человеком стал.

Став человеком, он направился навстречу авахи, проваливаясь в мягкой земле до бедер, а на твердой земле — по колена. Подойдя, запел такие слова;

– Гуйэ, гуйэ, гуйэкэнин!

Как же ты ходишь-живешь,

Не зная героя средней земли,

Ежедневно прибавлявшего в росте на большой палец,

Богатыря по имени Хуругучон.

Я и есть Хуругучон-богатырь.

Я же знаю тебя,

Ты атаман авахов нижнего мира.

По доброй воле не отдам тебе

Деву в шелковом платье – Солкокчон.

Если ты на это не согласен,

То подходи, давай драться!

Кто победит,

Тот и возьмет в жены Солкокчон в шелковом платье.

Разве ты сможешь содержать девицу,
 Рожденную человеком?
 Знаешь ли ты,
 Как выкормить ребенка-человека или разводить скотину?
 Никогда такого не было!

Поэтому я заброшу тебя с этой средней земли на небо.

Кости твои разбросаю там,
 Куда не заходят реки, впадающие в море.

Иди-ка ты домой своим путем!
 Чтобы больше на этой земле тебя не видели!

Я не отдам Солкокочон.
 Если не хочешь слушать меня,

Подходи, давай драться!

Авахи запел:

– Конгордонин, конгордонин!

Богатырь средней земли,
 Прибавлявший ежедневно в росте на большой палец,

По имени Хуругучон,
 У тебя еще не окрепло тело,

Не окрепли твои кости,
 Богатырь-аи, ведь тебе не выдержать силы моей.

Я побеждал богатырей сильнее тебя.

Иди-ка ты сам домой!

Зря погибнет все человечество средней земли,

Зря будет уничтожен

Дух – хозяин средней земли.

Если не послушаешься меня,

То давай подходи, сразимся!

Тот, кто победит,

Возьмет Солкокочон в шелковом платье.

Мне битва не претит.

Моя большая команда получит пользу от моей свадьбы.

Я поставлю угощение из человеческого мяса – вот будет хорошо,

Вот обрадуются авахи нижнего мира!

На эту речь наш богатырь – богатырь среднего мира – рассер-

дился так сильно, что кровь его хлынула в живот, бурлящая кровь дошла до глаз, брызнула жидкая кровь его из десяти пальцев. Пошел он навстречу авахи, проваливаясь в твердой земле по колена, в мягкой земле – по бедра. Подойдя, он ударом черного кулака в основание уха авахи свалил его. Не успев опомниться, авахи трижды перевернулся.

И так и этак бились они. Не знают, то ли три месяца, то ли три года бьются. Вот они остановились, упершись лбами, прижавшись плечами друг к другу, чувствуя дыхание врага.

Пока так стояли, вдруг изо рта авахи стала падать пена, словно облезлая осенняя заячья шкура, а из глаз потекли слезы, как чистая вода из трех стаканов. В спине у него что-то зашуршало. Из носа стали течь сопли, растягиваясь до колен. Задрожали суставы его ног.

Потом богатырь бросил авахи на землю так, что вогнал того в землю на три сажени.

Бросив авахи, богатырь заговорил так:

– Гье, гье, гьекон!

Ну ты, атаман авахов нижнего мира,

Пришедший, чтобы взять в жены девицу средней земли,

Если не скажешь прощального слова,

То, умирая, будешь огорчаться.

Говори поскорее последнее слово,

Пока я не перерубил твое горло

Своим мечом с четырьмя рукоятками!

Авахи заговорил и так и этак:

– Конгордонин, конгордонин!

Я не думал,

Что на средней земле

Есть такой сильный богатырь-человек.

Оказывается, это ты.

Еще совсем недавно о тебе и слышно не было.

Ты давно стал таким?

Бывают же такие сильные люди,

И я не огорчаюсь, что умираю.

Прощай на долгие годы!

Я погиб, а ты живи вместо меня.

Как только авахи так сказал, богатырь Хуругучон перерубил ему горло своим мечом с четырьмя рукоятками.

Таким образом, убив авахи, богатырь средней земли по имени Хуругучон пришел в просторный двор Геван-старика, в его роскошный табор, Пришел к девице в шелковом платье Солкокчон, чтобы взять ее в жены.

День был ясный, но в это время отовсюду задули ветры и поднялась сильная пурга. Как только затих ветер, и кончилась пурга, пришел очень красивый на вид белолицый румяный богатырь. Придя, подошел к Хуругучону и начал так говорить:

– Эрил-дорил, эрил-дорил!

Ты из какой земли,

Мата-чужеродец, пришел?

Откуда ты родом?

Скорее рассказывай по порядку, толком говори!

Не заставляй ждать путника.

Не задерживай дорожного человека!

Если хочешь спросить меня,

Если хочешь услышать мое известное имя,

То я сын Нюнгурмок средней земли,

Богатырь средней земли по имени Хуркокчон.

Если спросишь, зачем я пришел в эти места,

То знай: я разыскиваю своего брата по имени Хуругучон,

Которого увели с собой дочери Геван-старика,

Похитив у матери.

Идя по следам его, я и пришел сюда.

Ты знаешь его или нет?

Скорее рассказывай по порядку и толком говори.

Брат говорит:

– Гуе, гуе, гуеконин!

Если ты говоришь о Хуругучоне,

То это я.

Я победил пришедшего атамана авахов,

Раздул его пепел по ветру.

Так я отнял у авахи дочерей Геван-старика.

Я возьму в жены самую старшую дочь в шелковом платье Солкокчон,

А среднюю сестру по имени Дарпек-девица возьми ты.

Потом уже поедем домой.

Заживем семейной жизнью.

Мы станем духами — хозяевами средней земли,

Станем предками людей.

Будем разводить домашний скот.

Младший брат, видимо, согласился и начал говорить так:

– Братец, братец,

Богатырь средней земли Хуругучон!

Действительно, ты богатырь!

Уже распространяется слух о том,

Что ты убил атамана авахов нижнего мира.

Стала широко известна победа твоя.

Теперь же наверняка мы будем хозяевами средней земли.

Раз так, давай возьмем в жены дочерей у Геван-старика

И вернемся домой.

Придя к старику, оба пошли к девушкам. Войдя, Хуругучон опять подробно, рассказывая все по порядку, говорит дочерям Геван-старика:

– Ну, дочери Геван-старика,

Из-за вас я принял большие муки,

Из всех мучений мученье пережил,

Чем же отплатите?

Я спас вам жизнь.

Атаман авахов развеял бы ваш пепел,

Если бы меня не было.

Поэтому мы возьмем вас в жены.

Согласны вы или нет на это?

Скорее отвечайте, говорите по порядку и прямо!

Не заставляйте ждать, не задерживайте путников.

Скорее отвечайте!

Выслушав его, дочь Геван-старика в шелковом платье Солкокчон-девушка, так и сяк почесав голову, по порядку начала говорить:

– Кимо, кимо, кимонин!
 Богатырь средней земли,
 Прибавлявший ежедневно в росте на большой палец,
 Богатырь по имени Хуругучон,
 Почувствуй нутром своим,
 Пойми разумом мой деловой разговор!
 Действительно ты, придя,
 Спас человека от атамана авахов!
 Кто же из добрых людей пойдет к авахи?
 Поэтому, если вы хотите взять нас в жены,
 То мы не откажемся.
 На этой земле все равно не дадут нам жить.
 Из верхнего и нижнего миров
 Придут богатыри и не дадут нам жить.
 Мы сами согласны жить на средней земле.
 Будь что будет, давайте поженимся.

Хуругучон отвечает:

– Гье, гье, гьеконин!
 Ну, девушка, дочь Геван-старика
 По имени Солкокочон в шелковом платье,
 Мне приятно все то, что ты сказала,
 Ты правильно рассуждаешь.
 Давай справим свадьбу!
 Приготовьте еду, забив самых лучших коров,
 Имеющихся во множестве, что речная галька,
 Забейте на счастье скотину, подобную валунам,
 Приготовьте еду,
 Забив коней, подобных кочкарнику!

После разговоров поженились: старший брат взял старшую сестру, младший брат взял среднюю сестру. Потом отправились домой на родину, к своей матери. После долгого путешествия добрались до дому. Придя, Хуругучон-парень начал рассказывать все по порядку:

– Гье, гье, гьеконин!
 Родная мать,
 Одна-одинешенька живущая на средней земле,

По имени Нюнгурмок,
Я вернулся.
Прими мой добрый привет!
Потом уж расскажу все по порядку.
Послушай внимательно, пойми своим разумом.
Я взял в жены дочь Геван-старика
В шелковом платье Солкокчон.
В трехлетнем возрасте я взял себе спутницу.
Младший брат мой взял в жены сестренку ее,
По имени Дарпек-девушка.
Таким образом,
Пришли мы оба, став семейными.
Теперь мы будем растить потомство —
Людей средней земли и разводить скот.
Став такими, вернулись мы.
Теперь мы будем заботиться о тебе самой.
Ты родила нас, сделала нас людьми,
Поэтому средняя земля стала нашей по праву.
Мать их стала говорить:
— Кимо, кимо, кимонин!
Сын мой,
Выраставший ежедневно на большой палец,
По имени Хуругучон,
Удачно постранствовав,
Благополучно вернулся ты.
С тех пор как вы ушли,
Не было у меня покоя, ни сна, ни отдыха.
Я до того наплакалась,
Что слезы высохли в глазах моих.
Не знала я, вернетесь ли вы.
Вот вы вернулись, как это радостно!
Приятная встреча!
Дети мои, хорошо, что вы вернулись!

Тем временем поставили дом и ограду для скота, и зажили по-человечески. Вот так и жили они, долго ли, коротко ли, сами не знали.

За это время у Хуругучона появился сын. Сын, переночевав три ночи, стал с трехлетнего ребенка; переночевав пять ночей, стал с пятигодовалого ребенка. Очень быстро он вырос. Становится богатырем, сильнее, чем отец.

Однажды, сев напротив отца и матери, начал просить дать ему звучное имя, которое может прославить его.

– Дэгри, дэгри, дэгримой!

Вот я говорю,

Что больше уже не возмужаю

(Теперь не вырастут у меня рога, не покажутся у меня копыта).

Как же я, парень буду без имени?

Дайте мне имя, батюшка с матушкой!

Улетающие и возвращающиеся летающие птицы,

Смеются надо мной, все говоря:

«Без имени! Не имеющий имени!» – смеются.

Поэтому прошу — скорее дайте мне имя!

Мать его Солкокчон в шелковом платье начала говорить:

– Стань богатырем средней земли вторым Хуркокчоном!

Если дойдешь до верхнего мира,

Стань Чивкачатканом (птицей-богатырем).

Если ты согласен с этим, то скажи:

«Ладно», а если не нравится,

То скажи: «Нет»,

Если имя плохое — скажи: «Плохое».

Однажды сын, встав рано утром и сев против родителей, стал так говорить:

— Дэгри, дэгри, дэгримой!

Теперь более не возмужать мне

(Не расти ни рогам, ни копытам).

Во-первых, хочу искать спутницу,

Во-вторых, искать хозяйку-спутницу.

В какой стране есть девушка, подходящая для меня?

Укажите мне дорогу туда!

Сколько бы богатырей ни было,

Не бойтесь, не поддамся.

Где бы ни находилась девушка, доберусь туда.

Скажите быстрее!

Родители переглянулись друг с другом, говоря: «Скажи ты», «Нет, ты скажи»; говоря, наседали друг на друга. Тогда начала говорить мать:

– Доки, доки, докимой!

Ну, сынок мой,

Если одобришь мое указание

Скажи: «Ладно»,

А если нет – скажи: «Нет».

В стороне, где восходит солнце,

На краю земли,

Есть князь крайней земли,

Голова-начальник города далекой земли,

По имени Геван-старик.

У него есть дочь-девушка.

Никто из имеющих указательный палец не побеждал ее,

Имя девицы-героини Уняптук⁶.

Никто не может взять ее,

Ни богатыри нижнего мира,

Ни богатыри верхнего мира.

Разве ты туда пойдешь?

Очень далекая страна,

– даже четырехногий зверь

Только после четвертого помета доходит туда.

Ты сам должен узнать, какой хитростью можно добраться туда.

Как бы то ни было, посоветует тебе

Бабушка твоя, по имени Нюнгурмок.

Потом сын заговорил так:

– Дэгри, дэгри, дэгримой!

Отец мой, богатырь Дулин Буга по имени Хуругучон,

Мать моя по имени Солкокчон,

Бабушка моя по имени Нюнгурмок,

Улетаю я, став крылатой птицей.

Отправляюсь я, сделав три круга вокруг родной земли.

А сейчас, если что собираетесь сказать, говорите быстрее!

⁶ В переводе на русский означает «наперсток»

Сказав так, протился. Затем, выйдя быстро на улицу, трижды перевернулся и, став лебедем, полетел, делая круги над жилищем.

Старуха Нюнгурмок, быстренько выйдя, второпях начала говорить:

– Итак, внук, дитя мое,

Выслушай мой совет очень внимательно!

Счастливого пути!

В той стране, куда направляешься ты,

Ни один слабый богатырь не мог преодолеть всех препятствий.

У твоего отца есть лук, сделанный мной из одной половины

Лиственницы, и стрела, сделанная из другой половины.

Возьми их: наверное, они тебе пригодятся.

Нет ничего другого у меня,

Дарить тебе больше нечего.

Если ты выстрелишь, хорошенько благословив свой лук,

То стрела твоя не застрянет даже в черной туче.

Удачного пути, возвращайся домой! – сказав, благословила.

Так благословив его, закончила совет свой. Потом стала прощаться мать и напутствовать сына:

– Сынок, Хуркокчон называемый,

Доброго пути тебе!

Не падай от крутобоких!

Не поддавайся опережающим!

Не становись поперек идущим сбоку.

Не поддавайся лукавым!

Уничтожай хитрецов!

Итак, сын ее сделал прощальные круги, взмахивая крыльями, на лету подхватил большущий лук. Полетел между облаками в сторону восхода солнца.

Улетая, парень заговорил, запел:

– Если удачно проведу я свой поход,

То вернусь через три года.

Если же не вернусь к этому времени,

Когда сузится широкая спина моя,

Укоротится мой длинный ум,

Тогда я отправлю по ветру свое волшебное слово,

С быстротой ветра отправлю его по воздуху.

Сказав так, он полетел. И так он летел и летел. Долго ли, коротко ли летел он – не знает и сам: то ли три дня, то ли три месяца.

Видимо, он начал добираться до родины Геван-старика. Вот показался просторный двор, роскошный табор Геван-старика.

Он подумал: «Галечник вдоль реки» – оказались коровы, подумал: «Кочки» – оказались кони, подумал: «Кустарники» – оказались олени. Пролетев над огромным деревянным домом Геван-старика, опустившись около двери, начал он петь:

– Дэгри, дэгри, дэгримой!

Ну, дед мой Геван-старик,

Глава города далекой страны,

Князь крайней земли,

К тебе я шел, шел, летел, летел.

К тебе я прибыл не просто.

Расскажу я, зачем пришел и что надо мне.

Открой свою большую дверь,

Прими мой привет,

После будет у нас большой разговор.

Ты сам, наверное, знаешь,

С каким намерением может входить в дом молодой парень.

Мое громкое и известное всем имя –

Богатырь Хуркокчон, сын богатыря средней земли

Хуругучона, сын матери по имени Солкокчон.

Не заставляй ждать дорожного человека,

Не задерживай путника,

Отвечай толком и прямо.

Геван-старик, открыв дверь, взяв за руку этого человека, ввел в дом. Приведя его в дом, Геван-старик завел беседу, такие слова говоря:

– Орил дорил! Орил дорил!

Ну, богатырь средней земли, здороваемся!

Потом уж будет разговор.

Выслушай внимательно мои слова,

Пойми их своим разумом.

Здесь находится атаман авахов нижнего мира

По имени Сэлэргун-Сумуёндё – Железные жилы.
 И богатырь из верхнего мира, прибыв, здесь же.
 Они пришли взять в жены мою дочь,
 Богатыршу Уняптук, девицу-красавицу.
 Три года уж бьются, никто не может победить.
 Всячески хитрят, но никто из них еще не победил.
 Прошло уже три месяца, как у них передышка.
 Вот-вот встанут и начнут опять биться.

Итак, старик, приготовив еду для этого человека, начал угощать его. Смотрит на то, как ест Хуркокчон и удивляется – действительно настоящий богатырь. Здорово ест: взяв в рот мясо величиной с кабаргу, проглатывает его, когда кусок мяса становится величиной с рукавицу, взяв в рот кусок сала величиной с зайца, он проглатывает его, когда тот становится величиной с горностаю. Навар он пил так, что узнавал о том, что допил до конца, только стукнувшись лбом о край большого котла.

Итак, покушав, пошел он к богатырям. Подойдя, увидел, что богатыри спят на двух отдельных лабазах, стоящих на месте битвы. А на них лежит снег высотой три вершка. Наш человек, подойдя туда, поочередно пнул ногой лабазы. Попинав, повел такую речь:

– Дэгри, дэгри, дэгримой!
 Ну, богатырь верхнего мира в золотой одежде,
 Монгуличон по имени,
 Вначале привет прими,
 Потом разговор будет.
 Я богатырь средней земли,
 Имею отца по имени Хуругучон,
 Имею мать по имени Солкокчон,
 Я богатырь по имени Хуркокчон.
 Если ты спросишь: зачем я пришел сюда,
 Так скажу: я пришел просить дочь Геван-старика,
 Со звучным и известным именем – девицу Уняптук.
 Расскажи же теперь все о себе подробно и толково.

Тот богатырь верхнего мира проснулся и приподнялся. Поднявшись, он стал говорить так:

– Угэлэ, угэлэ!

Ну, богатырь средней земли,

С чего это ты, придя сюда,

Приветствиями разбрасываешься, разгорячившись?

Кичишься своим достоинством!

Эх, зло меня разобрало, вот беда!

Ты не торчи здесь предо мной,

Сказав так, он даже не поздоровался с пареньком.

От такого приветствия рассердился Хуругучонон так, что чуть не лопнул в плечах, чуть не разорвался в пояснице. Сердитая кровь хлынула в затылок, упрямая кровь дошла до живота его, бурлящая кровь застлала глаза.

И вот Хуркокчон направился к авахи, увязая в талой земле по щиколотку, в мерзлой земле — по колено. Подойдя к лабазу авахи, саданул ногой по лабазу, на котором тот спал, так, что авахи упал и скатился с лабаза, но сумел вскочить на ноги.

Те богатыри ударили друг друга черными кулаками. Хуркокчон начал ходить туда-сюда, наблюдая за ними. Он сильно взволновался: наверное, ему было стыдно, что они даже не обратили на него внимания. В душе он был очень огорчен этим.

Так вот, долго ли, коротко ли они бились, неизвестно. Бились, бились, наконец приостановились. Упершись лбами, сцепившись плечами, они сделали передышку. Сильно задрожали у них колени. Из рта у обоих стала падать пена величиной с зайца, из носа начали течь сопли величиной с куропатку. Тем не менее, борьбу продолжали. Вот авахи начал побеждать богатыря верхнего мира.

Поддаваясь, богатырь верхнего мира, когда враг начал его одолевать, такую речь держал:

– Сузилась широкая спина моя,

Укоротились мои длинные мысли,

Атаман авахов действительно людоед, убийца!

Подходит день моей смерти.

Где же находится мой спаситель,

Богатырь средней земли по имени Хуркокчон,

Куда же он ушел?

Можешь ли ты спасти жизнь человеку или нет?

Настал день моей гибели, моей смерти.

Ужасная печаль, неудача пришла», – говорит.

Услышав это, наш богатырь средней земли не стерпел. Пожалел богатыря верхнего мира. От всего сердца, от всей души (печени) пожалел.

Вот подошел к ним. Смотрит – авахи побеждает богатыря верхнего мира. Отгрызая мягкие части тела его, людоед продолжает поединок.

Увидев это, богатырь по имени Хуркокчон от сильного гнева начал биться с авахи. Подойдя, так ударил его в основание уха, что авахи три раза перекувырнулся. И так и этак бились, бились они, но оба выдерживали. В битве авахи заговорил:

– Конгордонин, конгордонин!

Богатырь средней земли,

Черными кулаками мы не можем победить друг друга,

Давай стрелять друг друга из большого лука.

Пусть тот, кто попадет и убьет другого,

То победитель возьмет в жены ту девушку, – сказал.

Хуркокчон на это согласился.

– Пусть будет так, — говорит он.

На двух концах большого поля битвы были ямы, на дне их – железные кольца с заостренными верхушками. Встав друг против друга, на краю этих ям, человек и авахи приготовились стрелять друг в друга. Вот авахи опять говорит:

– Я родился раньше тебя, раньше и выстрелю! Пойди и встань там!

На это богатырь средней земли такую речь произнес:

– Геван-старик, дед мой,

Богатырша по имени Уняптук-девица,

Итак, я иду под стрелу лука,

Если сузится моя широкая спина,

Если укоротятся мои длинные мысли,

Тогда отправлю по ветру свое слово к вам.

Если попадет в меня его стрела,

То потемнеет солнце.

Так вы узнаете, что я побежден.

Так сказав, он встал на край ямы, напротив авахи.

Тогда авахи начал заговаривать свой большой лук:

– Большущий железный лук мой,

– Спусти стрелу прямо

– В черную печень

– Богатыря средней земли!

Сказал – и удар большого пальца его раздался по земле, свист большой стрелы его пронесся по небу. Богатырь средней земли тотчас увернулся, отстранившись в сторону своей родины. Стрела, пролетев, пробила его кафтан. У Хуркокчона мелькнула мысль: «Убит ли я?», испугался он, но солнце, ненадолго потемнев, опять засветило ярко. Затем богатырь-аи Хуркокчон сказал:

– Ну, теперь ты становись!

Авахи, подойдя к краю ямы, встал и ждет, когда, заговорив свой лук, тот спустит стрелу.

– Ну-ка, лук мой большущий,

– Сделанный из одной половины лиственницы,

– Большая стрела моя, сделанная моей бабушкой по имени

Нюнгурмок,

– Которая жила одиноко на средней земле,

– Неся в себе волшебное слово, пронзи его!

– Сказал он так – и удар его большого пальца

– Раздался по земле,

– Звук стрелы в небе прогремел.

– Авахи собрался увернуться в сторону нижнего мира, но не смог отстраниться. Большая стрела вонзилась в середину печени его. Так Хуркокчон победил авахи. Победив его, он направился к Геван-старика. Придя, такую речь держал:

– Дэгри, дэгри, дэгримой!

Геван-старче, я,

Придя ради твоей дочери,

Девушки-богатырши по имени Уняптук,

Из-за ее звучного, известного имени

Перенес много мучений и тяжелых страданий.

Я бился с атаманом авахов нижнего мира Сэлэргун-Сумуенде

И с богатырем верхнего мира в золотой одежде Монгуличоном.

Они пришли за дочерью твоей,
 Богатыршей с звучным и известным именем.
 За нее они дрались три года и три месяца.
 Когда атаман авахов стал побеждать богатыря верхнего мира,
 Пожалев его, спас я богатыря от авахов.
 Я убил атамана авахов нижнего мира
 Стрелой из половины лиственницы,
 Из большого лука, сделанного из другой половины листвен-

ницы.

Их смастерила моя бабушка, одиноко жившая на средней земле.
 Если бы меня не было, то атаман авахов нижнего мира
 Развеял бы твой пепел и разрыл бы твой очаг.
 Поэтому, Геван-старче, дедушка,
 Выдай за меня свою дочь!
 Ты согласен или нет?
 Поскорее говори ясно и толково!
 Не заставляй ждать спасителя-человека,
 Не задерживай путника!
 Выслушав это, Геван-старче так и начал говорить:
 – Орил дорил, орил дорил!
 Ну, богатырь средней земли Хуркокчон,
 Выслушай внимательно и
 Пойми своим разумом мой прямой разговор по порядку!
 Да, действительно, ты, придя сюда,
 Спас нас от атамана авахов.
 Разве человек-аи свою дочь-аи отдаст авахи?!
 Поэтому, если ты берешь мою дочь, богатыршу Уняптук,
 То я этому не препятствую.
 Если она останется здесь,
 Ей все равно не дадут жить богатыри нижнего и верхнего мира,
 Приходя ежегодно.
 Поэтому лучше сами устраивайте свою жизнь на средней земле!

Так договорившись, Хуркокчон взял в жены дочь его. Тут же справили свадьбу. Он увез ее к себе на родину. Добравшись домой, к родителям своим, стали они жить. С тех пор он стал предком эвенков. Они начали разводить оленей-скот.

НИКОЛАЙ ГЕРМОГЕНОВИЧ ТРОФИМОВ

Сулаки Сули-Сули – нимцакан

Билир-билир этыркэлкэн атыркан оскексэл бичэтын уху. Эр биденэл бихэмдэ нуңартын, син мэндүвэр элэкин орочил ивит, тадук хуңту экун-да ачин. Эр этыркэн арай эдэрдуви сома бэйңэлэн бэе бичэн уху. Эр бээл со баран анңанива маначал, сова горово бидечэл уху. Тар устадун этыркэн бихэмдэ экун-кат бэйңэвэ элчэ бэй-нэрэ, атыркан-да сагданча, дюкрэ-дэ экун-да хавава элчэл кейда.

Эр биденэл этыркэн умнэкэн орорви ониктадяна, сулаки дюван бакача. Таду арай сулаки хутэн бихин ивит. Тара этыркэн, иникин-ди дявакса, дюлави эмувчэ. Тара бихэмдэ эр этыркэлкэн атыркан сомат аявра, тадук дюкрэ нюңэмкирэ: «Мит эр сулакитканма эгэт бара, экан силэдин, сэксэдин, гирамдадин иргичиксэл, хутэгэчин хутэмэнэл иргиткэт», – гуннэл нюңэвэ бакачал. Тара дюкрэ-дэ элэксийдэ.

Тарит де нуңартын сулакитканма иргитнэл ихэвувкэнэ. Тариңитын бихэмдэ эдук-та иргэчи оча, тадук бээгэчин турэтнэ бэенюн улгучэмэчилчэ. Де тарит этыркэннюн атыркан бихэмдэ, нуңанман эдук-та хулэкэт дялдаксал, балдывча хутэгэчинмэр аяв-нал хутэтэдердэктэрэ.

Де тар нуңартын бихэмдэ тар биденэл анңанитыкин сагданнал эхалтын ичэрэ элчэ, ңалалтын ургэвэ-маңава элчэ кейда, халган-дивар гороло элчэл гиркура. Эр этыркэн тар-да ахакан оронми элчэ онира. Били сулакитканңи оронмо онириду таткача, тариңин сомат аят оникса, бакативки оча. Этыркэн бихэмдэ сулакиткан-ни эрэнисомэ оча, тарит сулакиңи Сули-Сули гуннэ гэрбичэн. Тариңин бихэмдэ, ониксан одяна, били эхатпи-сендиви сагданча этыркэнмэ кунулитпи улокинэ, нуңан кувэхэлвэн бокикса, депты-ви депнэ, тэлириви тэлинэ дяладяча ивит.

Арай этыркэн умнэкэн надан кувэрви аччиран. Тар аччиксакан:
– Сули-Сули, хутэ! Эр-кэ кувэхэлты ачир-гу, он-ңу? – гуннэ ул-гумивки. Таду бихэмдэ сулаки тыкэн гуннэ улгучэнэн:

– Эхэкэ! Кувэхэл-бэхин илэ сурудюру, тар баргу бираканду некэетэдерэ, ката сомат бургучол. Эңнимэ бургуксол элмэлчэл гиркугина, – гуннэ улгучэнивки.

Тара бихэмдэ этыркэн додуви эчин тэдэрэ:

– Багаи, экунма улгүчэндэнды болла. Ани бумуликсэл-гу ху-глэдерилвэ некэдерэн биден, – гуннэ тымитнакан суруксо, ичэнэн бихэмдэ – надан кувэрин надани даран илитчара уху. Тарилва бичэ этыркэн, городук ичэксэ, тэдемэ-дэ-гу бургучол, – гуннэ сомат уруниксэ. Де би Сули-Сули бургинэн оровон дюлави илбэксэ, эвэдун ичэвкэнирдэгим гуннэ, кувэхэлви чагидалитын суруксо, «Хэй! Хэй!» гуннэ тэпкэнэн, ороп нуңанман ичэхинэ-кэт эчэл, хервар-кат эчэл хавахинмукана. Этыркэн дюессу дагамакса, сектат сирбалиран-да ороп иликсора. Этыркэн, эр-кэ он очал, гуннэ аят ичэнэн бичэ: били сулаки, мэнин бокикса, урлитын иксэ, улдэвэ-тын догититын девуксэ, тар оннудун коппоко лавуктава дэлбимэ чипчикса, илит-чаригачин молду иливтыча ивит. Де тара ичэксэ, этыркэн баргумитку урэлдулэ доргуикнан килахинчаран-да дют-киви хэтэкэнэн. Бира баргудукин тэпкэрэн:

– Атыркан! Сули-Сулива дявакал! – гуннэ тэпкэрэн. Тара атыркан аят эчэ долдыра.

– Сули-Сули! Эхэс он гунэн? – гуннэ сулакидук улгумирэн.

Сулаки бихэмдэ:

– Эвэ, эхэв Сули-Сули иргидун кавакичи имурэнэ уйкэл, химат оронмо оногин, гундерэн, – гуниттэн.

Атыркан, сомат утакса, кавакичи имурэнмэ сулаки иргидун уй-мэлчэрэн.

– Кэ, сот этэкэкэл! – гуннэ дюдук тулиски ундэн. Сулаки де бадян тынмучэ эдиңан – эекэки хэтэкэнчэ уху.

Этыркэн, дюлави эмэксэ:

– Ир Сули-Сулива дяванды-гу? – гуннэ атыркандукки улгумирэн. Таду атыркан бихэмдэ:

– Эда дявадиңав? Эхэв, Сули-Сулиду иргидун кавакичи имурэнэ уиксэ, химат уңмэлчэкэл гунэн гундын-ңэн, – гуниттэн.

Этыркэн:

– Де депнэдевэ хитэмэвэ иргиксэл, карен ороввор девупкэнчэл бихип эчэ до! – гуннэ улгүчэниттэн. Таду бими атыркан экун-да гуннэ сомат олоксо, этыркэнмэ элэмэтпи ичэхиниксэ:

– Ороввор девувкэнэп-дэ? – гуннэ улгумивки.

– Оттон надан кувэрвэт депчэ эчэ до! – гуннэ атырканма турэчэ.

Тадук сулакива ахамкача-да сулаки нуңандун боконмудиңан дэлэ – тыкин суптыча.

Тар суптыкса, эеки гороло сурудюрукин дюлгидин арай умун иргичимие бакалдыхинчаран. Сулаки нэлэллэн, амаскакоки хэ-тэкэнэн. Де иргичи илэ-дэ эчэ некэрэ, боконикса, тырэрэн-дэ дептэви некэлдэн. Таду сулаки биксэ, нэлэликсэ, кэңтырэн тыел-дэн, дялин урумудэн.

– Иргичи! Аки! Экэл тыкулда, минэвэ экэл дептэ. Эр би ир-гихэвэв депкэл! – гуннэ алтачиттан.

Тадук иргидукки кавакичи имурэнмэ гакса, иргичиду бурэн. Тара иргичи гакса кур-кар секса, нимнэксочэ. Тадук сулакидук улгумиттэн:

– Эргэчин ая девгэвэ идук баканды? Баканами минду аяңахиви улгучэкэл, эхикис улгучэнэ мэнмэс девдиңэв, – гуннэ сулакива нэ-лэвкэтнэ нян амңави аңачалдан.

Таду сулаки бихэмдэ:

– Де тавар бихикин би-дэ бэи, – гунчэрэн-дэ улокичимдэк нек-элдэн.

– Аки! Иргичи! Он си бинэ эр кавакичи имурэнмэ бакариви багас эңнэнни сара до? – гуниттэн.

Иргичи:

– Сари бими би синдук улгумивчэв до? Сари бими си сугун улгучэкэл, этэнды улгучэнэ-дэ би синэвэ депчиңэв! – гуннэ нэ-лэвкэчиттэн.

Таду бихэмдэ сулаки:

– Кэ, тарлаха эр бира мудун си иргиви дыкэл, тар биксэ, илал-даду мудук энэ гада тэгэткэл, тарлаха иргидус кавакичи имурэн окса эмэлдыдиңэн, – гуннэ нюңэрүксэ, сулаки иргичидук супты-ран.

Иргичи бихэмдэ иргиви бира мудун илалдаду дычэрэн-дэ болор бугэ ахундун нуңанман кам дявадиңан – умун долбониду умуксуду кам дяваван. Сулаки бихэмдэ иргичивэ дэлби эмэ-нэ-эмэнэ иневунтэксэ, сурурун. Иргичи тар умуксудуви кам доңо-токсо, бучэ.

Тар амардукин сулаки нян дюлэви суручо. Тар нэнэксэ, нян сова горowo нэнэчэлэн арай умун эхэмие бакалдыча. Сулаки эхэ-

– Э, си эдук ухикинтанды, бэе аява гундэкин тыкуличинды. Де эхит минэвэ-дэ девуксэ, эва тухандиңас? Онтон сакилатпа кейдакис бими, би сатар эвэнки утэнин дыгин нэнэвчэ иланман багас этэм умивра до? Тар мэнин ады-кат дян сулаки улдэдукин баран этэн бирэ до? – гунитгэн эр сулаки.

Эхэ, тара долдыкса:

– Иэ, тэдемэ-дэ тар бихикин элэкин, – гуниксэ, элэксийдэн.

Де сулаки бими гунитгэн:

– Кэ, эр сакилатту кейми девучим, кеивми депивучим гуннэ тавар ирэктуду киресты охихикал. Би нян си хэрэлис иктэтпи кэ-нихиндиңэв, – гунитгэн.

Эхэ, «Ээк!» гунэн-дэ киресты-киресты анагастаран, сулаки нян нуңан хэрэлин суркатпи игихинан. Де нуңартын тавар сакилатпа умун кейчанюн эхиду мэккустэ улгурвэ оксал, сулаки олоптыки-маран, эхэ эвунки эхамаран. Болдекитын бими илан долбонилкан инэңи одан. Кэ, ая. Тадук эр сулаки, илан долбонилкан инэңиду гиркукса, утэндын олоптыкива дявана-дявана умивран. Илан долбонилкан инэңицин дялувран, эхэвэ ухорэн этэвутми. Де эхэ дэлэ эмэдинңэн, эрэгэмэ эчэ эмэрэ. Сулаки де били эхэ эчэ аяра гуннэ эхэңи удяван удядахинча уху. Тар удянан эвунки эхачил сома баран орочил нулгинэтын удялатын ихикса, умун дыңнимэндиви удяна, ахадяхинча уху. Сулаки:

– Оо! Эвунки эхачилдук аяя этэнды ичэрэ, – гуннэ-гуннэ удя-ми-нюн удядяча.

Арай эхэ баран со оорордула иснан, олониксал, дюлавар суптынал эмэчэл уху. Де таду соңкул бэйңэлэхэл эвэнкил бичэл ивит. Тарил бэрилбэр, гидалвар чавариксал, эхэвэ бэрилдивэр пэкты-руксэл, гидалдивар гиданал баксал, нуңанман мэнериксэл, каяхак эвтылэдин суксал, дылидин лэгдэкэнчэл-дэ нулгичэл.

Сулаки тала ихикса, эхэ гуликкэн дэлби хуриксэ, дептыви депиксэ, урэйдыви урэйксэ, эхэ дылин гирамдаван дэлбимэ иневунтэксэ, били мэнин умивнави олоптыкиңилдулави мучуна эмэрэн. Эмэнэн сома баран мундукааяр олоптыкиңилван депчэл ивит арай.

Сулаки бихэмдэ, тара ичэксэ:

– Де, мундукар, су-дэ бичэлихун, удявахун удякса, мэrvэхун де-

пирдэгим, – гуннэ умун мундукан удяван удяна сурунун бихэмдэ, мундукан, такачан хэрэдукин эр лупулихэ, хэтэкэнчэ. Сулаки ахальятча. Мундукан бира хулиткин суптына эвуксэ, болор умуксу элэкэс доңотодёри оёлин духиннэ хэдэрэгэр дыңнимэдэнэ букачан долан ичэ, таду дыкэнчэ. Сулаки бихэмдэ эрдухин умуксுவон мундукан дэгдэвнэвэн нуңан эчин дэгдэврэ, муду тыкчэ. Тадук аран амаски мучуча. Тар мучукса, духинмэ эеки-солоки гирна некээдерэкин арай сома баран сувдянда, муду эчэнэл эмэксэл, илтэниттэ. Сулаки тарилва:

– Оо, олдол, су эду кэтэтэрэс! Тавар бинэл ады аксачил биңнэс? – гуниттэн.

Таду олдол:

– Иэ, Сули-Сули, бу аксанмавун си адыра-кат балдыми этэнды сара, аксанмар бу мэрвун-кэт эхив сара, – гуниттэ.

Сулаки:

– Су со-гу баран бихис, он минэвэ акари гунэс то? Тар аксана ачин экун биңнэрэн. Би су аксанмахун дюпты-да балдына ачин эхит-тэ самчав, – гуннэ хендыхан оливки.

Таду умун сома хэгдыңэ сувдянда, эмэксэ:

– Аа, бу аксанмавун эдук самсак одави улокомово хендычин-ды, хендыми-кат, эми-кэт син этэнды сара. Дяра-кат балдыми этэнды сара, – гуннэ мэккухилчэ.

Сулаки тарба мэккордук сугун эмэнмудиңэн до:

– Кэ, кэ, мэккустыл бимил эр бирава баргиски даран му оелин кэңтырэлвэр ювчэнэл, энэл хавахина, би таникса этэдэлэв, илит-калду.

Олдол бихэмдэ:

– Де ахуна-ке саянды, илимкакпун-да, – гуниксэл, духинмэ хэдэрэгэр илчал. Де илчалатын сулаки олдо кэңтырэдукин кэңтырэдун туденэ «Умун, дюр, умун дюр!» гуннэ-гуннэ таңиксан она, духин баргулан исча-да умун олдово дылдукин дявача. Олдо курбулчо мувэ пэксилемэ. Хады олдол бихэмдэ упкат хэтэкэнчэл. Сулаки, умун олдово депиксэ, мундукан удяван баакса, удянан бихэмдэ эхит олдол курбуридуктын олоксо, нян духиңни уски-кана, сулакива эхи дэгдэрэ умуксукондули нян-дат суптыча.

Сулаки нян тар букачанду каивча. Тар биденэ, нян олдол эенде-

ривэтын ичэксэ, эримкэттэн-дэ, чи нян эмэксэ будиңэн! Кэхэксэл, эрэгэр эчэл эмэрэ, эмэдиңдук эхилэ киймарис хэтэжэнэ.

Сулаки, тыкэн некэксэ, эр бира букачандун кайивукса, анңаран, инэрэн. Мундукан тардалан ир бугава ихирдага. Сулаки, умук-сунци аят дявалдына доңоточолон духиңци давукса, нян мундуканци удяван муиксэ, ювуксэ, нян-дат удяча. Тар долбо сома сунта иманда тыкчэ. Тыминин инэң мундукан кеян элчэ хуктырэ. Сулаки де таду боконикса, де бокикса, депчэ.

Тадук эхилэ, эхэкэнюн мэккухиксэ, умивналави олоптыкиңил-дулави эмэмэн, «Де чи-дэ эчин некэерэ бинэт?» – гуннэ-гуннэ иманнаңци иманаван улэнэ-улэнэ олоптыкиңилви депильетчэ. Эли-тали эрэли пэриктэнэ, хуриктэнэ гиркукталикта гуниксэ, этыркэн, эмэксэ, бэркэнмэ таннаван энэ сара, хирэнмэн хэркуксэ, бэркэнду гарпавукса, сулаки будэви хуклэденэ:

– Де эр эвунки эхачидук хунтул эгин-эгин эңэхил эхэл, химал иргичил, мундукар дурукитын кэнэхэл ивит. Иргичивэ вачав, эхэвэ нян сакилатыт кейчав, мундуканма, нян имандаду каикса, депчэв. Эр арай эвунки эхачива гэгиниксэ-дэ чи-дэ эңэт тэрэрэ. Мэнин-кэт, удян-кат ачин бинэ эр минэвэ бардага. Эдук-дэ эвунки эханюн чи-дэ эңнэн гэгинэ! – гуннэе букэкунчэн уху.

Лис Сули-Сули – Сказка-миф

Давно-давно старуха со стариком, родившись, жили, говорят. Так жили они и имели для себя достаточно оленей, больше ничего у них нет. Этот старик, когда был молодым, был хорошим охотником, говорят. Эти люди прожили много лет, очень долго жили, говорят. К тому времени старик никакого зверя уже не мог убить, и старуха его состарилась, оба не могли уже работать, вести свое хозяйство.

Так жили и однажды старик, когда искал своих оленей, нашел лисью нору. Там оказался детеныш лисы. Его старик поймал живым и принес в чум свой. Его эти старик со старухой очень полюбили, потом оба решили: не уьем этого лисенка, будем кормить его супом, кровью, костями мелких зверей и будем воспитывать как родного ребенка. Нашли такое решение. На этом оба согласились.

Так они лисенка кормили, и он вырос. Он стал очень умным, заговорил по-человечьи и стал разговаривать с людьми. Поэтому старик со старухой еще больше полюбили (досл.: стали думать о нем еще лучше) и относились как к родному сыну.

Вот они так и жили, старились с каждым годом еще больше, стали плохо видеть их глаза, руками не могли выполнять тяжелую работу, ночами не могли уже ходить далеко. Этот старик не мог уже ухаживать и за теми немногими оленями. Своего лисенка он научил смотреть за оленями, а тот хорошо искал оленей и находил их. И старик полностью стал доверять ему (оленей), начал называть лисенка «Сули, Сули!» А тот, делая вид, что пасет оленей, плохо видящего, плохо слышащего состарившегося старика начал обманывать, как хотел, его оленей-быков давил-душил, ел, сколько хотел, часть заготавливал впрок, хозяйничал по-своему, оказывается.

Однажды старик не досчитался семи оленей-быков, не досчитавшись, спрашивает:

– Сули, Сули, сынок! Где же наши олени-быки? Их нет что ли?
– спрашивает.

На это лис так рассказывает:

– Дедушка, куда же денутся олени-быки, на следующей речке пасутся, они разжирили. От сильного ожирения, перестали даже много ходить, – говоря, рассказывает.

Этому старик про себя не поверил.

– Негодный, что-то не то рассказываешь. Может, олени заболели и лежат, а он не знает об этом, – думая так, назавтра пошел и видит, что все семь оленей-быков стоят рядом. Увидев их издали, старик обрадовался, на самом деле разжирили, подумав. Показать старухе (букв. бабушке лиса) откормленных Сули-Сули оленей захотел, пригнав их к чуму, обошел своих оленей-быков и крикнул «Хэй! Хэй!», а олени на него даже не оглянулись, даже не пошевелили ушами. Старик подошел ближе и хлестнул тальником, олени как стояли, так и стоят. Что с ними случилось, думая, рассмотрел их как следует. Оказалось, лис сам задушил, влез в их брюхо, выел все мясо изнутри, вместо мяса (в шкуру) напихал рыхлого ягеля и прислонил к деревьям, будто они сами стоят. Увидев это, старик вскрикнул так, что отдалось эхом во всех ближних и дальних горах, и побегал к чуму.

Еще с той стороны реки крикнул:

– Старуха, поймай Сули-Сули!

Его крик старуха не поняла.

– Сули-Сули, дед твой что говорит? – спрашивает у лиса.

– Бабушка, дед мой говорит, чтобы ты привязала к моему хвосту пузырь с салом, я быстро должен бежать пасти оленей, – говорит.

Старуха, страшно торопясь, быстро привязала пузырь с салом к хвосту лиса.

– Ну, беги изо всех сил! – говоря, вывела из чума.

Выпущенный из чума лис не стал медлить – пустился бежать вниз по реке.

Старик пришел к чуму:

– Ну что, поймала Сули-Сули? – спрашивает у старухи. На это старуха:

– Зачем его ловить? Ведь лис сказал, что ты просил меня, чтобы я привязала к его хвосту пузырь с салом и быстро отпустила, – говорит.

Старик:

– Вот зря мы выкормили обжору, дали ему съестъ наших бедных оленей! – сказал.

– Как дали съестъ оленей? – спрашивает.

– Ведь он съел наших семь оленей-быков! – говоря, укорил старуху.

Потом старик попытался догнать лиса, но разве лис даст ему себя догнать – убежал прочь.

Убежав, лис шел вдоль реки, в это время вдруг встретился огромный волк. Лис испугался, прыгнул назад. А волк не дал ему никуда убежать, нагнал, придавил и собрался съестъ.

Тогда лис так испугался, что грудная клетка его сузилась, мыслы укоротились.

– Волк! Брат родной! Не сердись, меня не ешь. На, ешь мою дорожную еду! – говоря, начал просить.

Потом отвязал со своего хвоста пузырь с салом и дал волку. Волк взял сало и, смачно пожевав, мигом проглотил. Проглотив, спрашивает лиса:

– Где ты нашел такую вкусную еду? Где нашел, пока ты цел, мне расскажи, если не скажешь, тебя я съем, – говоря, пугая лиса, снова разинул свою пасть.

На это лис, «если ты так со мною, то и меня узнаешь», – подумав, решил обмануть волка.

– Брат! Волк! Как же ты такой сильный не знаешь, как находить пузырь с салом? – говорит.

Волк:

– Если бы сам знал, зачем бы стал спрашивать у тебя? Если ты знаешь, расскажи толком, не расскажешь – я тебя съем! – говорит, пугая.

На это лис:

– Ну, тогда ты опусти свой хвост в эту реку, опустив, трое суток сиди, не вынимая из воды хвост. Вот тогда к твоему хвосту пристанет пузырь с салом и вытащится – так посоветовав, лис убежал, от волка.

А волк, опустив хвост в реку, просидел трое суток, а осенняя замерзающая вода сразу схватила его хвост – за одну ночь, схвати-

ло хвост льдом. А лис то и дело прибегал и, вдоволь насмеявшись, ушел. Волк примерз ко льду реки и сдох.

После этого лис снова пошел, куда глаза глядят. Так шел, шел, когда он шел, вдруг встретился ему один громадный медведь. Лис, испугавшись медведя, пустился бежать изо всех сил. А медведь побежал вдогонку, тут же настиг его и собрался съесть. Лис снова так испугался, что сузилась грудная клетка, укоротились его мысли.

– Дедушка! Ну, ну, подожди-послушай! Не ешь меня! Ешь вот это сало, – сказав, отвязал от хвоста пузырь с салом и быстро отдал. Это сало медведь схватил в пасть, смачно пожевал, проглотил мигом. Потом:

– Это ты откуда находишь такую вкусную еду? – спрашивает.

На это лис:

– Зачем я открою тебе свой секрет, – говорит.

Тогда медведь:

– Еще ты смеешь не говорить мне! – рявкнул и рассердился, собрался придушить лиса. А лис тоже не остался в долгу:

– Дедушка! Какой ты сердитый! Подожди-подожди, остановись! Страшно-страшно! С таким свирепым видом ты, наверно, никого не боишься! – говорит.

– Э, я боюсь только куликов. А ты кого боишься? – говоря, рявкает медведь.

Тогда лис:

– Я больше всего боюсь поперечноглазых⁷, – говорит.

А медведь:

– Фу, а я поперечноглазым только и питаюсь. Его-то я нисколько не боюсь. А когда ночью я иду, и из-под ног вылетает кулик, я очень его пугаюсь. А человека и не пугаюсь, и не боюсь, – говоря, медведь мотает своей большой головой. Тогда лис усаживается перед медведем:

– Дедушка, если ты так говоришь, мы договоримся так, поспорим: ты за трое суток накопи поперечноглазых в кучу с якутскую юрту, а я натаскаю куликов с эвенкийский утэн. Если ты

⁷ Поперечноглазый – фольклорный эпитет человека. Вероятно, от «эвунки, эвунки еначи» – поперечноглазый, происходит самоназвание народа – эвенки.

не натаскаешь поперечноглазых, я буду победителем, а если я не натаскаю куликов, ты меня победишь. Кто победит, тот съест побежденного и то, что он добыл, – говоря, лис подзадоривает медведя.

А медведь, сильно рассердившись, вскрикнул и обратился к лису:

– Если ты и вправду меня злишь, без всяких споров, я тебя тут же проглочу, – сказав, разинул пасть.

А лис продолжает его еще больше злить:

– Э, отчего ты такой несговорчивый, я говорю тебе все уладить добром, а ты сердишься. Ты сейчас съешь меня и какой от этого прок? А если выиграешь спор, неужели я не натаскаю куликов хотя бы с три четверти эвенкийского утэна, ведь та еда будет больше даже нескольких десятков лисьих тушек, – говорит этот лис.

Медведь, выслушав это:

– И правда, так будет лучше, – сказав, согласился.

А лис говорит:

– Ну, если я переспорю – я ем, проиграю в споре – быть мне съеденным, в доказательство такого уговора выцарапай когтями крест на этой лиственнице. Я тоже под твоим знаком оставлю знак, погрызу зубами, – говорит.

Медведь, выслушав это, “Ээк!” произнеся, царапнул крест-накрест, лис тоже под его отметиной царапнул клыком. Они твердо условились, лис пошел ловить куликов, а медведь пошел искать поперечноглазых.

Наступил срок, прошло трое суток. Ну, хорошо. Лис, прохотив трое суток, наловил куликов и сложил в кучу с утэн величиной. Через трое суток начал ждать медведя, не дождался. А медведь и не пришел, совсем не пришел. Лис понял, что с медведем не все ладно, и пошел по его следам. Идя по следу, дошел до тропы, по которой проехали поперечноглазые на своих многочисленных оленях. По следам увидел, что медведь во весь дух побежал вслед за укочевавшим поперечноглазым.

Лис:

– Оо! От поперечноглазых ничего доброго не увидишь, – думая, шел и шел по следам.

Медведь дошел до многочисленных оленей, олени испугались его и убежали к чумам. А там были храбрые охотники-эвенки. Они похватали свои ружья, копья, выстрелами из ружей, пронзив копьями, убили его, съели всего, распилили его ребра, схоронили череп на пне и укочевали.

Лис дошел до того места, разрыл настил, где оставили кости медведя, часть их погрыз, часть разбросал, поиздевавшись над черепом медведя, вернулся в то место, где оставил кучу куликов. Придя, обнаружил, что всю кучу куликов съели многочисленные зайцы.

Лис, увидев это:

– Ну, зайцы, я вас выслежу и съем самих, – думая, пошел по следу одного из зайцев. Когда шел, из-под упавшего дерева выскочил заяц и ускакал. Лис побежал вдогонку. Заяц побежал вниз к берегу реки, вприпрыжку побежал по льду только что замерзающей реки и юркнул на островок, там спрятался. Лис тоже попытался перебежать по замерзающему льду, но лед, выдержавший зайца, не смог выдержать лиса и он упал в воду. Из воды он кое-как вылез. Выбравшись из воды, начал ходить взад-вперед вдоль замерзающей реки, в это время вдруг приплыло очень много ленок и поплыли мимо.

Лис им:

– Оо, рыбы, как вас много! Так вас много, сколько же вас? – говорит.

Рыбы в ответ:

– Из, Сули-Сули, ты никогда не сосчитаешь нас, не узнаешь, сколько нас, если даже родишься несколько раз. Мы и сами не знаем, сколько нас, – говорят.

Лис:

– Вы думаете, так вас много, вы меня за дурачка принимаете что ли? Ничего ведь не бывает без счета. Я ваше количество и сейчас сосчитаю, для этого не надо второй раз родиться, – говоря, представляется обиженным.

Тогда приплывает один самый крупный ленок:

– А-а, откуда ты сможешь сосчитать, сколько нас, еще и обижаешься напрасно, обижайся не обижайся, все равно не сосчитаешь.

Если даже десять раз родишься, не считаешь, – говоря, начал спорить.

Лис разве уступит в таком споре:

– Ну-ка, если вы так спорите, встаньте рядом друг с другом поперек этой реки так, чтобы выступали из воды только ваши спинки, и стойте, не шевелясь, пока я кончу вас считать.

И рыбы:

– Ну, посмотрим, как ты считаешь, попробуем-ка мы встать, как ты просишь, – сказали и встали поперек замерзающей реки.

Когда они так встали, лис, ступая по спинам рыб: «Раз, два, раз, два!» – говоря, будто считает, делая вид, перешел на ту сторону реки и схватил одну рыбу за голову. Рыба начала вырываться, всплескивая хвостом воду. Остальные рыбы все уплыли. Лис съел одну рыбку, выследил следы зайца и по следам узнал, что заяц испугался плеска рыб и обратно перебежал через реку на другую сторону, снова убежал по льду, который не выдерживал лиса.

Лис снова оказался один на том островке. Находясь на островке, снова увидел проплывающих рыб, попробовал их подзвать, но кто теперь придет к нему на погибель! Проученные ни за что не подплыли, больше того, они, вильнув хвостами, уплыли подальше. Лис, попытавшись, потерпев поражение, на этом островке остался на ночь, провел и следующий день. За это время заяц убежал далеко. Лис, дождавшись, когда как следует окрепнет лед на реке, перебежал реку, нашел следы зайца и снова начал выслеживать. В ту ночь выпал очень глубокий снег. На следующий день зайцу стало трудно бегать. Тогда лис его догнал, удавил его, съел.

А потом пришел к тому месту, где оставил убитых куликов после спора с медведем, и начал жадно есть, выкапывая куликов из-под снега, думая, что оказывается, сюда никто не приходил. Начал бегать туда-сюда, вынюхивая, и, не заметив тетиву поставленного на него стариком самострела, попался на стрелу и, лежа при смерти:

– Все, кроме поперечноглазых, разные звери – сильные медведи, быстроногие волки, зайцы – все, оказывается, наивны. Волка убил, медведя тоже победил в споре, зайца, загнав в глубокий снег, тоже съел. А вот с поперечноглазым никому не сравниться,

никто не одолеет его. Не было ни его самого, не было и следов его, а вот он меня убил. И с этих пор впредь пусть никто с поперечноглазым не вступает в единоборство! – говоря так, испустил дух бедняжка, говорят.

ПРИМЕЧАНИЯ

Повествование о похождениях плута-лиса по имени Сули-сули записано самим Николаем Гермогеновичем Трофимовым в тетради, адресованной А.Н. Мыреевой в 1972 г. в пос. Кутана Алданского района Якутской АССР. Перевод А.Н. Мыреевой. Запись была сделана на латинице, в данном издании публикуется на практическом письме эвенков.

Сказка о хитрой лисе широко распространена у многих народов, у эвенков же плутом выступает лис, в облике молодого парнишки. Сюжет бытует у всех групп эвенков и имеет большое количество вариантов.

Отдельные сказки о плуте-лисе на эвенкийском и русском языках с похожими сюжетами были опубликованы в первом сборнике фольклора эвенков «Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору» 1936 г., С. 9-11; на русском языке в книгах «Эвенкийские народные сказки» 1960 г., С. 31-32, «Фольклор эвенков Прибайкалья» 1968 г., С. 25-26.

Данное повествование можно рассматривать как контаминацию сюжетов нескольких сказок о парне-лисе, которые могут существовать самостоятельно.

- *Сули* – уменьшительно-звательная форма от *сулаки* – «лис, лиса» (в эвенкийском языке нет грамматических категорий мужского, женского и среднего родов, как в русском, однако существуют специальные суффиксы, указывающие на принадлежность к классу мужчин и женщин). В данном случае слово *Сули* употреблено как имя собственное.

- *грудная клетка его сузилась, мысли укоротились* – в тексте: *кэңтырэн тыелдэн, дялин урумудэн* – постоянная формула, обозначающая сильный страх. Обычно встречается в эпосе. В данную сказку попала потому, что она записана известным эвенкийским сказителем-исполнителем нимнгаканов.

Варламова Г.И.

Особенности бытования эвенкийского фольклора в советском пространстве (30-60 гг. XX в.)

До начала 30-х годов эвенки вели традиционный образ жизни, их культура (как материальная, так и духовная) существовала в привычных жизненных условиях кочевого быта, мало подвергаясь влиянию извне. На бытование фольклора серьезно не влияли внешние политические обстоятельства, развернувшиеся к тому времени в России – эвенки жили, как и ранее, фольклор функционировал согласно сложившимся традициям, отвечающим родовому обществу эвенков. Но в начале 30-х годов все изменилось, и именно этот период в жизни эвенков с точки зрения влияния на их общую культуру (и фольклор в частности) новых условий жизни следует описать подробнее. Это был очень сложный период в истории эвенков, так как это было время громадной общественной перестройки быта и хозяйствования. Это было время перемены многовековых мировоззренческих основ, нового восприятия мира, требовавшего другого взгляда на свое место в новом мире самими эвенками.

В 30-е годы XX столетия началась коллективизация и преодоление поголовной неграмотности среди эвенкийского населения. Еще в 20-х гг. были созданы хозяйственные объединения-артели, в 30-х гг. начали организовываться первые эвенкийские колхозы. Создавались кочевые школы и ликбезы для взрослых. Организовывались интернаты, где дети эвенков начинали учиться. В начале 30-х годов многие эвенки были отправлены в Ленинград, где был организован Институт народов Севера. Создавалась эвенкийская письменность, начали издаваться первые учебные пособия и учебники по эвенкийскому языку. В это же время началось изучение языков и фольклора народов Севера. Из первых посланцев в г. Ленинград вышли первые поэты и писатели из эвенков. Это был очень важный период, когда эвенки вливались в государственную систему хозяйствования и культурную российскую среду того времени. И следует отметить, что эвенки с достоинством осваивали путь вхождения своего древнего сообщества с родовыми

отношениями в общую государственную структуру того времени. Вот что писал в 1936 г. по этому поводу редактор первого сборника эвенкийского фольклора Я.П. Алькор: «Для многих читателей, возможно, покажется странным само упоминание об эвенкийской (тунгусской) литературе и литераторах. Но эвенкийская литература и литераторы – уже реальность. В условиях строительства национальных культур и огромной помощи всей советской страны Северу в течение 1931-1934 гг. создана начальная учебная и массовая литература, издан ряд переводных и оригинальных художественных произведений, обеспечен регулярный выход газет и т.д. на пятнадцати языках Севера, в том числе и эвенкийском, который идет впереди остальных по размаху развития своей литературы» [8, С. 5].

Период активного вхождения эвенков в государственное и культурное пространства новой России продолжался вплоть до Великой Отечественной войны. За это время эвенки обрели письменность, полная безграмотность населения была почти преодолена, и эвенки действительно влились в общую семью народов СССР, совершив для себя культурную революцию.

Но такой сложный процесс не мог проходить без определенных потерь. Люди родового общества, имеющие свою национальную духовную жизнь, свои древние традиции и образ жизни должны были за короткий период начать жить уже по новым законам. Если хозяйственный уклад был все-таки благополучно вписан в новые условия труда, то с культурными ценностями и духовной культурой дело было гораздо сложнее. Воинствующий атеизм, охвативший всю страну Советов, сыграл для эвенкийской культуры свою отрицательную роль.

Борьба с «пережитками прошлого» принимала иногда гипертрофированные формы. Все шаманы объявлялись если не врагами народа, то «колеблющимися или несознательными, ненадежными» членами общества. Политическая государственная установка на лишение их авторитета в этнической среде также впоследствии сыграла отрицательную роль, т.к. многие из шаманов являлись прекрасными исполнителями эвенкийского фольклора, и героического эпоса, в частности. Древний, архаичный

и сложный для понимания людьми иной культуры эвенкийский фольклор подвергся мощному натиску новой культуры и новых ценностей. Теперь следовало петь новые песни, сочинять новые сказки, т.к. традиционный фольклор, основанный на древних воззрениях, считался во многом ненужным придатком отсталой культуры. Большая часть молодежи, воспринявшая с восторгом новые условия жизни, освоив азы грамотности, также начинала считать свой фольклор одним из пережитков прошлого. Обратимся к предисловию первого сборника эвенкийского фольклора, изданного в 1936 г., где найдем отголоски того времени. Сборник составлен Г.М. Василевич из своих полевых записей эвенкийского фольклора, а также всего, что было уже собрано по фольклору эвенков к тому времени.

Новый взгляд на свой древний фольклор, мало вписывающийся в новое видение мира, его отрицание и определенное неприятие самими эвенками молодого поколения тех времен отражен в предисловии, данном Г.М. Василевич: «В районах оседлых эвенков отношение к сказке иное. В то время как в глухой тайге мифы и сказки, охватывающие моменты, связанные с мировоззрением и рисующие идеал человека-охотника, до развертывания работ школ отвечали молодежи на многие вопросы и имели большое значение, здесь очень давно появилось другое отношение. Для этих мест характерны следующие реплики: «врешь, лисица не может говорить», «медведь ведь зверь, он не может говорить, однако наврал», «это так, зря, люди не могут друг друга есть» и т.д. В таких районах мы уже не встречаем сказок, характеризующих мировоззрение и мифологию» [8, С. 2].

В связи с новым отношением к своему фольклору сразу возникла и проблема его активного бытования в своей среде, о чем уже пишется в этом же сборнике: «В настоящее время можно отметить постепенное и повсеместное угасание эвенкийской сказки, мифов и преданий. Все реже и реже встречаются эвенки, знающие свои предания и сказки. Наиболее развернутые, законченные сюжетно мифы, сказки, предания можно встретить сейчас только в отдаленных уголках тайги, мало затронутых влиянием культуры» [там же, С. 2]. Но, несмотря на все сложности своего

бытования в новых условиях жизни, фольклор эвенков продолжал существовать и функционировать.

Г.М. Василевич, как нам кажется, в силу политических установок нового периода вынуждена была писать следующие строки: «Еще не так давно фольклор у эвенков в основной своей части являлся выражением определенного мировоззрения, верований и представлений. В настоящее время роль его меняется. Широко развернувшееся социалистическое строительство на крайнем Севере быстро ломает старые патриархально-родовые отношения, меняет психику и мировоззрение народов Севера, что находит свое отражение и на современном фольклоре» [там же].

Наступившее время преобразований действительно жестко ломало древние устои и человеческие ценности прошлого. С одной стороны положительный результат преобразований никак нельзя отрицать и видеть лишь отрицательные стороны того времени, повлиявшие негативно на бытование эвенкийского фольклора. Но реальные жизненные преобразования в жизни народов Севера, приобщение их к общечеловеческой культуре происходило гораздо сложнее, где имели место и хорошее и плохое. В этом сборнике (в предисловии) Г.М. Василевич пишет: «Отмечая отрицательное значение сказки как воспитателя анимистического мировоззрения, отмирающего естественным путем с введением школ и культурно-просветительной работы, мы одновременно должны отметить положительную сторону влияния сказки как воспитателя речи. ...Значение сказки как воспитателя речи могло бы оказать ценную услугу в развитии речи и литературы» [там же].

Первому ученому, исследовавшему язык и фольклор эвенков в то время пришлось взять на себя доступную для того времени роль защитника эвенкийского фольклора: «Положительное влияние фольклора особенно заметно на воспитанниках Института народов Севера: те из них, которые слышали в детстве сказки, пишут сочинения на вольные темы на родном языке значительно красочнее и подробнее, чем те, которые никогда не слыхали сказок; последним нужно было вложить много труда, чтобы написать хотя бы более или менее связный рассказ» [там же].

Часть эвенкийского общества того времени с энтузиазмом

стремилась приспособиться к новой жизни, с радостью внедряла в практическую жизнь новые правила и устои. Об этом свидетельствуют строки из кратких характеристик исполнителей произведений, опубликованных в первом сборнике эвенкийского фольклора: «Здесь я привожу краткие характеристики некоторых сказочников, с которыми мне пришлось иметь дело в тайге. Шомирча Кима, 26 л., р. Чиромбу-Сым. Середняк. Человек с крайне повышенной нервностью, с исключительно острой памятью и восприимчивостью. Имел в роду шаманов: прабабку, деда, двоюродного брата (умерших) и дядю. Детство прожил с прабабкой, большой шаманкой. Один из первых воспринял все новое. Среди эвенков пользовался большим уважением и играл не малую общественную роль. Сравнительно хорошо говорил по-русски. Во время рассказывания сильно увлекался и рассказ сопровождал исключительной мимикой» [там же, С. 3];

Другая половина эвенков относилась ко всему настороженно, но, все же, принимала новый жизненный путь. Реальных врагов новой жизни в среде эвенков практически не было, они были больше «созданы» позже по несправедливым наветам.

Эвенкийские сказители в период, когда была объявлена война шаманизму и предрассудкам, как явлению отсталого первобытного общества, пострадали не меньше шаманов по многим причинам. Во-первых, в силу существовавших традиций эвенкийского родового общества совмещение функции шамана и одновременно сказителя эпоса было распространенным явлением. И народные термины, обозначающие слова «шаман» и «сказитель эпоса» почти совпадали: нимнгалан и нимнгакалан. Существовала также традиция, когда каждый шаман после окончания камлания должен был обязательно рассказывать что-то из фольклора эвенков: мифы, петь сказание, сказки либо предания. Эта традиция сохранилась и до наших дней. Известная в Якутии шаманка из п. Иенгра Матрена Петровна Курбельтинова, в 1985 г., закончив камлание, передохнув и подкрепившись, все оставшееся время (вплоть до нашего отъезда из оленеводческого стада) рассказывала нам и мифы, и сказки, и предания, включая и просто устные рассказы о жизни эвенков. Мы посещали ее

несколько раз, несколько раз она камлала в честь приезда ученых-эвенкиек.

Древняя связь эпоса с шаманством определена у эвенков самим термином. Термин нимнган имел и имеет два значения: «сказание» и «камлание», он был распространен во всех тунгусо-маньчжурских языках. Знатоки и исполнители эпических произведений эвенков называли героические сказания не просто нимнгакан, а определяли их сложным термином – нимнгакама нимнгакан, что дословно и буквально переводится как «шаманящийся нимнгакан». Этот народный термин наиболее точно и емко отражает характеристику героических сказаний эвенков, подчеркивая связь с традициями шаманизма. Во-вторых, одной из важных черт и свойств героического эпоса эвенков являлась его ритуальность: сказания исполнялись по важным событиям, сказаниям приписывалась очистительная магическая сила (их исполняли при эпидемиях, чтоб болезнь ушла) и многое другое. Исполнение героических сказаний могло иметь функции шаманского камлания, т.е. в отдельных случаях заменять его по цели и назначению. В начале 20-го века у эвенков бытовало сочетание функции эпического сказителя и шамана. С.М. Широкогоров, лично бывавший на свадьбах оленных и конных забайкальских эвенков, отметил весьма интересный и примечательный факт, о котором говорит и Г.М. Василевич: «Если в свадебном обряде принимал участие шаман, то он, попробовав угощения, начинал петь не как шаман, а как сказитель» [1, С. 164]. В-третьих, форма исполнения и предварительная подготовка к слушанию сказания весьма напоминала подготовку к шаманскому камланию. Так же, как и при проведении шаманского камлания, сказителю подпевали слушатели эпоса, вставляя свои реплики. А сказитель эпоса не просто пел и рассказывал речитативом, он имитировал движения персонажей-животных, пел за героев эпоса (как шаман от лица своих духов-помощников). Форма исполнения героического сказания во многих чертах для непросвещенного взгляда и восприятия со стороны совпадала с проведением шаманского камлания. Так же, как и при камлании шамана, люди приезжали издалека, собирались в назначенный день в определенном месте, чтобы послушать

известного сказителя. Иногда даже, как и для большого камлания, строился специальный большой чум. Сказитель садился на особый коврик на священное место в жилище – малу (прямо напротив входа, за очагом). Сказители не имели специального наряда (как шаманы), но и они обязаны были большую часть времени исполнения сказания сидеть с накинутым на голову платком, как делали это эвенкийские шаманы определенного статуса и иерархии. Сказание велось, как и камлание, при горящем, но немного притушенном огне очага, куда время от времени, соответственно сюжету сказания, подкладывались дрова. Слушатели не были пассивны, они в определенных местах подпевали сказителю хором, выкрикивали и высказывали свои реплики и т.д.

Для непросвещенного участника внешне слушание сказания коллективом эвенков и манера повествования сказителя были мало отличимы от того, что называлось камланием. Запрет партийного руководства на проведение камланий в общей массе эвенков прилюдно не нарушался. К тому времени из числа эвенков, хоть немного освоивших грамоту, многих принимали в Коммунистическую партию. И они честно и свято, искренне веря в идеалы коммунизма, также как и присланные просвещать эвенков другие люди, начинали рьяно исполнять партийные поручения. Сами же отдельные эвенки докладывали выше о тех, кто не хотел забывать свои «предрассудки», связанные с шаманизмом и традиционной духовной культурой.

Черты, сближающие два различных пласта культуры эвенков (эпос и шаманское камлание) для людей, направленных приобщать эвенков к новой жизни, были малопонятны и почти неразличимы. Таким образом, слушание и исполнение сказаний воспринималось как проявление шаманизма, с которым следовало бороться. Эвенки того времени, получившие только первые навыки грамотности и делающие первые шаги к приобщению новой культуры, не могли внятно объяснить, что это явления разного уровня и пластов эвенкийской культуры. И тем более не могли противостоять тому, что многих сказителей эпоса подвергли тем или иным репрессиям наряду с шаманами. В связи с этим прилюдное и широкое исполнение героического эпоса эвенками

было прекращено, и как следствие – героический эпос не стал пропагандироваться как необходимая часть культурного наследия эвенков. С позиций нашего времени, уровня развития нашего общества и науки, конечно, несложно анализировать и осмыслять время ушедшей эпохи, видеть положительное и отрицательное, что произошло в жизни эвенков. Но в ту пору нелегко было отделить зерна от плевел. И судьба эвенкийского эпоса, т.е. периоды его бытования в различные годы советского периода, весьма не проста и во многом зависела от общественно-политической жизни всей большой страны.

Несмотря на все издержки культурной революции в среде эвенков, до Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. героические сказания все-таки продолжали бытовать в своей родной среде.

Период 40-х годов XX в.

Каждое десятилетие (начиная с 30-х годов) новой жизни в советском пространстве оставило свой след для эвенкийского фольклора, 40-годы прошлого столетия оказались наименее отрицательными по воздействию на эвенкийский фольклор. Начало Великой Отечественной войны отодвинуло на второй план борьбу с «предрассудками и пережитками прошлого» в жизни эвенков. С началом первых призывов на фронт, исполнение героического эпоса вспыхнуло на короткое время благодаря его функциональности. Об этом нам рассказывали в 70-90 гг. многие мужчины-эвенки, вернувшиеся с фронта живыми. В то время еще здравствовали многие эвенки-фронтовики, от которых во время фольклорно-лингвистических экспедиций нам удалось записать немало фольклорных произведений различных жанров. Многие рассказывали нам о том, что перед «дальней дорогой на фронт» их благословлял в путь сказитель исполнением-пением героических сказаний нимнгакама нимнгакан. Иных в далекий путь благословлял шаман, камлая перед уходом на фронт. Это достоверные сведения, полученные нами как от самих исполнителей эпоса, прошедших войну, так и от других фронтовиков-эвенков. Таким образом, жизненная практика показывает, что и в 40-е годы прошлого столетия героический эпос эвенков имел сакральную

функцию и использовался как ритуал проводов на битву-войну и мог замещать-заменять камлание шамана.

Многие эвенки, освобожденные от воинской обязанности, уходили на фронт по местному призыву. К примеру, в Каларском районе Читинской области накануне ВОВ было «659 чистокровных эвенков и 215 таких же чистокровных якутов (которых тоже зачисляли в строку «коренные жители»). Местная история ни до, ни после не знает более высокой демографии, которой тоже пришлось встать под ружье» [9, С. 53].

Таким образом, эвенкийские нимцакаланы продолжали традицию совмещения функций сказителей эпического наследия с функцией народных лекарей и исполнителей обрядов, которые они могли осуществлять наряду с шаманами.

К началу эпохи социалистического строительства эвенкийский эпос отделился и самоопределился от шаманского камлания в пользу слова и сформировался как фольклорный жанр, как один из видов культурного наследия эвенков. Но исполнение эпоса и его форма (пение и речитатив, устная речь и пение; а также и исполнение всех ролей одним лицом) имели теснейшую связь с традициями шаманского камлания. Единая форма хоровой поддержки при камлании и активной роли слушателей при исполнении эвенкийского эпоса, как и при камлании, внешне воспринималось как одно и то же явление эвенкийской культуры. Исполнитель эпоса был подобен шаману в том, что он при исполнении сказания в своем воображении так же свободно путешествует по мирам, достигая Верхнего мира, опускаясь в Нижний мир. Слушатели эпоса часто подпевали, как делается это при шаманском камлании – то есть и у сказителя был хор поддержки. И пение это называлось и называется одним и тем же термином – дяритта (букв.: вторить пропетому), термин связан именно с шаманским пением, шаманской песней дярин/дяр. Помощники-люди, помогающие шаману камлать, следят за нитью развития сюжета камлания и даже контролируют действия шамана, слушая его речь. То же происходит и при исполнении эпоса.

Шаманское камлание сочетает в себе прозаическую речь и поющие монологи, как и в эпосе. Каждый шаман имеет свой

личный запев, по которому определяют, что поет именно он. Духи-помощники тоже имеют свои песенные запевы, по которым присутствующие на камлании определяют, кто из духов-помощников пришел на помощь шаману. Каждый значительный персонаж эпоса, не говоря о главном герое, также имеет свой запев-икэвкэ, у эвенков в эпосе никогда не повторяется ни один запев – у каждого героя свой, личный.

Совпадает во многом также и общая манера исполнения сказителем эпоса с исполнением шаманского сеанса. Сказитель, повествуя о подвигах эвенкийского богатыря, подражал голосам зверей (это древние монологи-пение персонажей-животных, берущих свое происхождение от «их голоса», т.е. звукоподражание «речи животного»), имитировал их движения, подобно тому, как шаман при вселении в него духов, также различными средствами изображал то медведя, то других духов зверей и птиц. Таким образом, можно сказать, что песенные монологи с личными запевными словами могли быть привнесены в эвенкийский эпос, когда еще функции шамана и исполнителя эпоса сочетались в одном лице. Традиции песенных монологов, когда каждый персонаж-дух шаманского камлания имеет свой запев, маркирующий именно определенного духа-героя, были перенесены в эпос эвенков.

Условия бытования эвенкийского фольклора в 50-60-х гг. XX в.

Общую характеристику обстановки жизни эвенков в указанный период можно найти в статьях М.Г. Воскобойникова: «На примере небольшого племени – эвенков Бурятии – можно увидеть непрерывный расцвет культуры и развитие экономики всех малых народов Сибири и Дальнего Востока. С каждым годом из среды коренных северян растут кадры интеллигенции. Партия и Советское правительство делают все возможное, чтобы ранее забытые и угнетенные народности Севера поднять до уровня всех других народов СССР в развитии экономики и культуры» [3, С. 107].

Влияние новых условий жизни и некоторая переоценка своего фольклора ощущается по статьям М.Г. Воскобойникова, когда он пишет:

– «Процесс формирования фольклора отражает культурное и экономическое развитие народа» [4, С. 18];

– Исчезают такие жанры, как шаманские песнопения, заговоры и т.д.);

– Но появляются новые виды, например, поговорки, пословицы, сказки, песни, в которых находит отражение новая действительность. Большое влияние на создание новых произведений эвенкийского фольклора оказывает печать, радио, кино и литература» [там же].

Но, как нам кажется, М.Г. Воскобойников в некотором смысле «торопил» процессы, влиявшие на эвенкийский фольклор, выдавая «желаемое за действительное»:

– «Почти у всех эвенков-сказителей, а также слушателей исчезли в основном анимистические воззрения, которые собиратели фольклора могли наблюдать лет тридцать назад. Это является исключительно важным моментом, особенно при классификации фольклорных жанров. Если в дореволюционные годы можно было зафиксировать распространение у эвенков мифов, то в настоящее время мифы как жанр уже исчезли, сохранились лишь в виде отголосков в сказках, героическом эпосе и эпических сказаниях» [там же, С. 18];

– «Еще и в годы в сказках народностей Севера встречались антишаманские мотивы, но в позднейших записях они значительно сильнее. В сказке «Нирхушка-Емерген» герой бьет шамана тальниковыми прутьями за грубый обман».

Фольклорная ситуация и в 60-е годы 20 в. так же являлась критической и переломной для традиционного фольклора эвенков, судя по характеристике того времени в трудах М.Г. Воскобойникова: «Если исчезают некоторые традиционные жанры фольклора, например, шаманские песнопения, заговоры, этнографические приметы (поговорки), основанные на суеверии, мифы, космогонические предания, то такие жанры, как сказка, предания, песня получают более широкое распространение» [там же, С. 15]. Однако, М.Г. Воскобойников в 60-е годы отмечал и факты, свидетельствующие о живом бытовании и сохранении эвенками своего фольклора в указанный период: «Исключительно серьезно

относятся сказители и слушатели к эпическим сказаниям и эпическим песням»; «По сохранившейся традиции для исполнения эпоса должен быть какой-то повод и соответствующие условия. Если сказки, предания могут рассказываться и одним сказителем, то эпос исполняется коллективно. Припевы в эпосе поются сперва исполнителем, а затем уже всеми присутствующими» [там же].

Время 60-х годов в сибирской фольклористике было плодотворным в научных исследованиях, этот процесс отражен в статье Л.Е. Элиасова «Сибирская фольклористика и ее задачи» [13].

Тенденции отношения к эвенкийскому эпосу, о которых мы говорили выше, отмечены в тот период Л.Е. Элиасовым и по отношению к эпосу других сибирских народов: «Изучение эпоса до 1953 г. проходило в очень сложных условиях. ...Некоторые ученые и представители интеллигенции проявляли нигилистическое отношение к эпосу» [там же, С. 41]. Следует пояснить мысль Л.Е. Элиасова: герои тюрко-монгольского эпоса часто являются богатырями, становящимися ханами, либо являются ханами по рождению. Поэтому в 30-е годы 20 в определенной среде фольклористов существовало мнение, что «в сказаниях отражается жизнь господствующего класса, что произведения эпоса насыщены мотивами антинародного характера» [там же].

В 50-е годы процесс сбора и публикаций фольклорных произведений эвенков начинают иметь другую негативную сторону – наступает период, когда собранные фольклорные произведения начинают печататься в общей советской литературе в виде сборников сказок, подвергаясь обработке, соответствующей тому времени. Часто создавались новые сказки на «злобу дня» – о шаманах-обманщиках, купцах-эксплуататорах эвенков. Многие североведы стали выделять новый вид северной сказки, как новый жанр фольклора. В учебном пособии М.Г. Воскобойникова отведен специальный раздел – «Новая сказка – омакта нимнгакан» [4, С. 162-171]. Попытки создать новый фольклор проявлялись и в самой среде народов Севера: «Новая сказка бытует или зарождается всюду в районах Севера. Такие сказки записали у чукчей П.Я. Скорик, Л.В. Беликов, у удэгейцев – Б.А. Шестакова, у ненцев – Н.М. Терещенко, у эвенков – И.И. Суворов, М.Л. Пинегина и другие»

[там же, С. 162]. Характеризуя «новую сказку», М.Г. Воскобойников отмечает следующее: «это «сказка с новым содержанием и новой идеологией»; «любимый герой таких сказок – В.И. Ленин».

В период 50-х годов существовала та же недооценка своего фольклора образованными эвенками, имелись попытки создать новые сказки, которым даже был подобран термин – омакта нимнгакан (только что созданная сказка). Отсюда – невнимание к традиционному, истинному эвенкийскому фольклору и непонимание его ценности. Время настоящих исполнителей и мастеров уходило, а передача фольклорной традиции на необходимом уровне терялась по причине всего вышеуказанного. Прилюдное исполнение эпоса при большом количестве съезжавшихся для этого людей, почти ушло к этому времени. Но, все же, оставались носители и талантливые исполнители и эпоса, и сказок, которые хранили их в своей душе и исполняли в узком кругу заинтересованных эвенков. Попытки немногочисленной эвенкийской интеллигенции и редких исполнителей осовременить свой фольклор к концу 60-х годов как-то сами собой сошли на нет. Новая эвенкийская сказка (по определению М.Г. Воскобойникова «омакта нимнгакан») в своей основе не прижилась.

Положительной чертой бытования эвенкийского фольклора в 50-60 годы являлось то, что все «новации» почти не касались репертуара исполнителей, которые овладели грамотой лишь на уровне ликбеза (а многие из носителей фольклора вплоть до 70-х годов не умели писать и читать, умея лишь расписываться). Такие сказители не были знакомы с образцами фольклора русского и других народов, поэтому не вносили новаций в свой древний репертуар, исполняя его так, как он был перенят ими в свое время. К 70-м годам 20 в. тенденция нововведений в традиционный фольклор эвенков, по нашим наблюдениям, практически угасла совсем.

Подводя итог, следует подчеркнуть следующие моменты:

- эвенкийский фольклор был продуктом своей древней эпохи,
- своеобразие эвенкийского эпоса в плане сходства общих традиций и связей с шаманизмом повлияли на степень его бытования в новых жизненных условиях;
- новации 50-60 годов не повлияли в корне на традиции и осо-

бенности эвенкийского фольклора.

Учитывая всю сложность вхождения культуры эвенков в общесоветское пространство, приходится лишь удивляться тому, что эвенки донесли свои героические сказания до нашего времени. Сложную судьбу эвенкийского эпоса пришлось пройти и многим его исполнителям и носителям своего устного фольклорного наследия.

Литература:

1. Василевич Г.М. Эвенки. – Л., 1969.
2. Варламова Г.И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. – Новосибирск, 2002.
3. Воскобойников М.Г. Эвенки северной Бурятии // Этнографический сборник. Выпуск 1. Академия наук СССР, Сибирское отделение, Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. Бурятское книжное издательство. – Улан-Удэ, 1960.
4. Воскобойников М.Г. Эвенкийский фольклор. – Л., 1960.
5. Жирмунский В.М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. – М., 1960.
6. Кэптукэ Г. Двуногий да поперечноглазый черноголовый человек-эвенк и его земля Дулин Буга (Дюр халгалкан, эвуньки ехалкан, коңнорин дылилкан эвэнки-бэе тадук балдыдяк бугалкан Дунин Дуннэцин). – Якутск, 1991.
7. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. – Л., 1966.
8. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. – Л., 1936.
9. Снегур А. Таёжный призыв // В книге «И пусть поколения знают...». – Чита: Экспресс-издательство, 2005.
10. Сказания восточных эвенков. – Якутск, 2004.
11. Фольклор эвенков Якутии. – Л., 1971.
12. Эвенкийские героические сказания. – Новосибирск, 1990.
13. Элиасов Л.Е. Сибирская фольклористика и ее задачи. // Фольклор народов Сибири. Академия наук СССР, Сибирское отделение, Бурятский комплексный научно-исследовательский институт. – Улан-Удэ, 1965.

Яковлева М.П.

Эвенки рода Бута

Род Бута расселен по большой территории Амурской области, юга Якутии, севера Хабаровского края и о. Сахалин. Впервые данный род упоминается в письменных источниках XVII века, в которых отмечается на средней части реки Алдан. В середине XIX в. среди удских эвенков, по рекам Бурее и Селемдже, на Сахалине и около Аяна, а в 50-е гг. XX в. – по притокам Алдана (Учур, Алгома), по Алдану ниже Учюра, на р. Уде и в районе Аяна [13, С. 80].

В Якутии род Бута до начала крещения эвенков уже делился на две группы: алданскую и учурскую. В период крещения представители Бута расселились по речной системе Учюра, образовав некоторые ответвления. Имена большинства родоначальников превратились со временем в русские фамилии [1, С. 5]. В роду учурских Бута были и якуты. Например, из рассказов старшего поколения эвенков Иенгры (Южная Якутия) выясняется, что от имени якута Колэ пошло поколение Колесовых, занимавших территорию по средней части Учюра к западу, включая верхнюю часть системы Худума (приток Алгомы). Другой – Наум из этого же рода после крещения занял территорию верхней части Алгомы и Нуями (приток Сутама) и дал поколение Наумовым. Один из потомков Бута занял территорию по нижней части Алгомы и дал начало поколению Пудовых. Они были расселены по Алгоме и Учюру. Трофим занял территорию от Аима к югу до Маймакана (система Алдана) и дал начало поколению Трофимовых [7, С. 32].

Этнограф В.А. Туголуков в своей работе пишет, что в середине XVII в. бутальцы являлись главными плательщиками ясака в Бутальском остроге на Алдане [9, С. 19]. Бутальский острог находился на Алдане примерно в 100 км выше устья Май [там же, С. 9]. Русские свидетели сообщают о наличии у них двух ветвей рода – тунгусской и якутской. Бутальцы-тунгусы в 1655-1656 гг. насчитывали 11-13 ясачных плательщиков, а бутальцы-якуты – 15-16 [там же, С. 20]. Позднее сведения о бутальцах-якутах исчезают, что, вероятно, свидетельствует об их поглощении тунгусами. С конца XVII в. бутальцы начали переселяться в восточную часть

региона, двигаясь вверх по р. Учур. При этом им, по преданию, пришлось преодолеть сопротивление неких «чукчагиров». Битва с последними произошла у оз. Бокон в верховьях р. Уд. Когда бутальцы одолели врагов, их вождь будто бы сказал сородичам: «Идите куда хотите!». Поэтому бутальцы разбрелись по большому пространству Восточной Сибири. Официальное появление бутальцев в районе Удского острога относится к началу 40-х годов XVIII в. [там же].

Для выяснения этимологии слова бута, обратимся к материалам «Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков». Составители указывают связь слова бута с семантическим значением корня-основы в письменном монгольском со значением «закрытый – замкнутый»; в бурятском – «закрытый». В языке южных тунгусов буктасал / бутасал имеют значение «осколки, обломки». В указанном словаре также имеется слово буту/бутум, означающее в эвенкийском языке «горсть» [8, С. 116]. Гнездовая основа *бут в эвенкийском языке, а также и в других тунгусо-маньчжурских языках (орочском, негидальском, удэгейском, нанайском) имеет значения «ломать, откалывать, отламывать», а в письменном-монгольском buta имеет значение «вдребезги»; butara – «разбиваться, раздробляться». В эвенкийско-русском словаре А.Н. Мыреевой отмечается, что эвенки из рода Бута говорили по-другому [5, С. 113].

Таким образом, можно признать возможным, что «отколовшаяся» небольшая группа древнемонгольского племени, вступив в постоянные, близкие родственные отношения с тунгусами, в результате взаимных браков и явилась основой формирования рода Бута. Все сюжеты сказаний нимнгакаланов из рода Бута повествуют о взаимобрачных отношениях с некой группой древних монголоидов. Известные сказители братья Трофимовы свой репертуар усвоили от амурского эвенка (Семена Заболоцкого) – жителя территории, где, вероятно, и был очаг формирования рода Бута – Приамурье.

О происхождении рода Бута, к сожалению, никто из этнографов не писал, рассказов-преданий о происхождении данного рода также не опубликовано. Только В.А. Туголуков в работе «Эвенки восточной Сибири и Дальнего Востока» выдвигает собствен-

ную версию о происхождении рода Бута: «Немногочисленная группа якутов-бетунцев, уклоняясь от уплаты ясака, еще в первой половине XVII в. перешла на среднее течение Алдана и там подверглась частичному отунгушению. Коренными обитателями тамошних мест были эвенки-лалигиры, которых, по-видимому, и следует считать основными контрагентами якутов-бетунцев при формировании рода Бута» [9, С. 20]. Он обосновывает свою версию преданием, которое записано им от майского бутальца И.Г. Сотова. Сюжет этого предания таков: Род Бута и еще одна группа эвенков совместно осваивали район Малого Хинганского хребта на левобережье Амура. Однажды обе группы договорились, как обычно, о встрече и разошлись по разным местам для охоты. Однако на место встречи пришла только одна группа (бутальцы), другая же по какой-то причине задержалась. Отправившись снова на охоту, бутальцы поставили стрелку – указатель своего пути, но ветер повернул его на правый берег Амура. Туда и ушла, переправившись через реку, вторая группа эвенков. С тех пор они живут в Китае, где их называют бирарами [там же, С. 47]. В.А. Туголуков далее подытоживает, что бирары были уведены маньчжурами на правобережье Амура в то время, когда бутальцев в Приамурье еще практически не было. Поэтому речь в упомянутом предании должна идти скорее не о бутальцах, а о лалигирах, которые еще до прихода русских хорошо знали дорогу к Амуру [там же, С. 20].

В сборнике «Фольклор эвенков Якутии» опубликован рассказ этнографического содержания от Логинова (Монго) Михаила Васильевича, где повествуется о том, что род Бута существовал до Лалигиров и был более развит в производственно-хозяйственном отношении по сравнению с ними: «В прошлые времена, Лалигиры шли вслед за Буталами. Кочуя, Лалигиры добрались до покинутой ночевки Бута. На этой стоянке Лалигиры увидели распиленные чурки и очень удивились ровной форме спила чурок – в то время Лалигиры не знали пилы. Мужчины из рода Лалигир пробовали срубить дерево так же ровненько пальмой, но ничего не вышло. Тогда они опять отправились по следам Бута. Опять добрались до покинутой стоянки Бута. На этом месте стоял лабаз Бута, заглянули внутрь, а там было много сухих сухожилий. Лалигиры

подожгли лабаз. Лабаз загорелся с таким треском, словно выстрел раздался из ружья. Лалигиры сильно перепугались. Старейший из них сказал: Пойдемте-ка отсюда дальше, в другую сторону. Не будем им показываться! Ведь это опасные люди» [10, С. 94].

Сюжет эвенкийских преданий, где определенный род, ориентируясь на оставленные указатели-илкэн, кочует по следам ушедшей вперед группы, распространен у многих групп восточных эвенков. Природные условия (ветер, снег, пурга, либо звери) меняют направление указателя-илкэна, вследствие чего вторая (третья) группа уходит совсем в другую сторону и, таким образом, совершенно отделяется от основной группы. Сюжет таких преданий всегда одинаков, меняется лишь название рода. Это один из ключевых сюжетов исторических преданий эвенков об их миграциях. Илкэн – метка, указатель пути движения, кочевья. Они бывают разного типа: зарубки на деревьях, палки, стрелы, ветки и мох [3, С. 309].

Варианты преданий с таким мотивом опубликованы в работе С.И. Николаева «Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии». В одном из преданий старик с восьмью сыновьями прибывает на новое место. Трех сыновей старик прежде отправил вниз по Лене на поиски хороших земель. Дойдя до устья Алдана реки, те оставили знак из веточки, воткнутый в зарубок на стволе дерева. Поднявшаяся вода переменяла направление стрелки. В итоге, разделившись на три группы, эвенки теряют друг друга, и обосновывают три отдельных рода [6, С. 182]. Содержание другого предания следующее: Старик Оросин отправляется разведать новые земли. На берегу реки втыкает высокую палку, к которой прикреплено поперек птичье крыло как указатель кочевания. Впоследствии ветер поворачивает его в другую сторону, и сородичи пошли по неверному пути. Таким образом, сородичи Оросина основали род под названием «Кос Алдан» («бродячие Алданцы»). Старик Оросин стал родоначальником Эжанского рода» [там же, С. 179].

На наш взгляд, предположение В.А. Туголукова о возникновении рода Бута в результате отпочковывания от рода Лалигир, является ошибочным. Исследователи, записывавшие сведения о роде Бута, пока не смогли выдвинуть доказательную теорию о

происхождения рода, а также и не смогли ничего сказать и об этимологии самоназвания рода – Бута.

Территория проживания рода Бута такова: в западной Сибири они не отмечены, территория их расселения охватывает нынешний район Амурской области (бассейны рек Зеи и Селемджи), юг Якутии (Алдан, Учур), а так же районы Хабаровского края и о. Сахалин. Территориальное расселение Бута подтверждает мысль Г.М. Василевич о том, что забайкальско-амурская группа эвенков развивалась во взаимодействии со скотоводческими племенами [2, С. 159]. Антрополог Н.Н. Чебоксаров считал, что коренное население советского Дальнего Востока почти полностью принадлежит к континентальным монголоидам. Его вывод соотносим с этногенезом большинства народов Приамурья, Приморья, Сахалина, Камчатки и Чукотки, а также эвенков [11, С. 38]. Такой же точки зрения придерживается историк, археолог А.П. Деревянко [4, С. 250].

Таким образом, можно предполагать, что не отмеченный в западной Сибири, а также в Забайкалье (Бурятия, Читинская область) род Бута начал формироваться в районе Приамурья в контактах с древними монгольскими племенами с последующим продвижением их в Хабаровский край и на о. Сахалин.

Компактность проживания рода Бута позволяла им чаще поддерживать родственные отношения, тем самым сохраняя функции эвенкийского фольклора в своей среде. По традиции эвенков, при встречах даже двух-трех семей обязательно исполнялись песни, хороводы и героические нимнгаканы.

Кроме компактного проживания, род Бута отличался еще своей многочисленностью. Гордясь своей многочисленностью, его представители (бутальцы) добавляли к названию рода «гордую приставку» – сунар, образованную от эвенкийского слова суні – «вытягивающийся, тянущийся», т.е. многочисленный род. При встрече друг с другом, они пели с гордостью: «Буга мудан ситкидукин, суні-Буга сунчадянагдан, суні-сунар гэрбин сунтадянагдан; – От самого края земли до ее центра, обширный род Буга, расселившийся, протягивается и своим именем утверждается; досл.: С края земли вытягивающийся, Буга тянулся, тянущийся его поводок громким именем растягивался» [9, С. 21].

От представителей рода Бута записаны произведения различных фольклорных жанров – мифы, сказки, песни, образцы запретов – одё, различных благопожеланий – алга, также записано небольшое количество героических сказаний эвенков.

По устным сведениям многих эвенков, в роду Бута была сильна традиция исполнения героических нимнгаканов, имелись известные сказители и певцы. Образцы героических сказаний рода Бута являются интереснейшим материалом для исследователей языка и фольклора эвенков, как образцы поэтической речи, как явление общей духовной культуры эвенков.

Полноценные качественные записи эвенкийских героических сказаний большого объема от представителей рода Бута осуществила исследователь эвенкийского языка и фольклора А.Н. Мыреева. Самым крупным опубликованным эпическим текстом эвенков указанного рода является сказание Николая Гермогеновича Трофимова «Дулин Бута Торгандунин – Торгандун средней земли», изданное в 2013 г.

Материалы эвенкийского эпоса в записях от представителей Бута характеризуются качественными аудиозаписями и полноценными публикациями. Кроме записей от братьев Трофимовых имеются как опубликованные, так и не опубликованные фольклорные материалы от других нимнгакаланов рода Бута – Апанаса Пудова, Ивана Романова, Н.Н. Пудова, И.П. Павлова.

Литература:

1. Болдырев Б.В. Введение // Словарь зейского говора эвенков Амурской области = Зейскай говор эвэды турэрукин: слов. содержит 10000 слов / [под ред. Г.И. Варламовой] ; М-во образования и науки РФ [и др.]. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. – 425 С. – С. 2-19.
2. Василевич Г.М. К вопросу о киданях и тунгусах. / Советская этнография №1. – М.; Л.: Издательство академии наук СССР, 1949. – С. 155-160.
3. Василевич Г.М. Древние географические представления эвенков и рисунки карт // Известия Всесоюзного Географического Общества. № 4, 1963б. – С. 306-319.

4. Деревянко А.П. Приамурье (1 тысячелетие до нашей эры) / отв. ред. А.П. Окладников. – Новосибирск: Наука, 1976. – 384 С.

5. Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь – Эвэды-лучады турэрук. – Новосибирск: наука, 2004. – 798 С. (серия «Памятники этнической культуры малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока; Т3).

6. Николаев С.И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. – Якутск, 1964. – 202 С.

7. Румянцев Н.А. Сохраняя традиции рода // Иенгра в лицах: по страницам газеты «Индустрия Севера» / сост. Н.Г. Павлова, ред. Е.В. Мавлютова. – Нерюнгри, 2011. – 38 С.

8. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков / Отв. ред. В.И. Цинциус. Т. 1. – Л.: Наука, 1975. – 672 С.

9. Туголуков В.А. Эвенки Восточной Сибири и Дальнего Востока / Отв. ред. С.А. Арутюнов. – Красноярск: Сибирские промыслы, 2013. – 352 С.

10. Фольклор эвенков Якутии / сост. А.В. Романова, А.Н. Мыреева. – Л., 1917. – 330 С.

11. Чебоксаров Н.Н. Основные проблемы этнической антропологии Дальнего Востока // Вопросы, истории советского Дальнего Востока. – Владивосток, 1965.

12. Эвенкийские героические сказания / Сост. А.Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 392 С. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока).

Варламов А.Н.

Сказание о Нюнгурмок – история эвенков в нимнгане

Традиции устного народного творчества эвенков формировались на протяжении тысячелетий, сохраняя и передавая будущим поколениям важнейшие исторические сведения в особенной художественной форме, соответствующей фольклорным жанрам. Эвенкийский нимнган отражает историю по законам эпического жанра, преломляя историческую действительность в художественно-поэтической форме и фиксируя наиболее значительные эпохи и явления, сопровождавшие формирование эвенкийского (тунгусского) этноса, а также развитие человеческого общества в целом. Сказание о Нюнгурмок – пример классического эпоса эвенков об одиноком герое – прародителе эвенков, его потомках, их путешествиях и подвигах, символизирующих дальнейшие стадии исторического пути эвенкийского этноса.

Образ эпической героини Нюнгурмок нетипичный, т.к. в своем большинстве, одинокие герои эпоса эвенков представлены мужчинами – богатырями и охотниками. Эпические тексты с героиней Нюнгурмок являются классическим примером архаического эпоса. Женский образ прародительницы являет собой отголосок наиболее раннего исторического периода, когда главные образы в мировоззрении прототунгусов были женскими. Образ старушки Нюнгурмок является главным в опубликованном сказании о богатыре Хуругучоне [5, С. 82-89, 234-241]. В архивах А.Н. Мыреевой и Г.И. Варламовой имеется запись героического сказания «Нюнгурмок», исполненного братом известного сказителя Н.Г. Трофимова – Егором Гермогеновичем Трофимовым. Сказание, где одной из главных героинь является Нюнгурмок, было записано от того же сказителя и опубликовано в сборнике «Фольклор эвенков Якутии». Общая канва всех известных текстов о Нюнгурмок такова: в древние времена на берегу большой реки живет одинокая старушка Нюнгурмок. Она не знает, как она появилась на свет и не имеет абсолютно ничего. Неожиданно волшебным образом она приобретает двух оленей, а чуть позднее, таким же волшебным образом и сына (внука). Далее старуха воспитывает

ребенка, тот становится богатырем, добывает зверей, и они живут благополучно. Однажды к ним приходит богатырь нижней земли по имени Сэлэнтур, ищущий дочерей солнца Секардина. Воспитанный старушкой Хуругучон бьется с врагом, почти побеждает, но враг ускользает от него. Получив благословление своей Нюнгурмок, Хуругучон отправляется в путешествие и, в конце концов, находит себе жену.

В представленном в настоящем издании эпическом тексте, образ Нюнгурмок имеет более развернутые и последовательные характеристики – в самом начале сказания героиня еще ребенок, одинокая девочка, живущая в эпоху сотворения мира:

«Билир-билир,
 Дуннэ моиканин
 Сенначинин серилдивдяракин,
 Мо бими элэкэс мокивдяракин,
 Дулин дуннэцит
 Коцнорин тукалакан
 Элэкэс коцноргодёрокин...
 ... Дулин Буга оёдун,
 Мора дулиндун
 Оскендечэн-тывэндечэн
 Нюнгурмок –
 Аңадьякан-ахаткан.
 Эмуккэкэн оскедечэ. –
 – В давние давние времена,
 Когда верхушка земли
 Подобная чума верхушке
 Величиной с ушко со шкурки головы дикого оленя прорезывалась,
 Дерево, будучи деревом, лишь деревенеть начинало...
 На поверхности средней земли Дулин Буга,
 Посередине моря
 Появилась-росла
 Нюнгурмок –
 Девочка-сиротка.
 Одинешенька существовала-жила» [С. 12-13].

У главного женского персонажа эпоса полностью отсутствует начальный комплекс знаний – она не имеет представления об окружающем мире и своем месте в нем, а все, что она приобретает, не может понять и объяснить:

«Эр-кэ екундук йучэ, бид`ингэн, – гунчэвки, – д`эрэн, – гунчэрэн, – эрэни эмукин бичэв, бид`ингэн, – гунчэрд`эрэн. Олус горово толкуйданан...

Д`э, нунган бихэм-дэ йэнэ-бираду оскед`аран-и-вит. Арай эр бид`энэ, д`ур орочи биттэн. Ни-дэ бунэвэн, эчэ сарэ. Тара гунчэвки: «би анэлив», гуннэ, «д`авад`ам!».

– «Откуда-нибудь же я появилась? Ну, – думает, – может быть, я жила всегда одна? Долго она думала...

Живет она и живет на большой реке. Вот она стала обладательницей двух оленей. Кто их послал ей – не знала. Об этом она думала: «Во сне, что ли я [их] поймала?» [5, С. 82, 234-235].

Характерным признаком архаики является описание быта героини: «Тадук мэнин д`укчан – утэн калтакан. Нонон иргихэн – д`иктэ калтакан, тадук гевукта – н`ангта калтакан иргихэчи бичэ».

– «А чум у нее был получум-утэн из жердей. Одной едой ей были половинки ягодок, другой – половинки кедровых орехов» [Там же, С. 82, 235].

Упоминание об употреблении в пищу половинок ягод и кедровых орехов, половинчатый чум, вероятно, подчеркивает полудуховную сущность героини. По эвенкийским представлениям в другом мире люди живут иначе, в том числе, сами люди иногда представляются половинчатыми (бэе-калтакан – досл.: «человека половинка»). То, что героиня питается половинками ягод и орехов, характеризует ее как пришедшую на землю из мира духов. По всей видимости на эпическую героиню Нюнгурмок перенесены ранние воззрения о Прародительнице – хозяйке земли Энекан Буга. Посланный ей волшебным образом мальчик, называет Нюнгурмок бабушкой, а не матерью, что также характеризует ее как прародительницу человеческого рода. В эпосе подчеркивается ее воспитательная роль – она дает мальчику имя, растит, учит его охотиться, объясняет ему – куда нужно идти, чтобы найти будущую жену.

Важным моментом является описание деятельности героини сказания, характеризующей ее как создательницу. Героине присущи черты демиурга, она создает предметы быта и культуры – приручает оленей, дает имя мальчику, делает для него лук. Приведем пример из текста, опубликованного в данном издании:

«Илалдава биксэ

– Бэркэнэи энинми овкатча.

Энинын, тара окса, бучэ...

– Трое суток прожив

– Стал просить мать смастерить ему лук.

Мать, сделав лук, дала ему». [С. 94; 119].

Образ старушки Нюнгурмок в своем одиночестве является символом первочеловека как прародительницы человеческого рода. Героиня эпоса – одинокий человек, живущий на берегу большой реки, по всему течению которой в то давнее время нет никого из людей:

«Если одну реку большую, текущую там,

От самого устья до самого конца ее

Внимательно окинуть взглядом,

Там, оказывается, одно жилище-утэнчик имеется» [С. 14].

Образ героини во многом уникален. К примеру, это единственный эпический герой эвенков, живущий рыбной ловлей:

«Если это все осмотреть внимательно,

То на большой реке тоже что-то виднеется,

У этого одинокого жильца заездок-уки имеется.

Этот заездок-уки сама ли сделала,

Кто ли для неё сделал – нам неведомо» [С. 14-15].

Возможно, в рыболовстве героини находит отражение историческая эпоха байкальских прототунгусов – «глазковцев», познакомившихся с рыболовством более 3-3,5 тыс. лет [7, С. 111-112].

Сюжет и мотивы сказания о Нюнгурмок не отличаются от сюжетов и мотивов большинства эвенкийских нимнганов. Завязкой сюжета в сказании является неожиданное прибытие гостей с восточной стороны. Со стороны восхода солнца прибывают небесные девицы-киливли – дочери Геван-старика. По тексту причиной визита является знакомство, но при внимательном прочте-

нии в словах гостей отчетливо проступает призыв о помощи:

«На нашей родине большой переполох.
 Отовсюду и атаманы-предводители авахов,
 И с верхней Угу Буга богатыри-сонинги
 Прийти должны,
 Время наступает.
 Поэтому-то сильно
 Спеша, прибыли мы» [С. 27].

Подобная завязка с призывом о помощи со стороны неожиданно появляющихся дальних соплеменников весьма характерна для эпоса эвенков. По нашему мнению эта устойчивая завязка эпического сюжета символизирует историческую эпоху вторичной миграции древних тунгусов на восток [3, С. 147].

Главным сюжетобразующим мотивом является мотив путешествия, наиболее характерный для всех эвенкийских героических сказаний. Вне сомнения, данный мотив является художественным отражением исторического процесса глобальных миграций тунгусов в различные исторические эпохи [2]. В текстах о Нюнгурмок причины, побуждающие героя к путешествию, отличаются. В сказании о Хуругучоне герой в диалоге с воспитавшей его старушкой Нюнгурмок говорит следующее, изъявляя желание двинуться в восточном направлении:

«Би горокондули гиркуктаракин, он бимчэ? – гуннэ, эниндуки гэлэд`эрэн: – Дулин бугаду хаватад`арии д`Ур халгачи, гохикачи бивки, бид`ингэн? Би гиркийэви гилэктэдэви эйэчим, – гунд`эрэн: – Ділача йуптутки сурурэкив, екун бид`ингэн? – Д`э, тікэн гунивкэ нунган...

– Если бы в далекие места отправился я, то что случилось бы? – говорит он и спрашивает у бабушки: – На средней земле ходящее двуногое существо с ногами, вероятно, имеется? Я хочу приискать себе товарища, – говорит. – А что если я в сторону восхода (солнца) пойду, как ты думаешь? – так он говорил» [5, С. 84, 236].

В данном случае главный герой устремляется на восток, чтобы помочь своим дальним сородичам – едва прибыв в далекую страну Геван старика, герой Хуругучон сталкивается в битве с враждебными богатырями-авахи нижнего мира:

«От возмущения и прихлынувшей крови

Глаза его покраснели,

Из кончиков десяти пальцев его

Кровь от негодования

Десяти струйками брызнула.

К этому врагу-авахи»

Быстро он направился [С. 39-40].

Борьба эвенкийского эпического богатыря с враждебными авахи из нижнего мира является отражением длительного исторического противостояния тунгусов с южными племенами степных скотоводов [2, С. 75-86].

Дальнейшее развитие сюжета также имеет под собой историческую основу, символизирующую процесс неоднократных миграций тунгусов с территорий исторической прародины – Прибайкалья-Забайкалья на восток. В опубликованном тексте в земли Геван-старика прибывает младший брат главного героя:

«Прибыл, если спросишь –

Я своего старшего брата по имени

Хуругучон-богатырь, разыскиваю.

Дочери небесного Геван-старика украдкой

От моей матери увели-украли его.

Разыскивая его по следу, прибыл я сюда» [С. 45].

Младший брат помогает старшему в битве с врагами. После победы над врагами братья берут в жены девушек-киливли и возвращаются домой:

«Теперь мы с тобой

Средней земли дулин Буга хозяевами

С этих пор станем!

Пусть так и будет,

Дочерей Небесного старика Гевана

В жены себе взяв,

Давай домой отправимся!» [С. 47].

Данный мотив взаимобратных отношений с эпическими девушками племени киливли, кидан отражает этногенетические взаимосвязи тунгусов с протомонгольскими племенами в восточных территориях Сибири, преимущественно в нижнем течении Амура [4].

Контакты тунгусов на востоке в более позднее историческое время находят отражение в дальнейшем развитии сюжета сказания о Нюнгурмок. Сын главного героя и его жены Солкокчон возмужав, направляется в восточные земли (сопоставляемые нами с нижним Приамурьем), где вместе с богатырем верхнего мира противостоит авахи – богатырям нижнего мира. На наш взгляд, данный распространенный эпический сюжет эвенкийских сказаний может являться отражением длительного процесса этногенеза с участием тунгусов на востоке. Согласно принятым научным сведениям, в истории древнего Дальнего Востока выделяется три этнокультурных этапа, которые прошли в своем развитии тунгусские племена, оказав тем самым заметное влияние на этногенез современных народов Дальнего Востока: ирукский, мукрийский и бохайский. Для первого этапа (II век до н.э. – II век н.э.) наиболее характерными были контакты тунгусов с аустронезийскими и древненивхскими племенами [6, С. 22-23].

По содержанию опубликованного сказания о Нюнгурмок возникновение эвенков как этноса произошло лишь от третьего поколения героев сказания – от сына Хуругучона, внука Нюнгурмок:

«Вот так все это было.

Повез он свою жену на родину.

На среднюю землю Дулин Буга –

К родителям своим,

Привез ее.

Приехав к родителям, жить начали.

Вот с тех самых пор

Корень эвенков начался-зародился.

Они оленей содержали,

Рогатый скот содержали,

Строя для них изгороди,

Огонь-очаг по-людски

По-человечески содержали,

Детей рожая,

Стали жить да поживать!» [С. 90]

Таким образом, в сюжете, мотивах и образах нимнгакана о шестикосой Нюнгурмок многие поколения эвенкийского этноса

сумели донести до нас – своих дальних потомков, многотысячелетнюю историю, сохранившуюся в устном народном творчестве по законам эпического жанра.

Литература:

1. Варламов А.Н. Исторические корни мотива путешествия одинокого героя: по материалам эпоса эвенков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 110. С. 142-149.

2. Варламов А.Н. Исторические образы в эвенкийском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009. – 96 С.

3. Варламов А. Н. Специфика историзма в фольклоре эвенков: дис... д-ра филологич. н. // Российская академия Наук: Сибирское отделение: Институт Гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера. — Якутск: 2011. — 430 С.

4. Варламов А.Н. Фольклорный сюжет и история: к вопросу о контактах тунгусов на Востоке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 1. С. 33-36.

5. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / Сост. Василевич Г.М. – Л.: Наука, 1966. – 400 С.

6. История и культура народов Севера Дальнего Востока / отв. ред. А.И. Крушанов. – М.: Наука, 1967. – 218 С.

7. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 374 С.

8. Фольклор эвенков Якутии / Сост. А.В. Романова, А.Н. Мырзева. – Л.: Наука, 1971. – 330 С.

Нюңун нюңунтоно
Нюнурмок – ахаткан-кудакан
Шестипрядевые косы имеющая
шестикосая Нюнгурмок –
девочка-сиротка

Печать офсетная 60x84/16
Тираж: 300 экз.
Подписанов в печать: 18.11.2015 г.

Книга подготовлена и отпечатана
ООО «ЦИКЛ»